Ирина Потанина

ОДЕССКАЯ КУХНЯ

Предисловие Лады Лузиной

FOLIO

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Новая книга Ирины Потаниной - захватывающая кулинарная провокация. В каком-то смысле текст представляет реальную опасность для читателя: с первых же страниц на вас хлынут ароматы соблазнительных рецептов. Вам немедленно захочется что-нибудь приготовить, и остальным делам придется подождать.

Представленные в книге рецепты мало того, что совсем не сложны и при том замечательны, так еще и собраны автором отнюдь не случайно. Каждый сопровождается своей литературной историей, связан с известными личностями, жившими или просто бывавшими в Одессе, а еще с одесскими легендами, байками, рассказами и рассказиками.

Пушкин, Ахматова, Гоголь, Франко, Утесов, Раневская... Их имена навсегда вошли в историю города, и уже никто не знает, где там правда, а где... ну, скажем, одесский фольклор. Отличить факты от вкусных домыслов не так-то просто... Впрочем: а оно нам надо? Пусть все остается так, как есть!

Итак, получите, как говорится, в одном флаконе (а в нашем случае - в одной кастрюле!) смесь из характерного юмора, известных личностей и особой кухни - и все это под глазурью одесского колорита.

Кстати, недавно в издательстве «Фолио» вышла еще одна книга этой серии - «Киевская кухня» Ильи Ноябрева.

- Ирина Сергеевна Потанина
  - Я есть то, что я ем
  - Померанец, так с музыкой!
  - Ох и каша заварилась!
  - Шерше ля дрожжи!
  - Принцесса на горошине
  - Немного о классике
  - Фаршируем по-одесски
  - «Таки да!» от графа Строганова
  - Гоголь по-одесски
  - Целебные дары морские
  - Одесская мазурка
  - Вишневый клад Одессы
  - Одесская фантазия
  - Украинские нотки
  - Самая крупная рыба
  - Одесский пастернак

- Самый цимес!
- Одесский чайник
- Цыпленок жареный
- Чисто одесский язык
- Лапша от нашей Сони
- Рожденная в Одессе
- Свой с потрохами
- Одесские штучки
- Заграница нам поможет
- Подавать холодной
- Кофейня по-одесски
- Ы, наконец, подарок!
- Луки стрелы
- Королевский шик
- Одесское сердце
- Бычки мадам Стороженко
- Пить соки по-одесски
- Две большие разницы
- Снято очень вовремя
- Вертута и вертама
- Заяц по-одесски
- Место встречи изменить нельзя
- «Прошу к столу- вскипело!»
- Раки. Вчера, сегодня, вечно
- Остёр, прекрасен и любим

- notes
  - 1

Ирина Сергеевна Потанина
Одесская кухня

Я есть то, что я ем
Исповедь почти одесситки

Логично предположить, что я хочу поговорить о еде. Ведь, по мнению многих, потребление той или иной пищи во многом определяет характер. Так, моя ставшая вегетарианкой подруга любит повторять, что мясо делает нас агрессивными. А общий друг, выслушивая ее наезды на мясоедов, всегда отвечает, мол, агрессия хищника - штука в нашей жизни необходимая, а тот, кто предпочитает растения, и заканчивает травоядным характером. Да что там, если характерные черты целых народов объясняют их пристрастием к определенным национальным блюдам.

Но, как ни странно, моя статья вовсе не о еде. О иной пище....

Когда-то я мечтала написать диплом «Влияние архитектуры города на формирование творческой личности». Не сложилось. Но с тех самых пор я часто возвращаюсь мыслями к теме, вновь и вновь убеждаясь в важности этой взаимосвязи. Для меня национальность определяется не местом проживания или рождения, не столько кровью в жилах, сколько количеством черт и особенностей города или страны, которые ты принял в себя...

Я вновь задумалась об этом сегодня, стоя посреди Одессы, мокрой, холодной,- такой родной, что щемило сердце. Я впервые сказала себе, что, будучи коренной киевлянкой в невесть каком поколении, по характеру, нраву и норову - я скорей одесситка. Именно потому, что в детстве меня кормили, как кашей, вовсе не Киевом, а Одессой.

До 16 лет я была типичной книжной девочкой, замкнутой в треугольник дом-школа-кружок во дворце пионеров - и снова дом. Но почти каждое лето наша семья отправлялась в Одессу на Дачу. И, в отличие от киевской, моя одесская жизнь представляла сплошную «+ бесконечность». Бесконечное море, из которого мама никогда не могла меня вытащить. Бесконечные экскурсии, поездки на дальние берега и скалистые пляжи, многочасовые пешеходные прогулки по городу, музеи и театры, включая самый красивый в мире Одесский Оперный. Бесконечная, как сериал, история старой Дачи, где выросло несколько поколений нашей семьи, Дачи, помнившей еще мою бабушку смешным карапузом в раздутых трусах (я обожала бабулины рассказы о ее детских дачных приключениях и просила повторять их вновь и вновь). Бесконечные родственники - дяди и тети, кузены и кузины, множество детворы, вместе с которой мы придумывали тысячи игр. Бесконечные приключения - с моей лучшей подругой-

одесситкой мы постоянно лазали по деревьям, заборам и крышам, обливали водой прохожих, придумывали проказы и каверзы. Киевская тихоня превращалась в Одессе в совершенно разбойный элемент...

Позже эта метаморфоза произошла и в моей биографии. Дивный винегрет замечательно спорных качеств просто не мог остаться незамеченным! Непотопляемая уверенность в собственной своеобычности и неповторимости, острота языка, шутки (порой на грани фола), желание ярко одеваться (порой на грани дурновкусия, но в Одессе всегда было принято блестеть втрое ярче, чем в Киеве!) и даже убеждение, что я вправе выламывать русский язык по своему разумению - все это воспитанье легендарной Одессы.

Именно Одесса помогла мне понять - мы то, что мы потребляем, принимая вовнутрь. Нас воспитывают города и страны, семьи и люди, идеи которых мы впитываем в себя настолько, что они становятся нами. (А бывает наоборот: страна, окружение - не идут, стоят в горле рыбьей костью, вызывая процесс обратной перистальтики.) «Я есть то, что я ем». Во всех смыслах. Вроде простецкая мысль, но как часто мы пренебрегаем ею себе же во вред. Трудно стать великим творцом, если на завтрак обед и ужин ты потребляешь исключительно низкопробную литературу и тупую попсу. Трудно поверить в себя, если в «меню» у тебя только упреки, тычки, критика близких, убежденных: у них ничего не вышло, и у тебя тоже никогда ничего не получится. И как легко мы заражаемся верой от тех, кто по-настоящему верит в нас, верит в себя, верит в лучшее!

Распространенный совет всех психологов: не общаться с неудачниками. Их неудачи заразительны, они тянут на дно и вас заодно. Хочешь бросить пить - для начала брось пьющую компанию. Хочешь возвыситься душой - окружи себя высокодуховным. Пару лет назад одна моя знакомая (по чистой случайности она - одесситка) начала роман с известным деятелем шоу-биза. Сама она не имела ни отношения к этой сфере, ни желания затесаться туда. Однако на втором году их романа ей пришлось переквалифицироваться из просто бизнес-вумен в шоу-бизнес... Иного выхода у нее просто не было. Она должна была либо стать частью окружения любимого, либо отвергнуть его вместе с миром искусств.

Потому когда меня подстерегают неудачи, я пересматриваю фильмы про людей, которым удалось победить неприятности и достигнуть поставленной цели - я «наедаюсь» их верой в победу. Еще лучше - окружить себя победителями, людьми, излучающими успех, способными одним своим существованием научить тебя

правилам верной игры...

Когда же мне становится совсем-совсем плохо, я сбегаю в Одессу. Так, в трудный миг ты бежишь к маме, чтоб спрятать голову у нее под мышкой. Мама любит тебя любой. И Одесса-мама тоже научила меня главному качеству: любить себя любой. Принимать свое несовершенство - как своеобразие. Как индивидуальность, которая дороже любых совершенств! Принимать свою неправильность как удачную возможность выделится, благодаря отклонению от общей нормы. Не подстраиваться под мир, а подстраивать мир под себя. Как это делают в Одессе! Приезжая туда, люди начинают старательно коверкать слова, чтоб соответствовать местному шику.

Я всегда называла Одессу своим вторым родным городом. Любовь к ней, ставшая почти религией нашей обширной семьи, - у меня в крови, я получила ее в наследство как фамильную ценность, вместо бриллиантов и серебряных ложек. И не исключено, что это наследство дороже бриллиантов. Ведь я получила в подарок саму себя - такую, какая я есть. И я понимаю свою дачную кузину: будучи москвичкой, имея отменную квартиру в центре, она предпочитает проводить большую часть года в Одессе. «Потому что именно здесь со мной произошло все самое лучшее», - говорит мне она. Я бы сказала иначе: всему лучшему, что случилось со мной, я обязана воспитанью Одессы. И если я не представлялась «почти одесситкой», то лишь потому, что сомневаюсь: достойна ли носить этот титул? Одесса - едва ли не единственный город страны, быть выходцем из которого уже повод для гордости. Представляясь в Киеве: «Я - одесситка» - ты услышишь в ответ восхищенное «О!..», точно вскрылась твоя принадлежность к царской фамилии.

Говорят, что прежней Одессы больше нет. Что она осталась только в старых книгах и фильмах. Это вранье. Одесса бессмертна. По приезде туда муж позвонил по объявлению. Мы хотели купить старинный абажур.

- Сколько он стоит? - переспросила его чисто одесская дама. - Ну убейте меня, рублей пятьдесят. А кроме абажура вас что-то интересует?

- Что, например?

- Костюм мужской, новый интересует?

-Нет.

- А женщины вас интересуют? Я сейчас передам трубку одной милой девушке, она наверняка в вашем вкусе.

- Я женат.

- О, - ничуть не растерялась дама, - передайте вашей жене, что вы прелесть!

Да, нужно был одесситом Мишкой Япончиком, чтобы провозгласить самого себя королем, а свой район Молдаванку - свободным государством. Нужно было быть моей одесской тетей Люсей, чтобы до 92 лет иметь осанку королевы и отдавать распоряжения миру с достоинством Елизаветы Английской. Но не обязательно быть одесситом, чтобы верить в себя - нужно лишь однажды как следует распробовать это фирменное одесское блюдо.

Такая Одесса нужна мне порой, как диета больному. В одесских мидиях так много белка. В одесской «Хреновухе» - так много беззаботного веселья.

Но в самой Одессе есть нечто покруче витаминов В, Е и С. Качества, которые нужны для жизни, веры, победы. Качества, благодаря которым уж вас-то не съест никто - все обломают зубы!

Лада Лузина

Померанец, так с музыкой!

Одесситы - удивительная нация. Чего стоит хотя бы гордо воздвигнутый ими в самом центре Одессы памятник взятке! Официально он, конечно, зовется по-другому, но народное название куда более метко, популярно и цитируемо. Спускайтесь от Оперного театра к Литературному музею и смотрите в оба! Видите апельсин с одесскими достопримечательностями на голове и Павлом I в сердцевине? Во-от!

Не случайно с рассказа об этом памятнике мы начинаем сборник одесских историй. Ведь всех их не было бы, не произойди однажды в Одессе отмеченный «памятником апельсину» эпизод. Но давайте по порядку.

«Да будет порт!» - сказала в 1794 году Екатерина Великая, нуждаясь в развитом и защищенном приморском торговом городе на западной границе Новороссии.

«Сделаем!» - бодро отрапортовал граф Хосе де Рибас, собственноручно завоевавший пять лет назад стоящую на указанном месте турецкую крепость Хаджибей.

Вскоре граф понял свою ошибку и схватился за голову. Одно дело - командовать военным отрядом, другое - градостроительством. Хорошо, что императрица, помимо распространенных в таких случаях льгот (денежных ссуд, освобождения от налогов, разрешения на строительство церквей любых религий...), помогала градостроителям то добрым словом, то не слишком бдительным надзирательством. Даже имя городу лично выбирала. Памятуя, что где-то на западе Черного моря была расположена легендарная греческая колония Одессос, Екатерина сказала: «Пусть город носит эллинское название, только в женском роде». Увы, несмотря на звучное имя, надежную покровительницу и искренний энтузиазм первых поселенцев, дела у города шли не безупречно. Все больше планов отказывались реализовываться в срок, все больше средств уходило невесть на что...

Первым обнаружил несоответствие ожидаемого и реальности император Павел I, заменивший на престоле скончавшуюся в 1796 году мать. В отличие от Екатерины, новый правитель не считал город своим детищем и вообще не питал ни к Одессе, ни ко всем обретенным в ходе войны с турками территориям никаких нежных чувств. Поверхностный взгляд, увы, предоставлял картину, категорически настраивавшую против города, и император позволил себе удивительную бестактность:

потребовал от строителей Одессы подробный отчет о растратах. Что тут началось! Де Рибаса затребовали «на ковер» в Петербург, архитектора Де Волана, руководившего строительством порта, уволили на месте, строительство порта прекратили... Трехлетний город лишили всякого финансирования и, словно ребенка-спартанца, не уча плавать, бросили в море самостоятельной жизни. Плюс к этому на опальный город обрушились неурожай и землетрясение. Все в Одессе пришло в полнейший упадок. Город явно собирался пойти ко дну... Но настоящие одесситы - изобретательные, оптимистичные, никогда не сдающиеся - существовали уже тогда, потому сидеть сложа руки магистрат не стал.

> Императрица помогала градостроителям то добрым словом, то не слишком бдительным надзирательством. Даже имя городу лично выбирала.

- Все дело в недостроенности порта! - озвучили очевидную истину градоправители. - Она проистекает от недостатка финансирования. Он, в свою очередь, - от недостатка любви императора к городу. А это -дело поправимое.

> Вместе с ходатайством о выделении городу новой ссуды на строительство порта в Петербург отправился обоз с тремя тысячами отборнейших вкуснейших апельсинов. Подарок выполнял заодно и рекламные цели.

Вместе с ходатайством о выделении городу новой ссуды на строительство порта в Петербург отправился обоз с тремя тысячами отборнейших вкуснейших апельсинов. Подарок выполнял заодно и рекламные цели. Заморские померанцы (так называли на Руси апельсины те редкие люди, которым доводилось слышать об этом диковинном фрукте) - экзотические, полезные, сочные - символизировали все удовольствия, доставка которых в Россию существенно упрощалась при наличии работоспособного одесского порта. Охранять посылку «по известной его на сей случай пригодности» был назначен унтер-офицер бывшего греческого дивизиона. Он распугивал всех желающих поживиться разбойников и вдобавок подготавливал общественное мнение. Ни от кого не скрывая цели своего путешествия, он весело откровенничал со всеми интересующимися:

- Что везешь?

- Померанцы везу! Царю везу! Лучшие везу! В подарок везу!

Слух о том, что померанцы - лучший подарок, бежал впереди паровоза, в смысле обоза.

Скажем сразу: мероприятие было рискованным. Причем завершающая часть операции - вручение подарка императору, была куда опасней самого путешествия, невзирая на кишащие бандитами дороги. При дворе привыкли к любым дарам и могли обидеться как на сам факт «подношения, завернутого в письмо с просьбой дать денег», так и просто на содержание «передачки». К счастью, все обошлось. Похоже, апельсины и впрямь оказались неописуемо вкусны.

Памятник апельсину

26 февраля император Павел уже писал так: «Господин Одесский бургомистр! Присланные ко мне от жителей Одессы

померанцы я получил и, видя, как в присылке сей, так и в письме, при оной мне доставленном, знаки вашего и всех горожан ваших усердие, изъявляю через сие вам и всем жителям одесским

мое благословение и благодарность. Пребывая к вам благосклонный. Павел».

К письму прилагались хорошие ссуды и новые налоговые льготы для строящегося города. Одесса была спасена, а император навсегда остался ее добрым другом и защитником! С тех самых пор, прервавшись лишь на короткий период борьбы с чумой, город только и делает, что процветает. Подобно тому, как римляне знают, что Рим спасли гуси, одесситы с детских лет слышат историю о том, что Одессу спасли апельсины. За что им от всех нас огромное спасибо!

Не удивительно, что с тех самых пор апельсин стал пользоваться у одесских поваров особым почетом. Его добавляют в соусы и супы, его дольками освежают вкус мяса и выпечки, его обязательно подают в качестве главного ингредиента фруктового ассорти. Особенно прекрасен он в сочетании с нежным мясом птицы.

Знакомьтесь: ***«Курица пряная с Привоза в апельсиновом соусе ».***

Вам понадобится (на 6 порций):

6 кусочков курицы

(ножки, крылья или филе - на ваше усмотрение)
1/2 стакана апельсинового фреша
2 столовых ложки томатного кетчупа
1 столовая ложка муки
2 зубчика чеснока
1 чайная ложка сухой приправы для мяса
(обязательно вашей любимой)
2 столовых ложки сахара
1 чайная ложка корицы
кусочек имбиря
соль, перец - по вкусу

Приготовление:

Все гениальное просто. Главное - выбрать хорошую курочку и подготовить натуральный фреш. Кусочки курицы помещаем в жаропрочную посуду. Отдельно трем имбирь и измельчаем чеснок, после чего смешиваем с ними все оставшиеся ингредиенты блюда. Получив аппетитную пасту, удерживаем себя от желания немедленно ее съесть, заливаем ею курочку, закрываем посудину и помещаем блюдо в разогретую до 180 °С духовку. Периодически покалывая курицу зубочисткой или ножом, поливаем ее сверху пастой со дна посудины. Запекаем все до тех пор, пока мясо не станет мягким, выходящий из курицы при прокалывании сок не приобретет прозрачность, а исходящие от блюда ароматы полностью не лишат вас сил ждать.

Ох и каша заварилась!

«В жизни всегда есть место подвигу. Главное - держаться от этого места подальше», - рассуждают нормальные люди. Позиция остальных - прямо противоположна. Совершать невозможное для них столь же естественно, как дышать, а в отсутствии пространства для героизма они испытывают острый приступ клаустрофобии. В этом их сила, но в этом же и их слабость. Возможность одержать какую-нибудь немыслимую победу - лакомый кусочек, на который их легко можно купить. Именно таким отчаянным храбрецом и безумным работоголиком был первый градоначальник Одессы, - Осип Михайлович Дерибас

С определенного ракурса строительство Одессы выглядит как перепев сказки о каше из топора. Скажи кто-то горячему испанцу, блестящему дипломату и лихому военному, что три года своей жизни он должен посвятить рутинному делопроизводству, он ни за что не согласился бы. Но ему предложили подвиг. Из ничего, без никого, но зато во имя великой державы предстояло породить целый город, защищающий опасную границу и в то же время открывающий ворота в мировую торговлю. Сложность и значимость задачи пленяли. Подобно тому, как в вышеупомянутой сказке котел наполнился всеми нужными для обычной каши ингредиентами, последующие этапы одесской деятельности Дерибаса включали в себя все атрибуты банальной работы в тылу. Интриги, бюрократия, сметы, корректировка планов, контроль над подрядчиками и изучение технических нюансов... Все это неприспособленный к обыденности воин переносил стойко, ибо вожделенный интригующий топор - вера в то, что общими усилиями прямо сейчас совершается нечто невероятное, - воодушевлял и заражал азартом. Финал тоже оказался похожим. Топор в конце концов выбросили и получили обычную кашу. Атмосферу подвига развеяли, а спрашивать с Осипа Михайловича стали не как с героя, а как с рядового градостроителя. Никого не волновало, что сам факт возникновения пограничного города в рамках отведенного времени и бюджета - уже достижение. Интересовали конкретные показатели и возможность немедленного получения пользы от нового городского округа. Тогда Дерибаса и уволили. Но обо всем по порядку.

Став на русский манер Дерибасом, Осип

Михайлович проявил себя на службе наилучшим образом. Особо отличился он в русскотурецкой войне.

Этнический испанец Рибас родился в Неаполе. Дворянин, плененный доблестью графа Орлова, бывшего в Италии по делам, так страстно желал проявить себя, что был приглашен на русскую службу. На вопрос о возрасте, как заправский Д'Артаньян, он отвечал: «Ах, много, сударь, много - восемнадцать!» И, кстати, говорил неправду, намеренно завышая число лет. Став на русский манер Дерибасом, Осип Михайлович проявил себя на службе наилучшим образом. Особо отличился он в русско-турецкой войне. Именно он предложил план реформы черноморского флота, именно он во главе маленькой флотилии канонерских лодок разгромил турецкий флот в Днепровском лимане, именно он был тем безумцем, который придумал поднять со дна затопленные турецкие корабли и укрепить ими русскую флотилию. Командуя небольшим, но мощным отрядом, сформированным, в том числе, за счет пришедших под знамена «легендарного Дерибаса» иностранцев, Осип Михайлович покорил крепость Хаджибей, а позже сыграл решающую роль во взятии считавшегося неприступным Измаила...

Осип Михайлович Дерибас

Война закончилась, и Екатерина II намекнула на новое задание. Дерибас с помощью давно пришедших к нему на службу инженеров Де Волана и Шостака предложил строить порт на месте Хаджибея. Вице-адмирал Мордвинов - на месте Очакова.

Позволить загубить свой план гордый испанец не мог, потому за зиму, проведенную в Петербурге, сумел склонить Екатерину на

свою сторону. В целом это было не сложно: императрица видела разумность доводов Осипа Михайловича и надежность планов градо- и портостроительства, предоставленных его инженерами. Кроме того, как друг семьи, не только грамотно женившая Дерибаса, но и принимавшая роды у его жены, Екатерина питала высокую степень личного доверия к преданному испанцу. Мордвинов отступил, но затаил обиду, которую не преминул спустя несколько лет оформить в возмущенное «Дерибас на строительстве города нажил 500 000!» Императрица в такие наговоры не верила, прекрасно зная, что Осип Михайлович стеснен в средствах. За три года казна отпустила Одессе всего 400 000 рублей, рассчитывая на ловкость градостроителей, мечтавших построить похожий на Геную или Неаполь порт, не слишком наседая на государственный бюджет. На самом деле, им многое удалось. Купеческая пристань, военная гавань, первые улицы (в том числе начало Дерибасовской на том месте, где ставили лестницу при штурме Хаджибея)... Порт был почти готов, город почти заполнен и притягателен. Собственно, это «почти» все погубило. Именно оно в первую очередь бросилось в глаза императору Павлу I, когда скончалась Екатерина. Новая власть, как всегда и бывает, сначала мела метлой на свой лад, а потом разбиралась. Если бы не изложенная в предыдущей главе история с апельсинами, Одесса могла бы не выжить. К счастью, все обошлось.

> А каша, заваренная Дерибасом в Одессе, вышла на редкость питательной. Вскоре из нее вырос крупнейший черноморский порт и знаменитый на весь мир торговый город.

В доказательство невиновности Дерибаса можно привести тот факт, что, отстранив его от управления Одессой, новый император вскоре снял опалу и назначил Осипа Михайловича управляющим лесным департаментом. Правда, и там Дерибаса ждало обвинение в растратах, но это уже совсем другая история. А каша, заваренная Дерибасом в Одессе, вышла на редкость питательной. Вскоре из нее вырос крупнейший черноморский порт и знаменитый на весь мир торговый город.

Любовь к вкусным кашам с тех пор присуща всем одесситам. Неподражаемая ***«Гурьевская каша»*** , часто встречающаяся в меню одесской кухни, - явный тому пример.

Вам понадобится (на 8 порций):
1,25 литра молока
О,75 стакана манной крупы
100 г очищенных грецких орехов
4 столовых ложки сахара
1 чайная ложка ванильного сахара
1 горсть изюма
1 горсть цукатов
1 горсть свежих ягод
мята - для украшения, на ваше усмотрение
масло - смазать форму

Приготовление: Это блюдо многослойно, как жизнь, и ничуть не менее прекрасно. Нарежем цукаты мелкими кусочками, а изюм зальем горячей водой и оставим на полчаса настаиваться. Грецкие орехи ошпарим кипятком, дадим постоять пару минут,

затем, очистив от кожицы, измельчим, положим на застеленный пергаментом противень, хорошенько присыплем сахаром и поставим на 3-4 минуты в разогретую до 180 °С духовку. Отдельно вскипятив 500 мл молока, помешивая, всыплем в него манку. Добавим весь ванильный сахар и 2 ст. ложки обычного сахара. Проварив кашу до получения густой консистенции, снимем с огня и вмешаем в нее изюм. Теперь вольем оставшееся молоко в жаропрочную форму и поместим в разогретую духовку. Наша задача - снимать образующиеся крепкие пенки, когда они зарумянятся, и откладывать их на какую-то рабочую поверхность. Теперь возьмем форму для выпечки и смажем ее маслом. Выложим на дно тонкий слой каши, потом немного цукатов и карамелизировавшихся орехов, накроем все пленкой из молочных пенок. Слои повторим 3-4 раза. Сверху должна быть каша. Присыплем блюдо оставшимся сахаром и отправим в духовку запекаться до появления золотистой корочки (примерно 10 мин). Перед подачей горячую кашу рекомендуется украсить ягодами и мятой.

Шерше ля дрожжи!

Несмотря на то что Одесса, как поется в одной песне, «знала много горя», прекрасных периодов счастья в ее биографии тоже насчитывается немало. Особенный расцвет пришелся на первое десятилетие XEX века, когда градоначальником стал блистательный Эммануил Осипович Ришелье . «Одесса сделала за последнее время такие успехи, которые не делала ни одна страна в мире», - докладывали императору и были правы. Всего за 10 лет городские доходы увеличились в 25 раз, а таможенные поступления - в 90. Население выросло в 4 раза, и из «помойной ямы на задворках» город превратился в процветающий европейский порт с отличной деловой и культурной репутацией.

Вопрос о том, откуда взялись те дрожжи, на которых все так быстро выросло, до сих пор занимает историков. Прежде всего, секрет кроется в личности самого герцога де Ришелье. Блестящий французский дворянин, внучатый племянник того самого герцога Ришелье, о котором писал Дюма, с ранних лет дюк (что по-французски означает «граф») был активным участником событий государственной важности. Не каких-то там дворцовых интриг - эту часть придворной жизни Ришелье искренне презирал,- а самых настоящих, вершащих судьбу всей Франции, дел. Когда к власти пришел Наполеон, Ришелье вынужден был покинуть родину. Служба в России - тогдашнем последнем оплоте монархии - пришлась ему по душе. При Павле I Ришелье проявлял чудеса храбрости, участвуя в русско-турецкой войне, а когда на престол взошел Александр I, получил приглашение стать градоначальником Одессы. Императора связывали с Ришелье давние приятельские отношения, и когда пришло время поручить Одессу кому-то толковому, Александр не мог не вспомнить обаятельного француза, сочетающего в себе горячее храброе сердце и холодный аналитический ум. Забегая вперед, скажем, что позже Ришелье стал премьер-министром Франции, что само по себе уже говорит о том, что Александр I насчет талантов герцога ничуть не ошибался.

Император Александр славился тем, что любил свободных людей, но считал таковыми лишь тех, кто «свободно делал то, что велено императором». Тем не менее, употребив все свое влияние и доводы здравого смысла, Ришелье сумел добиться от него временного снятия с Одессы налогового бремени. Это был очень важный ход! Теперь городское начальство могло распоряжаться казной по своему усмотрению. Первым делом Ришелье установил

льготы для иностранных коммерсантов. Деятельные предприниматели съезжались со всего мира. Память об этом «вселении народов» до сих пор сохранилась в одесских названиях: Молдаванка, улицы Болгарская, Польская, Еврейская и Греческая, Большая и Малая Арнаутские... Каждого приезжего город обещал поддержать, требуя в ответ лишь дружелюбного отношения к соседям и искреннего желания сделать Одессу лучше.

Ришелье установил льготы для иностранных коммерсантов. Деятельные предприниматели съезжались в Одессу со всего мира.

За свои деньги накупив саженцы акации, Ришелье бесплатно раздавал их всем, поручая посадить «кому где не лень». Новым поселенцам и коренным жителям, тоже уже охваченным волной ришельевского патриотизма, было не лень. В результате потрясающе красивыми белыми акациями Одесса славится по сей день.

Решив, что торговля пшеницей должна обогатить город, городской глава убедил местных торговцев заняться этим направлением. Когда в Одессу прибыл первый обоз с пшеницей, Ришелье созвал всех на роскошный праздничный обед. По примеру хозяина, гости сидели за столом не на стульях, а на мешках с пшеницей.

Когда в Одессу прибыл первый обоз с пшеницей, Ришелье созвал всех на роскошный праздничный обед. По примеру хозяина, гости сидели за столом не на стульях, а на мешках с пшеницей.

В 1812 году на Одессу обрушилась чума. Это было страшное время, когда город находился в полной изоляции. Одессу окружили кордонами. Порт закрыли. Жителям категорически запрещалось выходить из домов. Провизию одесситы получали через окна, при этом деньги опускали в сосуд с уксусом, который, по убеждениям тех времен, являлся хорошим дезинфицирующим средством. По городу, закутавшись с ног до головы и постоянно натираясь чесноком, ходили дежурные, осматривающие дома и увозящие тех, кого надо было увезти. Белый флаг ставили над санями больных без явных признаков чумы, красный - над зачумленными, под черным вывозили мертвецов... Все эти дни

дюк Ришелье ни на минуту не переставал бороться за свой город. Несмотря на многочисленные уговоры, он никуда не уехал и, наравне с рядовыми служащими, работал на улицах пораженной горем Одессы. Он не боялся чумы, и, по мнению многих, она, в конце концов, сама испугалась его. Герцог Ришелье принял против чумы в Одессе столь решительные и разумные меры, что эпидемия довольно скоро закончилась и унесла в разы меньше жизней, чем могла бы... Число жертв все равно было огромным (из 20 000 населения погибло больше 2500 человек), и градоначальник оплакивал потери вместе со всеми жителями.

Эммануил Осипович де Ришелье

Когда Наполеон во Франции отрекся от престола, Одесса впала в уныние. Одесситы понимали, что любимому градоначальнику нужно уезжать, но, с другой стороны, страшно не хотели отпускать его. Миг прощания таки настал, но вскоре разлука была скрашена появившимся в Одессе памятником.

«ГЕРЦОГУ ЕММАНУИЛУ ДЕ РИШЕЛЬЕ,
УПРАВЛЯВШЕМУ СЪ 1803 ПО 1814 ГОДЪ
НОВОРОССШСКИМЪ КРАЕМЪ
И ПОЛОЖИВШЕМУ ОСНОВАНІЕ
БЛАГОСОСТОЯНПО ОДЕССЫ.
БЛАГОДАРНЫЕ КЪ НЕЗАБВЕННЫМЪ ЕГО ТРУДАМЪ
ЖИТЕЛИ ВСЪХЪ СОСЛОВШ СЕГО ГОРОДА
И ГУБЕРНШ: ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ, ХЕРСОНСКОЙ
И ТАВРИЧЕСКОЙ,
ВОЗДВИГЛИ ПАМЯТНИКЪ СЕЙ ВЪ 1826 ГОДЪ
ПРИ НОВОРОССШСКОМЪ ГЕНЕРАЛЪ-ГУБЕРНАТОРЪ
ГРАФЪ ВОРОНЦОВЪ»,

- написано на нем.

Чтобы проверить на практике известное выражение «растет, как на дрожжах», давайте погрузимся в мир одесской выпечки. Известно, что французы - лучшие кондитеры мира, поэтому многое тут перекроено на свой лад на базе именно французских рецептов.

Например, чудный пирог ***«Одесский каприз»*** .

Вам понадобится:

4 стакана муки
30 г свежих дрожжей
1,5 стакана воды
350 г сахара
1/4 чайной ложки соли
3 столовых ложки растительного масла
3 свежих яблока
лимон - по вкусу

Приготовление:

В большую миску или кастрюлю наливаем теплую воду и потихоньку вмешиваем туда сахар, соль и дрожжи. Когда дрожжи растворятся, вливаем 2 ст. ложки растительного масла и аккуратно всыпаем просеянную муку. Замешиваем тесто. Месим до тех пор, пока оно не будет легко отлипать от рук. Теперь смажем тесто оставшимся растительным маслом, накроем полотенцем или салфеткой и дадим подняться. После того, как тесто поднимется дважды, отделим от него одну треть, а остальное раскатаем в пласт толщиной 1-1,5 см. Выложим пласт на противень, сформовав довольно высокие бортики. Отдельно измельчим на терке яблоки, заправим их сахаром и польем лимонным соком. Получившуюся массу ровным слоем выложим на тесто. Теперь займемся украшением: скатывая из оставшегося теста «прутики», переплетем ими верх нашего пирога. Промежутки между прутиками должны быть довольно большие, чтобы пирог «дышал». Теперь снова накроем блюдо полотенцем, дадим тесту еще раз подойти, а затем отправим в заранее разогретую духовку. Выпекать до готовности.

Принцесса на горошине

Если симпатии Павла I одесситам пришлось покупать с помощью апельсинов, то его сын, император Александр I, любил Одессу вполне искренне и бескорыстно. И дело тут не только в справедливости и желании восстановить подрезанные отцом Александра крылья молодого города. Дело - в ангеле. В маленькой девочке Соне, большеглазой, невероятно серьезной, до прозрачности хрупкой и очень похожей на мать - первую красавицу государства Марию Нарышкину. Всего один год провела эта удивительная девочка в Одессе, но запомнила ее навсегда и до конца жизни называла не иначе, как «моя Одесса». Вместе с другими высказываниями Софьи эти слова, конечно, передавались Александру I. И всемогущий император, трогательно любивший свою внебрачную дочь, тоже испытывал к Одессе искреннюю нежность.

Но давайте по порядку.

> Всего один год провела эта удивительная девочка в Одессе, но запомнила город навсегда и до конца жизни называла его не иначе, как «моя Одесса».

15 лет Мария Нарышкина была фактически второй женой императора Александра. Расставшись с возлюбленным, она, тем не менее, осталась с ним в прекрасных отношениях. Ведь, кроме прочего, их связывала общая дочь. Очаровательная Софья Нарышкина , которая, хотя и носила фамилию мужа матери, прекрасно знала, кто ее отец, и очень тосковала, не имея возможности видеться с ним постоянно. У девочки было очень хрупкое здоровье... Одесса должна была поправить его, поэтому как-то прекрасным летним утром порог дворца Потоцких (ныне это Одесский художественный музей) переступило чудесное юное создание, моментально покорившее сердца всех обитателей дома. Софья была необычным ребенком. Архивные данные разнятся - по некоторым, девочке в Одессе было всего три года, другие утверждают, что шесть. В любом случае вела она себя крайне необычно. Не играла в куклы, не кокетничала, высказывала поразительно взрослые мысли и никогда ничего не просила лично для себя... Она обожала «природу и слушать сказки». Могла часами ездить по Одессе, молча рассматривая ее из окна. Отец, узнав, что его девочка изучает город, многое сделал, чтобы подобное разглядывание непременно радовало глаз.

Но не только царское покровительство принесла Софья Одессе. Заслугой девочки стала также... первая в империи рождественская елка! Веселую традицию Софья увидела в Западной Европе и мечтала познакомить с ней всех вокруг. «Не так часто наша девочка о чем-то просит!» - решили взрослые и взялись организовать мероприятие. Огромная ель довольно скоро была доставлена во дворец. Улицы Одессы наполнились пересудами:

- Для чего Потоцким дерево? Что они будут с ним делать? - Какая вам разница, не подскажете? - Что значит «какая»? Вдруг мне это тоже надо, а я ничего не знал!

Софья Нарышкина

Загадочное предназначение ели так и осталось бы нераскрытым широкой публике, если бы Софья не сказала:

- Теперь надо всех позвать! Совсем всех! И чтобы всем подарки! И чтобы все загадывали желания и ждали, когда сбудется...

В столице Нарышкины вели роскошный образ жизни,

частенько устраивали балы, принимали у себя, конечно, не «совсем всех», но очень многих. Отчего бы не поступить так же в Одессе, если девочка хочет праздника? Много лет еще одесситы вспоминали, как всем желающим внезапно отворили двери прекрасного дворца, где потрясающая, нарядная, невозможно красивая, стояла первая в Одессе (и во всей России тоже) рождественская елка. Совершенно не похожая на себя Софья - разгоряченная, счастливая, улыбающаяся - носилась меж гостей и с удовольствием играла с приглашенными детьми. При этом она не забывала напомнить каждому взять подарок (говорят, девочка с матерью заранее постарались узнать интересы приглашенных, и все сувениры пришлись очень кстати) и, конечно, загадать желание. Традиция ставить рождественское дерево прижилась в Одессе именно с тех пор - на несколько лет раньше, чем в остальной России.

Традиция ставить рождественское дерево прижилась в Одессе именно с тех пор - на несколько лет раньше, чем в остальной России.

Софья тоже запомнила тот вечер навсегда. В первый раз она была хозяйкой бала и, с другой стороны, в первый раз почувствовала, что запросто может веселиться наравне с другими детьми. Все шло замечательно, но ночью крошке Софи приснился дурной сон. Утопающая в букетах цветов, в подвенечном платье, в фате, она лежала... на смертном одре. Сон сочли следствием эмоционального перевозбуждения. Напрасно девочка пересказывала его всем вокруг, жаловалась, просила разобраться... Значение сна поняли только незадолго до даты венчания Софьи. Семнадцатилетняя невеста примеряла свадебное платье, в дом уже были доставлены цветы и подарки, и тут... у девушки случился легочный приступ, и она умерла. Никто точно не знает, сколько раз прокручивал император потом в голове мысль о том, что, послушайся он предупреждения Одессы, удели внимание сну, не планируй свадьбу, все, возможно, было бы иначе... Но -увы...

А одесситы долго еще передавали из уст в уста рассказ о дивной «елке у принцессы».

- Но как же вы догадались? - спрашивали их. - О том, чья это дочь, широкой публике старались не говорить...

- Э-э-э, - отвечали одесситы, - за кого вы нас принимаете? К приезду этой девочки магистрат украшал город, с приездом - открылись двери самого красивого дворца, после приезда - у горожан сбылись все загаданные на елке желания... И потом, посмотрите этой девочке в глаза! Ведь сразу видно, что перед

вами настоящая принцесса!

Так, задолго до появления на свет знаменитой сказки Андерсена одесситы изобрели свой собственный способ узнавать принцессу. И, судя по всему, он работает.

Но горошины, как известно, существуют не только для того, чтобы люди могли идентифицировать принцесс. Одесситы готовят из гороха множество вкуснейших блюд. Например, ***«Гороховый суп с клецками».***

Вам понадобится (на 4 порции):

4 больших картофелины

1 большая морковь

2 луковицы

1/2 стакана фасоли

1/2 стакана сушеного гороха

2 столовых ложки сливочного масла,

3 яйца

2 стакана сметаны 1 столовая ложка муки соль, специи, зелень - по вкусу

Приготовление:

Для начала создадим базу. Фасоль и горох заливаем водой и оставляем размачиваться на пару часов. Потом промываем, заливаем водой и ставим вариться в двухлитровой кастрюле. Отдельно мелко режем морковь и картофель, солим их, перетираем специями, добавляем в кастрюлю к гороху с фасолью и варим все на небольшом огне почти до готовности. В самом конце добавляем отдельно обжаренный в сливочном масле до румянца лук. Пока суп варится, нужно успеть создать главную изюминку блюда, то есть клецки: тщательно взбить яйца со сметаной, а затем, продолжая мешать, всыпать понемногу муку. Сосуд с тестом нужно поставить на паровую баню и дать тесту хорошенько «схватиться». Когда и тесто, и суп уже почти готовы, настало время соединить их. Отделяя чайной ложкой маленькие клецки, будем опускать их в кипящий суп. Перед подачей, уже в тарелках, рекомендуется украсить суп зеленью.

Немного о классике

« Я жил тогда в Одессе пыльной: / Там долго ясны небеса, / Там хлопотливо торг обильный / Свои подъемлет паруса; / Там все Европой дышит, веет, / Все блещет югом и пестреет / Разнообразностью живой...» - писал Александр Сергеевич Пушкин . Уже снискавший славу бунтаря и хулигана, высланный из столицы поэт приехал в Одессу в роли коллежского секретаря. Формально - это была служба. По сути - ссылка. Впрочем, 24-летний Пушкин Одессе был рад: «Здоровье мое давно требовало морских ванн; я насилу уломал Инзова, чтобы меня отпустили в Одессу. Я оставил мою Молдавию и явился в Европу; рестораций и итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мне душу. Между тем приезжает Воронцов. Он принимает меня очень ласково, объявляет, что я перехожу под его начальство, и, что особенно хорошо, остаюсь в Одессе».

> Чудесные последствия имела одесская жизнь и для самообразования Пушкина. В Одессе поэт павыписывал книг, подтянул английский, взялся за итальянский и испанский, прочел уйму исторических материалов и задумал цикл статей о Ломоносове, Жуковском и Карамзине.

Итак, на дворе 1823 год. Одессой и всем краем блестяще управляет «русский барин с европейским образованием» Михаил Семенович Воронцов. С одной стороны, это обладающий отменным вкусом светский дворянин. С другой - активный градостроитель, убежденный, что «люди с властью и богатством должны так жить, чтобы другие прощали им эту власть и богатство». Признав в 24-летнем Пушкине человека неординарного, Воронцов решает, что юноша может принести краю пользу. Одесская молодежь придерживается того же мнения. Кто-то видит в поэте храбреца и философа, кто-то - излишне развязного острослова, но все в один голос твердят, что поэтический гений Пушкина неоспорим. Александр Сергеевич работает в Одессе над «Цыганами» и, параллельно, над «Евгением Онегиным». К удивлению автора, наибольшие восторги среди одесситов вызывает именно «Онегин». Пушкин недоумевает, ведь как раз этот «роман в стихах по типу Дон Жуана» он пишет «спустя рукава»: «С этой вещью я и не надеюсь пройти цензуру, потому позволяю себе забалтываться донельзя...»

Но вскоре, не без влияния лестных отзывов одесских слушателей, Александр Сергеевич признает, что это будет лучшее его произведение, и с удвоенным азартом бросается в работу.

Чудесные последствия имела одесская жизнь и для самообразования Пушкина. В Одессе поэт павыписывал книг, подтянул английский, взялся за итальянский и испанский, прочел уйму исторических материалов и задумал цикл статей о Ломоносове, Жуковском и Карамзине. Плюс к тому, коммерческий дух города, где честный заработок никогда не считался зазорным, укрепил Александра Сергеевича в одном весьма отрадном мнении: «В литературных гонорарах нет ничего плохого». Изданный недавно «Бахчисарайский фонтан» как раз взошел на пик славы и приносил солидные дивиденды. Александр Сергеевич сначала отказывался обращать на это внимание, называя циничным коммерческий подход к поэзии. Но после одесского периода Пушкин изменил мнение, говоря, что писать нужно только от вдохновения, но когда вещь уже готова, ничто не мешает отнестись к ней как к качественному товару.

Александр Сергеевич Пушкин

Самообразование, стихи, работа над поэмами, новые знакомства, море… Все это, конечно, хорошо, но прислан в Одессу коллежский секретарь был совсем для другого. Начальство становилось все больше недовольно служебной деятельностью Пушкина. Вернее, отсутствием таковой. На замечания поэт реагировал горячим потоком колких эпиграмм, охотно

подхватываемых местными сплетниками. Поэт не желал государственной службы, к которой был принужден и без которой, как теперь уже он точно понимал, мог прекрасно обойтись. В ответ на любое поручение он приходил в ярость, поминал табели о рангах, должное уважение к таланту, а иногда и свое шестисотлетнее дворянство. Дошло до того, что, получив от Воронцова командировку для выяснения урона, причиненного Одесской губернии нашествием саранчи, Александр Сергеевич счел это издевательством и прислал знаменитый нынче «отчет»: «Саранча летела, летела / И села. / Сидела, сидела, / Все съела / И вновь улетела». Покровительствовавший Пушкину раньше губернатор, мягко говоря, рассердился. Он не хотел относиться к службе Александра Сергеевича просто как к «пайку ссыльного». Впрочем, есть версия, что на отношение губернатора к поэту повлияли слишком явные симпатии Пушкина к жене графа, Елизаветой Воронцовой. Ей поэт посвятил множество прекрасных строк. «Сожженное письмо», «Ненастный день потух...», «Желание славы», «Талисман»... Мог ли Михаил Семенович -библиофил, образованный человек, прекрасный семьянин, давно привыкший доверять жене и снисходительно относившийся к десяткам ее поклонников, «положенных по статусу всякой красивой женщине», - всерьез раздражаться из-за дружбы жены с Пушкиным? Однозначного ответа история не дает. Известно лишь, что 23 марта 1824 г. министру графу Нессельроде полетело написанное графом письмо о том, что Пушкина лучше не утруждать службой, а «перевести куда-нибудь в глубь России, где могли бы на свободе от вредных влияний и лести развиться его счастливые способности и возникающий талант». Возможно, это письмо не имело бы никаких последствий, но в то же время и по другим каналам до Петербурга доходили вести, что Пушкин не служит, грубит и «берет тут уроки чистого атеизма.....

Настал момент, когда из «вредной и слишком вольной» Новороссии Александра Сергеевича перевели в Псковскую губернию, где продолжилось начатое Одессой становление классика.

Из Одессы Пушкин привез почти дописанную поэму «Цыгане» и третью главу «Евгения Онегина».

Из Одессы Пушкин привез почти дописанную поэму «Цыгане» и третью главу «Евгения Онегина».

Кстати, о книжках из Одессы. Для гурманов предлагаем классический одесский рецепт удивительно нежного и ароматного мясного блюда ***«Книжка»*** .

Вам понадобится (примерно на 10 порций):
1,5 кг свинины (лучше окорок)
2 крупные луковицы
3 помидора
150 г сыра
соль, перец - по вкусу
пара зубчиков чеснока
3 столовых ложки горчицы
чернослив - по вкусу
зелень - для украшения

Приготовление:

Внешне блюдо «книжка» должно напоминать, собственно, книжку. Потому мясо, не дорезая до низа примерно 2 сантиметра, нужно понадрезать «страничками» шириной около 1 см каждая. Отдельно режем колечками лук и помидоры, размачиваем чернослив (иногда это может занять несколько часов, потому озаботиться обработкой чернослива лучше заранее), трем сыр. Теперь перетираем чеснок с солью, перцем и горчицей. Каждый кусок свинины смазываем получившейся приправой, а между

кусками кладем лук, помидоры, чернослив и сыр. Теперь, плотно прижав куски один к другому, заворачиваем их в фольгу и ставим в разогретую до 180 ˚С духовку примерно на 2 часа. Минут за 30 до готовности лучше открыть фольгу, чтобы мясо подрумянилось. Перед подачей блюдо можно украсить зеленью.

Фаршируем по-одесски

«Молодой человек в очках и шляпе! - шутили еще в свою КВН-овскую бытность «Одесские джентльмены». - Перестаньте подглядывать в женскую раздевалку! Поверьте, если б вам оттуда было так же хорошо видно, как нам отсюда, с вышки, вы бы туда не подглядывали!»

На вышках остановимся подробней. До волны всеобщих реконструкций набережных пляжным спасателям Одессы и области не нужно было ничего строить для организации работы. Типичным для пляжа под Одессой был улыбающийся загорелый спасатель, восседающий на прекрасно сохранившейся оборонительной конструкции, скажем, XVI века. Оттуда он следил в бинокль за купающимися, там разворачивал газетку с захваченным из дома сухпайком, оттуда периодически кричал в рупор коронное: «Граждане отдыхающие, вопрос о заплытии за буйки остается на ваше усмотрение! Только хочу сказать, что за спасение утопающего спасателю полагается премия в 5 рублей, а за вылавливание утопленника -10». На этой же башне располагались огневые точки во время Великой Отечественной, а ранее и гражданской войны. Эта же башня играла решающую роль во время русско-турецких сражений. Она же служила генуэзским воинам надежным прикрытием в случае прихода с моря недоброжелателей... Современные одесситы живут среди пластов истории и сами вполне органично вливаются в многовековую вереницу поколений, которым верой и правдой служат возведенные кем-то еще до появления Одессы стены.

Современные одесситы живут среди пластов истории и сами вполне органично вливаются в многовековую вереницу поколений, которым верой и правдой служат возведенные кемто еще до появления Одессы стены.

Впервые в истории Одессы постановил объездить окрестности и устроить перепись всех существующих оборонительных сооружений светлейший князь Михаил Семенович Воронцов. Блестящий военный, великолепно образованный светский лев, отчаянный храбрец и потрясающе красивый мужчина, он пробыл генерал-губернатором Новороссии и Бессарабии 21 год. Женская часть населения была от него без ума, мужчины (как соратники, так и оппоненты) относились с уважением, а среди простого люда, с которым Воронцов был всегда доброжелателен, еще два

столетия после смерти князя ходила поговорка:

«До Бога высоко, до царя далеко, а Воронцов умер»- Одесса обязана Михаилу Семеновичу славой грандиозного торгового центра. Вести об удивительно лояльной к торговцам политике привлекали в город купцов и покупателей всего мира. Предприятия одесситов набирали обороты, приезжие чувствовали себя замечательно, а те самые старинные башни использовались по прямому назначению: обороняли город. Точнее, городскую казну. С одной стороны, они охраняли ее от появления в Одессе контрабандистов, с другой - от попыток разбойников напугать честных торговцев. Весь товарооборот края удалось взять под разумный контроль, что помогло изрядно увеличить благосостояние города. Впрочем, Одессу всегда населяли поразительно талантливые люди, способные, в том числе, обойти любые законы и проверки. Возьмем хотя бы легенду о пари на 100 тысяч.

> В XIX веке было очень модно спорить. Да не просто так, а с прилюдным заключением пари, со стоящими на кону состояниями и даже с инфарктами в развязке.

Тут нужно сделать лирическое отступление, сообщив, что в XIX веке было очень модно спорить. Да не просто так, а с прилюдным заключением пари, со стоящими на кону состояниями и даже с инфарктами в развязке. Воронцов глупых спорщиков всегда осуждал. Но однажды, как говорит молва, и сам не удержался, заключил пари. Причем сразу на баснословную сумму в 100 тысяч рублей. А вышло так. Поехал как-то Воронцов со своим приятелем-помещиком с дозором по краю. На таможне им представили массу пойманных контрабандистов. Каждый - со своей историей, со своим видением механизма обхода таможни.

- Удивительно глупо, - говорит друг-помещик, - зачем пытаться таможню обойти или подкупить?

Обмануть ведь завсегда проще. Если бы я вез что-нибудь, никто б меня не поймал!

- Поймали бы! - вступился за подчиненных Михаил Семенович.

- Хочешь пари? Ударили по рукам. На следующий день подкатил к тому самому таможенному пункту тарантас. Завидев его издали, все таможенники сгрудились на башне - наблюдают, обсуждают, прикидывают. Одному поручают кучера осмотреть, другому - помещика, третьему - лошадей. Остальным - тарантас, товар и все прочее.

- У меня при себе добра на 10 тысяч! - радостно говорит помещик. - Ищите!

Михаил Семенович Воронцов

Начали удальцы таможенные свою работу, а тут пуделек, что спал на коленях помещика, проснулся и давай лаять тоненьким умильным голоском.

Погладил его начальник поста, угомонил, сказал строго: - Не

мешай! Пес успокоился и улегся спать рядом под кустиком. Перерыла таможня все. Тарантас буквально в щепки изрубили, товар, провозимый легально, по крупинкам просмотрели... Хвосты лошадиные по волоску прочесали, чтоб каких драгоценностей в них спрятано не было... Делать нечего, пришлось Воронцову признать поражение. Подозвал тогда помещик своего пуделя и говорит:

-А никакой это не пудель! Это моя дворняжка дрессированная, обшитая пуделиной шкурой и драгоценностями!

Вспорол помещик собачью шкуру. Под ней - плотные тряпки и кружева наверчены в несколько слоев, чтобы примотанные прямо к телу дворняжки бриллианты прощупать было нельзя. Таможенники, что называется, «аплодировали стоя». Да и Воронцов тоже был в восторге:

-Ну нафаршировал, ну подловил! Казалось бы, чему радоваться? А тому, что теперь борцам с контрабандистами было что обдумать и в чем провести улучшение. Так хваленое умение одесситов фаршировать стало двигателем прогресса и благосостояния города.

О фаршировке самое время рассказать подробней. Встречайте! Один из самых знаменитых коронных номеров одесской кухни - ***«Фаршированная щука»*** .

Вам понадобится:

1 щука весом около 1,5 кг

1 луковица
1/2 батона
70 г растопленного сливочного масла
соль и молотый черный перец - по вкусу
2 лавровых листа
10 горошин черного перца

Приготовление:

Для начала нам предстоит вознестись к вершинам хенд-мейда. Помыв щуку, очищаем ее от чешуи, отрезаем голову и по краю среза аккуратно отделяем кожу от мякоти, постепенно заворачивая к хвосту. При необходимости отделяем мякоть ножом, а плавники отрезаем ножницами. Дойдя до хвоста, перерубаем хребет и откладываем получившийся «чулок» в сторону. С оставшейся щуки снимаем как можно больше мякоти, которую несколько раз пропускаем через мясорубку, добавив соль, замоченный в молоке батон, растопленное сливочное масло и соль с молотым перцем. Теперь осторожно фаршируем «чулок», не набивая его слишком плотно, чтобы кожа не лопнула, даже если фарш от нагрева расширится. Кладем щуку в большую кастрюлю, туда же отправляем отрезанную голову (жабры надо удалить!).

Заливаем блюдо подсоленной водой с лавровым листом и черным перцем и при минимальном кипении варим около 40 минут. Готовую рыбу перекладываем на блюдо, украшаем зеленью и разрезаем на порции.

«Таки да!» от графа Строганова

«Граф Строганов - это вам не так себе что-нибудь! Это первый вечный гражданин Одессы, чтоб он был здоров!» - говорят горожане и очень удивляются, отчего вы неправильно всё понимаете. Нет, одесситы, разумеется, были и до графа. И пожелание здоровья в совокупности с эпитетом «вечный» вовсе не предполагает, что в данный момент граф находится в добром здравии... Ну что же тут непонятного? Просто в 1862 году одесситы вдруг подумали: «Отчего это повсюду в империи есть люди со званием «почетный гражданин города», а у нас - нет?» И одновременно с этим они как раз ломали головы над подарком к 50-летию начала службы своему любимому экс-генерал-губернатору. Так впервые в истории города было решено присвоить звание «почетный гражданин Одессы». Статус пожизненный, изменению не подлежащий, выдающийся редко и лишь за особые заслуги перед городом. Впрочем, уж кто-кто, а Григорий Александрович Строганов его действительно заслужил.

> Когда Г.А. Строганову было поручено восстановить разрушенный Севастополь и заодно выселить оттуда крымских татар, он отказался, написав: «Предложение о выселении как несогласное с началами человеколюбия вследствие ходатайства моего было приостановлено».

Еще до того, как взять на себя руководство Одессой, граф отличался блестящими успехами в самых разнообразных делах, неординарными политическими высказываниями и умением аргументированно доказать при дворе даже самое, на первый взгляд, дикое свое мнение. Он выступал за отмену крепостного права и в открытую поддерживал прессу, критикующую некоторые действующие порядки империи, но при этом был верен государственной службе, отважно сражался в военных походах и старался действовать по справедливости во всевозможных дипломатических маневрах. В исторических оценках нынче можно встретить самые разные трактовки характера графа. Кто-то пишет о нем, как о человеке «прямом, и, несомненно, светлого направления», кто-то - как об «оригинальном типе подлинного ученого самодура-аристократа». Сохранилось свидетельство, что когда Г. А. Строганову было поручено восстановить разрушенный Севастополь и заодно выселить оттуда крымских татар, он отказался, написав: «Предложение о выселении как несогласное с

началами человеколюбия вследствие ходатайства моего было приостановлено». Он не боялся вызовов на ковер в столицу, потому что всегда мог здраво аргументировать содеянное. Даже во время нескольких краткосрочных периодов «впадания в немилость» он все равно оставался уважаемым государственным деятелем, рекомендации которого если и не выполняли, то принимали во внимание обязательно.

Григорий Александрович Строганов

На пост главы Новороссии и Бессарабии граф был назначен в сложном 1855 году. «Весь залив, начиная от дачи Ланжерон до деревни Дофиновки, был покрыт кораблями и пароходами объединенного неприятельского флота, - вспоминали очевидцы. - Город как будто с унынием и покоем ждал своей участи. Не приходилось сомневаться, что эта громадная армада с двумя

тысячами орудий может в один день превратить Одессу в прах и пепел». В таких условиях генерал-губернатор сумел предотвратить панику, провести спокойную эвакуацию жителей и не допустить никаких провокационных действий со стороны российских войск, которые могли бы вынудить врага открыть огонь. Через неделю, не причинив Одессе никакого вреда, вражеский флот ушел в море. Оказалось, все это была военная хитрость, призванная оттянуть силы русских от планируемой точки удара. Благоразумие губернатора, который, кстати, эвакуировав многих горожан, сам во время описанных событий оставался в Одессе, помогло спасти город. Осенью граф получил от Александра II благодарность «за благоразумие и распорядительность во время пребывания неприятельского флота на Одесском рейде». Несколько позже это же благоразумие помогло губернатору провести подготовку к городскому самоуправлению в Одессе, добиться строительства железной дороги, объединить город с предместьями, хлопотать об отмене ограничения в правах еврейского населения, составить аргументированный доклад о необходимости замены Ришельевского лицея на Новороссийский университет... За семь лет правления графа Строганова в Одессе провели множество полезных реформ, плоды которых жители пожинают по сей день. И хотя, по словам специалистов, от оригинального Строгановского моста нынче осталась одна лишь чугунная решетка, а богатейший Строгановский фонд, являющийся гордостью одесской Научной библиотеки, уже не кажется величайшим в мире, имя генерал-губернатора все равно навек любимо и почитаемо горожанами.

Историки не перестают удивляться, как этому человеку удавалось добиваться высочайшего одобрения или хотя бы небольших подвижек в сторону положительного ответа в вопросах, которые прошлые управители попросту боялись поднимать перед царскими чиновниками. Существует версия, что Григорий Александрович, проведший юность в непосредственном контакте с высшим светом, знал слишком много дворцовых тайн. Тот факт, что незадолго до смерти граф заказал семь дубовых ящиков, уложил в них личный архив и распорядился утопить груз в море, подтверждает эту теорию.

За семь лет правления графа Строганова в Одессе провели множество полезных реформ, плоды которых жители пожинают по сей день.

Кстати сказать, последние 29 лет своей жизни, вплоть до 95(!) лет, граф Строганов безвыездно провел в Одессе и регулярно

посещал городские собрания, продолжая беспокоиться о благополучии города. Как человек обеспеченный, но ратующий при этом за равноправие горожан, он частенько давал «открытые обеды». Накрывал столы, распахивал двери и приглашал всех мало-мальски прилично одетых одесситов, готовых за трапезой обсудить городские достижения и чаяния.

Говорят, именно для таких обедов повар графа Строганова изобрел новое мясное блюдо, одновременно вкусное, элегантное, экономное и хорошо делящееся на порции. Совершенно верно! Речь о знаменитом блюде ***«Бефстроганов».***

Вам понадобится (на 6 средних порций):
300 г телятины (лучше вырезки)
1 репчатая луковица
100-150 г густой сметаны
1 столовая ложка томатной пасты
1 столовая ложка муки
соль, перец, специи - по вкусу
1-2 веточки зелени петрушки
1-2 столовых ложки топленого масла

Приготовление:
Каким должно быть вкусное мясо? Мягким (для этого мы в

самом начале хорошенько отбиваем нашу телятину), просящимся в тарелку (для этого мы режем ее специальным образом: сначала против волокон на ломтики толщиной 0,5-1 см, а потом каждый кусочек на длинные полоски длиной 3-4 см и шириной 0,5 см), тающим во рту (для этого каждый кусочек мы обваливаем в муке). После подобной подготовки нам останется только разогреть масло в сковородке и обжарить наше мясо на сильном огне. После трех минут обжарки пришло время солить, перчить и делать подливу. Пассеруем лук, заливаем его сметаной и томатной пастой, хорошенько перемешиваем, добавляяя туда же муку, - подлива готова. Заливаем ею кусочки мяса, нагреваем получившееся блюдо, но не кипятим. Затем даем блюду настояться минут 10 и подаем к столу, украшая зеленью.

Гоголь по-одесски

«Сила моря так полезна моим нервам», - писал Николай Васильевич Гоголь во время пребывания в Одессе. Все, кто видел его здесь впервые, не могли поверить, что перед ними тот самый «нелюдимый и угрюмый» герой столичных сплетен, позволяющий себе эксцентричные выходки: «узнав, что гости пришли нарочно, чтобы посмотреть на диковинного писателя, Гоголь улегся на диван и демонстративно проспал до конца вечера». Нет, конечно, иногда и здесь на писателя нападали знаменитые приступы рассеянной задумчивости и отрешенности, но бывало это крайне редко и встречалось собеседниками с таким пониманием, что уже через пару часов Гоголь «преображался на глазах и снова возвращался душой в компанию». Возможно, дело действительно было в климате, но, скорее, в общей атмосфере происходящего: ни одна из встреч здесь ни к чему не обязывала, и хотя Гоголь, конечно, считался тут «диковинной птицей», близкие к нему люди строго предупредили всех горожан, что званые обеды из серии «собраться, чтобы поглазеть на знаменитость», гость, мягко говоря, не выносит. С десяток подобных приглашений все же поступало, но бдительные друзья успевали или «отбить их еще на подступах к писателю», или же обернуть дело так, что Гоголь не чувствовал себя обязанным соглашаться и ясно понимал, что в его возможном отказе не будет ничего неприличного. В общем, как ни парадоксально, но в отношениях с Н. В. Гоголем Одесса выделялась на фоне других городов удивительным (и, положа руку на сердце, скажем, не свойственным городу по отношению к другим гостям) тактом. Впрочем, и тут поначалу не обошлось без эксцессов.

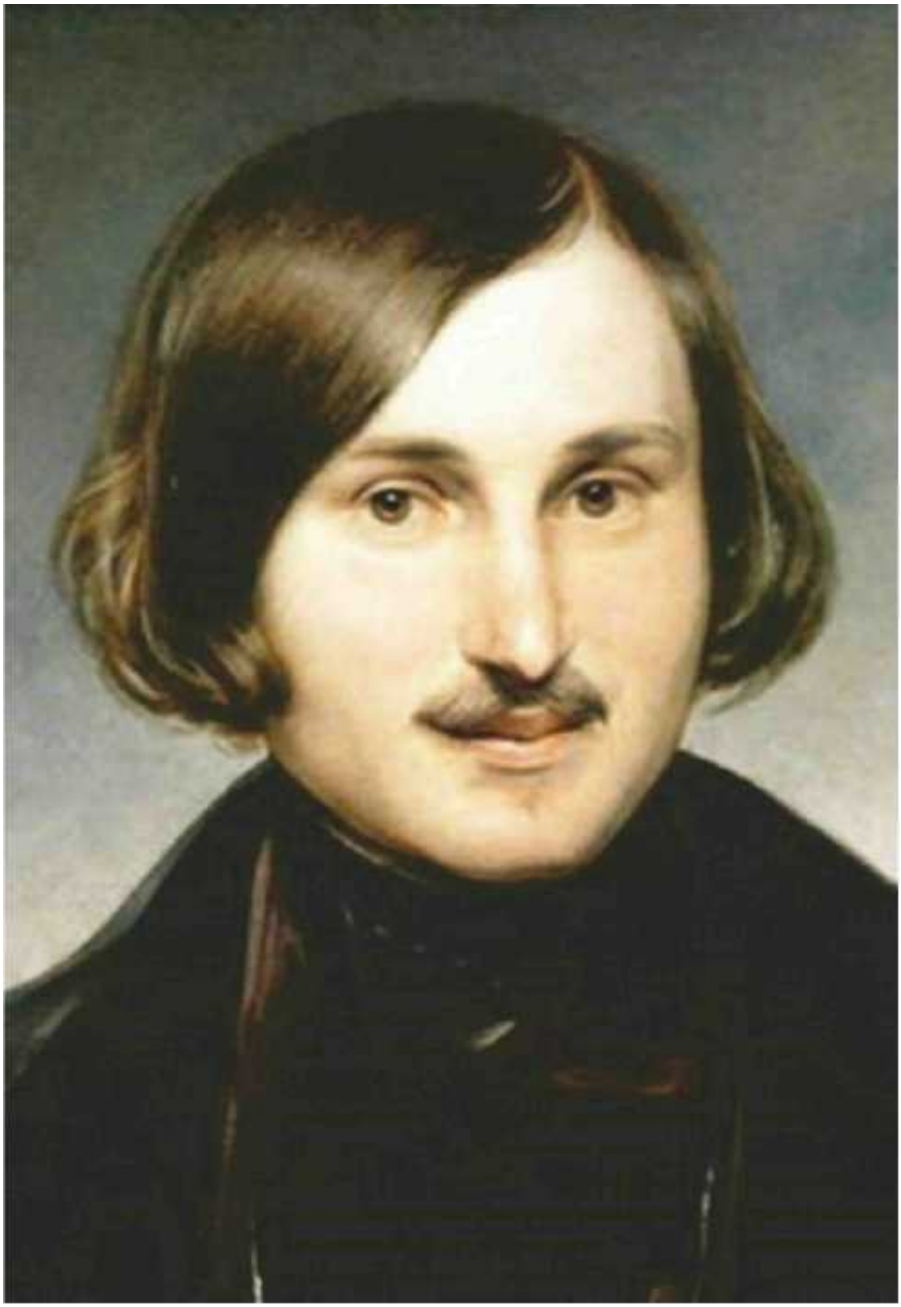
В отношениях с Н.В. Гоголем Одесса выделялась на фоне других городов удивительным (и, положа руку на сердце, скажем, не свойственным городу по отношению к другим гостям) тактом.

Вообще-то Гоголь был в Одессе дважды, но первая встреча оставила ряд негативных воспоминаний. Так совпало, что как раз весной 1848 года, когда из Константинополя на пароходе «Херсонес» прибыл в Одессу Николай Васильевич, в округе свирепствовала эпидемия холеры. Гоголю, вместе со всеми пассажирами, выпала не слишком приятная участь побывать в карантине. Тогда писатель, хоть и отнесся к происходящему с

пониманием, но все же особой любви к городу не ощутил. И хотя здесь ему всегда было где остановиться (на бывшей Надеждинской улице жил двоюродный дядя писателя), Гоголь с тех пор расценивал Одессу не иначе как перевалочный пункт для «путешествия к морю».

> Осенью 1850 года через Одессу писатель направлялся в Грецию лечить душу после неудачного сватовства к графине Виельгорской.

Вторая встреча прошла совсем иначе. Николай Васильевич «доплыл по затопленным слякотным дорогам в своей не совсем крепкой колясчонке» до города. Осенью 1850 года через Одессу писатель направлялся в Грецию лечить душу после неудачного сватовства к графине Виельгорской. Совсем недавно он перенес приступ жесточайшей нервной болезни и мечтал провести зиму в спокойных и теплых краях. Случилось так, что, проведя несколько дней в солнечной, дружелюбной и корректной Одессе, писатель передумал ехать дальше и остался тут аж до середины весны. Здесь он писал второй том «Мертвых душ». Отличаясь редким трудолюбием, ежедневно за высокой конторкой в маленькой комнатке у своего дяди или в кабинете, отведенном ему специально для работы в доме князя Репина, Николай Васильевич водил гусиным пером по бумаге, записывая придуманные накануне или давным-давно эпизоды. Никто не смел мешать ему, и даже под окнами, по какому-то странному стечению обстоятельств, наступала тишина. Одесса вместе с Гоголем боролась за рождение продолжения знаменитого романа.



Николай Васильевич Гоголь

После четырех часов Николай Васильевич всегда отправлялся к Отгону - самому известному в те времена одесскому ресторатору. Там Гоголю с первых же дней отвели личный «ресторанный кабинет», где уже с двух часов начинали собираться одесские знакомые писателя (в основном, из театральной братии). С самого начала они взяли шефство над гоголевским

досугом и проводили некий «фейсконтроль» для всех желающих присоединиться к компании. «Бывало, когда в комнату, в которой Гоголь обедал с своими постоянными собеседниками, входило незнакомое ему лицо, Гоголь замолкал, круто обрывая разговор. Но если присутствующие встречали вошедшего дружески и радушно, Гоголь сейчас же переставал дичиться и спокойно продолжал разговор. Если же встреча вошедшему была только официально вежлива, то Гоголь уходил в самого себя и решительно не говорил ни слова, пока появившийся господин не скрывался». Частенько Гоголь засиживался у Отгона допоздна. Тут декламировали - и все отмечали потрясающую манеру Гоголя читать просто, без необходимого в то время актерам пафоса, но при этом невероятно образно и захватывающе. Здесь пели - и Гоголь, очень любивший пение и имевший прекрасный репертуар, именно здесь подал идею создания хора одесских лицеистов. Тут проходили шумные философские дебаты и встречи с выдающимися людьми, среди которых бывал, например, брат Пушкина, Лев Сергеевич.

«Здесь я могу дышать. Осенью поеду в Полтаву, а к зиме и сюда... Не могу переносить северных морозов... весь замерзаю и физически, и нравственно!!» - говорил Николай Васильевич, прощаясь. Он увозил из Одессы массу приятных воспоминаний, второй том «Мертвых душ» и твердое намерение вернуться.

Увы, меньше чем через год мысли о спасительной Южной Пальмире уже не приходили в полную смятения голову писателя, а знаменитый второй том он, «поддавшись лукавому бесу», сжег дотла.

Узнав о болезни и трагической смерти Гоголя, все еще ожидавшая его Одесса долго горевала и не могла поверить в случившееся.

Немного компенсировав вышеописанные горести сладкими словами, хочется поддержать их и кулинарной темой. Десерты в Одессе - это целая культура. В некоторые кондитерские, словно в музей, можно ходить просто, чтоб «поглазеть» на красивые блюда. Например, на ***«Гоголь-моголь по-одесски»***

Вам понадобится (на 1 порцию):
1 яйцо
1 столовая ложка сахара
25 г виски
шоколад - для украшения

Приготовление:

Гоголь-моголь - это одновременно и классический вкус детства, и модное современное блюдо. Взбиваем яйцо с сахаром до образования густой и воздушной пены, которую осторожно коктейльной ложкой перекладываем в бокал. Доливаем охлажденное виски и украшаем получившийся коктейль тертым шоколадом.

Целебные дары морские

Известно, что гении острее ощущают воздействие природы. Они, как дети, верят в чудеса. Вернее, даже не верят, а точно знают об их существовании, и потому, приводя в ужас окружающих, преспокойно могут, например, решить, что волшебный климат Одессы лечит все болезни, и, находясь почти при смерти, отправиться в дальнее и опасное путешествие на свидание к морю. Речь об Иване Яковлевиче Франко .

Иван Франко несколько раз собирался посетить Одессу, но обстоятельства всегда складывались не в пользу визита. Солнечный город у моря, с такой любовью описанный Ивану друзьями, представлявшими во Львове «Одесский вестник» (газету, в которой позже объективно рассказывалось обо всех несправедливостях судебных процессов Галичины), постоянно ускользал. Дважды на руках у Ивана Яковлевича уже были все необходимые документы для выступлений сначала в Киеве, а потом в Одессе, и оба раза после киевских выступлений путешествие необходимо было прервать. Дважды жена Ивана Яковлевича собиралась привезти мужа на родину своего деда-одессита (один раз отдохнуть, второй -похлопотать о возможной покупке дома, оставшегося после смерти деда), но оба раза ничего не вышло. Тем символичнее и удивительнее выглядит единственная состоявшаяся, овеянная массой странностей встреча Ивана Франко и Одессы.

> Воспоминания очевидцев, с которыми Франко общался в тот период в Одессе, дают более или менее ясную, но весьма страшную картину. Иван Франко в 1909 году был серьезно болен «нервною болезнью».

«В город прибыл из Львова (Австрия) и остановился в гостинице «Версаль» известный украинский писатель и ученый, член-корреспондент С.-Петербургской академии наук Иван Франко. Почтенный ученый приехал сюда с научной целью и для лечения - у него парализованы кисти рук», - гласит опубликованная поздней осенью 1909 года заметка в «Одесском листке». Удивляет и время года, выбранное писателем для лечения, и полное отсутствие какой-либо шумихи вокруг приезда такого видного деятеля в тогдашних научных кругах Одессы. В одесской прессе и воспоминаниях одесситов тех лет - тишина. Никаких сообщений о лекциях, никаких приглашений на

литературные вечера. А ведь приезд Ивана Яковлевича - это грандиозное событие. В 52 года Франко уже успел написать свои самые выдающиеся вещи, уже успел прославиться как мудрый политический деятель и отчаянный революционер... Позади были годы гонений и непризнания, полные нескончаемой борьбы и труда. Впереди - надежды на большое будущее. Переводы мировой классики на украинский язык, выполненные Франко, уже покорили тысячи сердец, а авторские произведения самого Ивана Яковлевича - уже оценены и переведены на множество языков. Лучшие украинские писатели России и Австрии уже посвятили юбилею Ивана Яковлевича знаменитый сборник «Привп». До выдвижения Франко на Нобелевскую премию оставалось всего 6 лет... И вот в обожающей пышные приемы Одессе появляется такой человек. А вокруг - тишина...

Иван Яковлевич Франко

Воспоминания очевидцев, с которыми Франко общался в тот период в Одессе, дают более или менее ясную, но весьма страшную картину. Иван Франко в 1909 году был серьезно болен «нервною болезнью». «Багажа с ним не было никакого. Он приехал из Львова как стоял, даже без денег, в старой шляпе и засаленной старой куртке с отвислыми карманами. Он был

бледен, руки дрожали, двигать ими он не мог, а пальцы были словно сведены судорогой. Можно было удивляться, как он мог сам добраться до Одессы. Ведь его надо было и одевать, и раздевать, и кормить, подавая пищу прямо в рот», - вспоминает Сергей Шелухин - единомышленник и коллега Франко, с которым задолго до приезда в Одессу Иван Яковлевич вел активную переписку, связанную с публикациями разных украиноязычных литераторов. Оказалось, обнаружив в себе болезнь, Иван Яковлевич каким-то десятым чувством осознал, что Одесса может помочь. Позже друзьям он вполне серьезно говорил, что враги «нагнали чертей на руки, чтобы я не мог писать, и сбросить тех чертей можно только в море». Не имея толком средств ни на лечение, ни на пропитание, Франко так верил в снизошедшее на него озарение, что принялся хлопотать о разрешении на отъезд. Конечно, он хотел приехать в Одессу раньше, но бюрократические проблемы разрешились только поздней осенью, когда погода уже не располагала к лечению, а психическое здоровье Ивана Яковлевича окончательно пошатнулось. В поезд писатель садился инкогнито, не вполне и сам понимая, кто он. Кондукторы жалели «бедного калеку» и всячески помогали ему в дороге. По прибытии - передали в руки городовому, который, «распознав в безумце украинца», обратился к единственному знакомому ему украинскому общественному деятелю. К счастью, тот узнал великого писателя и взялся обустроить его. Что же произошло дальше? В Одессе Франко непостижимым, волшебным образом излечился. Морской ли воздух, осуществившаяся ли мечта, преданность ли и сочувствие одесских единомышленников повлияли на это - сказать нельзя, но уже через неделю писатель «полностью прояснился умом, шагал бодро и уверенно, разговаривал немного нервно, но сплошь по сути».

В Одессе Франко непостижимым, волшебным образом излечился. Морской ли воздух, осуществившаяся ли мечта, преданность ли и сочувствие одесских единомышленников повлияли на это - сказать нельзя, но уже через неделю писатель «полностью прояснился умом, шагал бодро и уверенно, разговаривал немного нервно, но сплошь по сути».

Иван Франко пробыл в Одессе всего месяц - срок ничтожно малый для исцеления серьезной болезни, но врачи, осматривавшие его перед отъездом, с удивлением констатировали, что случилось чудо: гость «существенно лучше физически, ну а душевно - полностью здоров». И хотя руки все еще не слушались литератора, он надиктовал письмо, в котором

говорил, что с этих самых пор благодаря Одессе имеет твердую надежду «вернуться во Львове к работе». Целебный дар морского упоенья пусть ненадолго, но вернул миру одного из ярчайших и прогрессивнейших писателей того времени.

Морским дарам также посвящена и львиная доля всех рецептов одесской кухни. Кроме целебных свойств, они обладают еще и отменными вкусовыми качествами. Особенно если правильно готовить. ***«Форшмак из сельди»*** - наслаждайтесь!

Вам понадобится:
300 г филе сельди
1-2 яблока
3 вареных яйца
100 г белого хлеба
1 луковица
100 г сливочного масла
вода - для замачивания хлеба
зелень петрушки и укроп - по вкусу

Приготовление:
Прежде всего нужно подготовить ингредиенты. Размачиваем хлеб в холодной воде, мелко режем два яйца и лук, яблоки очищаем и трем на крупной терке, филе несколько раз пропускаем через мясорубку. Затем необходимо смешать все до однородной массы. Форшмак готов. Далее - работа чисто декоративная. Можно, например, сформовать из получившейся массы «колбаску», выложить ее на селедочное блюдо, украсить зеленью и нарезанными полукругами ломтиками оставшегося

яйца.

Одесская мазурка

Вокруг имени удивительного поэта Адама Мицкевича по сей день ведутся горячие споры. Поляки считают его своим государственным поэтом, литовцы - своим, белорусы тоже не хотят оставаться в стороне... «А ведь все дело в Одессе», - хитро улыбаются одесситы. Нет, до объявления Мицкевича своим национальным достоянием они пока не дошли (хотя кто знает, может, все еще впереди), но вот о том, что Одесса - родина некоторых самых известных работ Мицкевича (тех самых, за право гордиться которыми сражаются вышеперечисленные государства), одесситы заявляют вполне открыто. Во-первых, речь идет об «Одесских сонетах». Во-вторых, о «Крымских сонетах», появившихся по впечатлениям от путешествия по Крыму, но записанных именно в Одессе. В-третьих, именно здесь Мицкевич начал работу над своей знаковой поэмой «Конрад Валенрод», закончил ее черновик, а позже посвятил это произведение своим верным одесским друзьям - господам Залесским. Но давайте по порядку.

Удивительное время - 20-е годы XIX века! За поэтические труды тогда то сажали в тюрьмы, то отправляли в ссылки. Причем, если тюрьмы были настоящие, то ссылки - можно сказать, игрушечные. Из предложенных городов (основное требование - не столица) впавший в немилость поэт сам должен был выбрать тот, где ему хотелось бы «томиться в удалении от вредных дел своих». При этом ссыльный получал в качестве компенсации от государства небольшое жалованье, а также обеспечивался жильем. В списке таких мест значилась Одесса, поэтому совсем не удивительно, что лишь только городские власти вздохнули спокойно после отъезда дерзившего начальству Пушкина, как в город приехал ничуть не менее знаменитый укротитель слова - Адам Мицкевич.

Удивительное время - 20е годы XIX века! За поэтические труды тогда то сажали в тюрьмы, то отправляли в ссылки. Причем, если тюрьмы были настоящие, то ссылки - можно сказать, игрушечные. Из предложенных городов (основное требование - не столица) впавший в немилость поэт сам должен был выбрать тот, где ему хотелось бы «томиться в удалении от вредных дел своих».

Не случайно и совсем не «сгоряча» исследователи ставят два этих имени рядом. Александр Сергеевич очень уважал творчество коллеги, блестяще перевел некоторые его вещи на русский язык, и на насмешливую реплику Жуковского: «Знаешь, брат! А ведь Мицкевич, пожалуй, заткнет тебя за пояс!» ответил: «Ты не верно говоришь. Он уже заткнул». Мицкевич, в свою очередь, платил Пушкину полной уважения взаимностью. Общаться воочию поэты будут позже, а пока в Одессе, приехав почти через год после того, как тут находился в ссылке Пушкин, Адам Мицкевич всюду встречает упоминания и отзывы о нем. Так, опального польского поэта и его товарищей, несмотря на рекомендации и направление от друзей, не взяли преподавать в Ришельевский лицей: кто-то считает, что в лицее действительно не было вакантных мест, но большинство историков говорят, что, памятуя о нежелании Пушкина всерьез относиться к вменяемым ему в обязанность делам, влиятельные люди Одессы распорядились ссыльных поэтов на службу не брать - мол, ну их, этих вольнодумцев, лучше путь сибаритствуют, чем заваливают порученное и вынуждают власти вступать с ними в конфронтацию.

Адам Мицкевич

«Я жил в Одессе, как восточный паша», - запишет позже Мицкевич, и в том, что касается условий проживания, это будет чистая правда. Кроме соотечественников, которых было в то время в Одессе очень много и которые чувствовали себя здесь буквально как дома, личностью Адама искренне интересовалась вся творческая интеллигенция. Каждый не чуждый искусству

человек старался хоть как-то облегчить ссылку поэта - кто-то предоставлял кабинет, кто-то - свою ложу в театре или столик в ресторане. И если по пути в Одессу Мицкевич ощущал некоторые финансовые затруднения, поскольку, чтобы добраться до места ссылки, купил с друзьями в складчину старый тарантас, то в самом городе, имея все готовое и получая жалованье от государства, он в целом поправил свое материальное положение. Ничуть не хуже дело обстояло и с творчеством. Отсутствие преподавательской деятельности не только не сделало жизнь Мицкевича беднее, но и, напротив, высвободило время на куда более яркие встречи и полезные занятия. Одесса тех времен вовсе не была похожа на провинциальный городок на краю империи и жила полноценной культурной жизнью. Поэт много и плодотворно работал в библиотеке, выступал в одесских салонах и гостиных с публичными чтениями, встречался с часто посещающими город выдающимися людьми эпохи (в том числе и состоящими во всевозможных тайных революционных обществах...) Но, видимо, в компенсацию за остальные сферы жизни - в делах сердечных Одесса принесла Мицкевичу сплошные страдания. Он был влюблен - как водится, страстно и навек. Роковая польская красавица Каролина Собаньская стала на тот период главной музой Мицкевича и причиной всех его бед. Чувства были взаимны, но совершенно безнадежны. Во-первых, Каролина была замужем, а во-вторых, - хоть и давно жила с супругом врозь, числилась в фаворитках у блестящего и знаменитого графа Витте, связь с которым разрывать не собиралась.

В компенсацию за остальные сферы жизни в делах сердечных Одесса принесла Мицкевичу сплошные страдания. Он был влюблен, как водится, страстно и навек. Роковая польская красавица Каролина Собаньская стала на тот период главной музой Мицкевича и причиной всех его бед.

Кстати сказать, именно благодаря этой связи спустя несколько месяцев после приезда Мицкевича, узнав, что ссыльных поляков будут удалять от столиц, Каролина, подключив влиятельных знакомых, сумела выхлопотать для любимого поэта эксклюзивное разрешение на переезд в Москву, где дела его стали иметь куда больше перспектив. Но это случилось позже. А пока уделом и единственной отрадой влюбленного Мицкевича были балы, на которых он мог танцевать с Каролиной, сколько хотел. О! Как они танцевали! О красоте этой пары до сих пор в Одессе ходят легенды. Их открывающие балы полонезы и прочие мазурки

современники описывали, как одно из самых восхитительных и трогательных зрелищ тех лет.

Ну а раз уж речь зашла о мазурке, нельзя не упомянуть одноименное кулинарное чудо. Итак, любимое в Одессе печенье с миндалем и пряностями ***«Мазурка»*** .

Вам понадобится (на 16-20 штучек):

2 яйца
1 стакан сахара-песка
1 стакан грецких орехов
1 стакан изюма
1 стакан муки
0,5 чайной ложки соды
пекарская бумага или масло, чтобы смазать противень

Приготовление:

Включим духовку и, пока она будет разогреваться, подготовим противень: выложим его пекарской бумагой или смажем сливочным маслом. Перебранный, промытый и обсушенный изюм смешаем с измельченными орехами (измельчать лучше в ступке так, чтобы орех остался кусочками, но не очень крупными). Взобьем яйца с сахаром до появления крепкой пены. Соединим орехи с изюмом и взбитые яйца, помешивая, добавим в получившуюся смесь муку и соду.

Аккуратно, стараясь сделать слой довольно тонким, выложим получившееся тесто на противень. Разогрев духовку до 190 ˚С, ставим в нее тесто и ждем 15-20 минут. Корж должен подрумяниться, а на зубочистке, которой протыкают его центр, не должно оставаться кусочков теста. Готовый корж, не дожидаясь, пока он остынет, разрежем на порционные кусочки, переложим получившиеся печенюшки в миску и подадим к столу.

Вишневый клад Одессы

Кто сказал, что органичные и обаятельные чеховские персонажи не имели прообразов в реальной жизни? Сам Чехов? Упс... Впрочем, каждый автор имеет право на лукавство. Мало ли кто от чего открещивался... За мной, читатель,- я покажу тебе настоящие, харизматичные и очаровательные прототипы!

Одесса занимала в сердце Антона Павловича Чехова особое место. Его встречи с городом - всегда полные страстей и шумных компаний - имели для мира самые серьезные литературные последствия и, в лучших традициях жанра, сплошь состояли из трагикомедий. Началось все в июле 1889 года. Причем, с забавного недоразумения.

Встречи А. П. Чехова с Одессой - всегда полные страстей и шумных компаний - имели для мира самые серьезные литературные последствия и, в лучших традициях жанра, сплошь состояли из трагикомедий.

В газете «Одесские новости» в списке гостей города, приехавших на отдых, были упомянуты «Чехов И. П., доктор из Москвы, и Чехов А. П., учитель оттуда же». Антон Павлович, помимо медицинской детальности, уже был известным писателем и поэтому удивился, что газета не только перепутала профессии братьев, но еще и не акцентировала внимания на его литературной деятельности. Брат же Антона Павловича вообще заметки не видел, потому не мог взять в толк, почему работники гостиницы норовят потихоньку расспросить его о существующих и потенциальных болезнях, грозящих им, их знакомым и всему человечеству. Братья искренне недоумевали, но тут недоразумение прояснилось: кто-то узнал Антона Павловича в лицо, и по городу понеслась весть, что автор «тех самых смешных "мелочишек" Антоши Чехонте» разгуливает по набережной. Чеховы оказались в эпицентре бурного внимания и уже с ностальгией вспоминали тихие первые дни непризнания. Впрочем, одесситы были настолько милы в своей непосредственности, что Антон Павлович уже тогда полюбил их.

«Меня влечет сюда невидимая сила», - писал он перед следующим приездом, намереваясь стать «одесским гастролером» и сблизиться с актерской братией. Намерения осуществились в полной мере. В Одессе среди актеров Малого театра Антон Павлович нашел немало друзей - интересных собеседников,

отличных, легких на подъем, шутников и персонажей с многослойным психологическим портретом. «Я вставал в 8-9 часов и шел с Правдиным купаться. В купальне мне чистили башмаки, которые у меня, кстати сказать, новые. Душ, струя... Потом кофе в буфете, что на берегу около каменной лестницы. В 12 ч. брал я Панову и вместе с ней шел к Замбрини есть мороженое (60 коп.)... Жара, конечно, несосветимая. В 2 ехал к Сергеенко, потом к Ольге Ивановне борща и соуса ради... Потом в театр. Кулисы. Лечение кашляющих актрис и составление планов на завтрашний день... Встревоженная Лика, боящаяся расходов; Панова, ищущая своими черными глазами тех, кто ей нужен, Гамлет-Сашечка, тоскующий и изрыгающий громы; толстый Греков, всегда спящий и вечно жалующийся на утомление... и т. д. и т. д. После спектакля рюмка водки внизу в буфете и потом вино в погребке... Потом опять чай, пьем долго, часов до двух, и мелем языками всякую чертовщину. В 2 провожаю Панову до ее номера и иду к себе, где застаю Грекова. С ним пью вино... Этак до рассвета. Затем шарманка снова заводится, и начинается вчерашняя музыка».

> После публикации «Попрыгуньи» многие узнали себя в героях рассказа. Как водится, воспетые достоинства воспринялись, как должное, а осмеянные недостатки - задели.

После публикации «Попрыгуньи» в героях рассказа многие узнали себя. Как водится, воспетые достоинства воспринялись как должное, а осмеянные недостатки задели. На какое-то время театралы рассорились с Чеховым. Кто-то захотел вызвать его на дуэль, кто-то написал «убийственное письмо»... «Попрыгунья» наделала шуму и, хотя все быстро улеглось, навсегда осталась в литературе как самый «личный» рассказ Чехова и одно из самых сильных его произведений.

Знаменитый «Вишневый сад» также не избежал участи быть рожденным в Одессе. Образ уходящего патриархального уклада возник у Чехова в вишневом саду имения, располагавшегося на Торговой улице, 1. Усадьбой владела близкая знакомая Чехова, проживающая за границей Ольга Васильева. Со времени первой встречи, несмотря на почти 20-летнюю разницу в возрасте, Чехов был кумиром витающей в облаках, восторженной Ольги. Девушка переводила его рассказы, мечтала посвятить писателю жизнь, слала пространные письма, а позже, узнав о женитьбе писателя, впала в депрессию и даже пыталась уморить себя голодом. К счастью, она была слишком молода, чтобы не оправиться от неразделенных чувств. Трагедия прошла, а дружба и теплая

переписка сохранились на всю жизнь. В 1901 году Чехов был в Одессе именно по просьбе Оленьки.

Антон Павлович Чехов

Васильева собиралась продать имение и попросила Чехова

поспособствовать. Он советовался с маклерами, гулял по саду и общался со стариком-управляющим, с которого во многом был потом списан Фирс. Сама же Ольга, безусловно, стала прототипом Ани Раневской. «А я над Парижем на воздушном шаре летала!» - фраза из письма Ольги. «Насадили сад - и живем в саду, как в раю...» - Ольгино описание усадьбы в Ницце. Когда Васильева прочитала «Вишневый сад», она не могла сдержать слез. Ее одолело щемящее чувство ностальгии, ощущение, что вместе с вишневым садом на Торговой утеряно что-то большее, «совершенно кончилась юность»...

Увы, после 1917 года сад на Торговой пришел в упадок. Нет уже ни того имения, ни сада. Все, как и предсказывала пьеса, снесено новыми временами. Зато в литературе «Вишневый сад» остался навсегда. С каждой новой постановкой он заново расцветает, заставляя зрителей смеяться, плакать и становиться лучше - при звуках ударов топора по деревьям, которые откликаются вспышками боли в их собственных душах.

«Вишневая тема» неотступно присутствует также и в одесской кухне. Упругие, блестящие и ароматные ***«Вареники с вишней»*** никого не оставляют равнодушным.

Вам понадобится (примерно на 8 порций):
3 стакана пшеничной муки
3/4 стакана очень холодной воды 1 яйцо
1 щепотка соли
4 стакана вишни без косточек
1/2 стакана сахара
2 чайные ложки кукурузного крахмала

Приготовление:

Прежде всего засыплем вишню сахаром и оставим ее настаиваться. Сами же тем временем займемся тестом. Насыплем муку горкой и сделаем в центре углубление, в которое добавим соль и яйцо. Потихоньку подливая воду, замесим тесто. Месить придется около 20 минут, пока тесто не станет эластичным и будет легко отлипать от рук. Получившееся тесто раскатаем в тонкий пласт (примерно 2 мм толщиной) и вырежем из него

кружочки для вареников. В каждый по центру положим начинку (предварительно отжав ее на сите и перелив образовавшийся сок в отдельную посуду). Хорошо залепим края вареников. Сырые вареники готовы, теперь давайте сделаем их съедобными. Вскипятим воду в большой кастрюле, бросим в кипяток две-три порции вареников и будем варить их до тех пор, пока они не всплывут, и еще одну минуту после этого. Отдельно приготовим вишневый соус. Нагреваем на маленьком огне оставшийся от начинки сок и добавляем в него, размешивая, кукурузный крахмал. Когда вареники сварятся, а соус загустеет, блюдо можно считать окончательно готовым.

Одесская фантазия

«Я вышел на театральную площадь, обогнул театр и, пораженный, остановился: внизу, слева и справа гремел полуденный порт. Дым, паруса, корабли, поезда, пароходы, мачты, синий рейд - все было там, и всего было сразу не пересмотреть», - такой предстала Одесса перед юным Александром Грином -шестнадцатилетним бесшабашным мечтателем, который покинул родной дом в поисках «истинного биения жизни» и больше всего на свете мечтал служить матросом, связав судьбу с такой удивительной и захватывающей стихией, как море. Будущий «самый романтичный писатель» прожил в Одессе чуть больше года и не раз говорил, что это был крайне важный и поучительный этап его жизни.

> Трудная, но интересная морская жизнь, сложные взаимоотношения в коллективе, причудливые огни приморских городов, нескончаемая борьба с безденежьем - Грин хотел «настоящей жизни», и он получил ее в Одессе сполна.

На доме № 2 по Ланжероновскому спуску находится мемориальная доска, напоминающая о пребывании в Одессе сразу двух выдающихся литераторов. В разное время здесь останавливались Алексей Пешков (он же Максим Горький) и Александр Гриневский (он же Грин). Впрочем, наверняка тут жили и другие талантливые личности, сохранившие инкогнито, ведь дом этот - ночлежка для неудачливых искателей приключений и прочих бродяг - именами и судьбами своих постояльцев особо не интересовался. Грин попал сюда, когда после нескольких дней пребывания в Одессе понял, что деньги на оплату гостиничного номера уже кончились, а вожделенная работа так и не нашлась. Юноша казался себе «сильным, широкоплечим, молодцеватым парнем» и искренне недоумевал, почему никто не хочет брать его в матросы. На самом деле Александр был «слабогруд, узок в плечах и сутул - но страшно вспыльчив и нетерпелив», отличался рассеянностью (например, выпрыгивая, как некоторые, на ходу из трамвая, непременно «прикладывался затылком о мостовую») и патологической честностью, не позволяющей на вопрос об опыте работы соврать, что служил на барже или шаланде. Кроме того, он носил смешную шляпу и надменное выражение лица, моментально

вычеркивающие его из списка «своих» для матросов, в коллектив к которым просился. Осознав, что работу так просто не получить, юноша был вынужден съехать из гостиницы. «Пришибленный, я вернулся домой, переночевал, а утром нашел в Карантине ночлежный подвал, где жило несколько босяков и грузчиков. Плата была 10 копеек в стуки». Питался Грин в знаменитой столовой для бродяг, прозванной «Обжорка», потому что всего за три копейки там можно было купить большую сытную порцию приготовленных из остатков чьих-то трапез макарон в бараньем сале. Впрочем, бытовые подробности ничуть не мешали юноше впечатляться городом. «Я сошел со знаменитой «Дюковской лестницы» в порт, в легкие сумерки, обвеянные ароматом моря, угля и нефти. Я волновался и трепетал, словно шел признаваться в любви. Я дышал очарованием мира, полного чудес на каждом шагу, но все окружающее подавляло меня силой грандиозной живописной законченности»...

Александр Степанович Грин

Все это много позже Александр Степанович рассказал в главе «Одесса» своей «Автобиографической повести». Там описано и то, как нашлись добрые люди, которые, не понимая, почему мальчика отпустили из дому без денег и связей, взялись помочь ему с обустройством. И то, как Александр стал таки моряком. Трудная, но интересная морская жизнь, сложные

взаимоотношения в коллективе, причудливые огни приморских городов, нескончаемая борьба с безденежьем - Грин хотел «настоящей жизни», и он получил ее в Одессе сполна. Кстати, кроме ценного опыта, жизнь в одесской ночлежке сослужила Александру Степановичу еще одну службу: в 1920 году - побывав уже и дезертиром Первой мировой, и революционером, посаженным за пропагандистскую деятельность на два года в тюрьму, и бойцом Красной армии, и начинающим писателем, - Грин встретился с Горьким. Кроме чисто профессионального интереса, писателей связывали воспоминания о бродяжничестве в Одессе, о «том самом бесценном для писателя опыте встречи с ничем не приукрашенной жизнью народа». Горький искренне проникся новым знакомым, помог ему получить жилье и работу и, по сути, легализовал Грина в советской литературе.

> Удивительное совпадение и впрямь в какойто мере превращают Одессу в один из прекрасных городов сказочной страны ГРИНландии.

Одесса, со своей стороны, тоже кое-чем обязана Александру Грину. Причем красочным описанием жизни портового города и настоящих южных характеров, а также теплыми словами в адрес одесских улочек в автобиографических очерках дело не исчерпывается. Некоторые специалисты всерьез считают, что многолетняя шумиха вокруг памятника основателям Одессы - дело рук Александра Грина. Автор был в Одессе как раз во время утверждения проекта памятнику и мог слышать о том, с каким восторгом принимали его одни горожане и как отвергали другие. Памятник в Гель-Гью из «Бегущей по волнам» мог быть навеян как раз одесскими воспоминаниями. Дальше - больше! Удивительная фантазия автора реализовалась. Более ста лет вокруг памятника основателям Одессы беспрерывно что-то происходит. Его то сносят, то водружают на место, то грозятся разрушить, то обещают реставрировать. Сейчас одесситы отстояли памятник, но ежегодные угрозы ему продолжаются: горожанам приходится выставлять охрану. Проходят даже суды по инициативе сторонников сноса памятника против его защитников. В общем, Гель-Гью в чистом виде! Предвидел Александр Грин подобную историю или же, наоборот, притянул на одесские реалии придуманный сюжет - уже не важно. Главное, что удивительное совпадение и впрямь в какой-то мере превращает Одессу в один из прекрасных городов сказочной страны ГРИНландии.

В поддержание темы алых фантазий предлагаем вашему вниманию рецепт удивительного салата ***«Гранатовая фантазия».***

Вам понадобится:
1 репчатая луковица
2 картофелины
1 свекла
1 морковь
2 куриные грудки
2 яйца
1-2 граната
50 г очищенных и измельченных грецких орехов
майонез, соль, специи - по вкусу
масло - для пассеровки лука

Приготовление:

Яйца, морковь, свеклу и картофель отвариваем и натираем на крупной терке в разные посудины. Куриное филе тоже отвариваем и измельчаем ножом. Лук режем кубиками и пассеруем. Пришло время строить слои нашего салата, смазывая каждый майонезом и приправляя специями. Прежде всего ставим в центр блюда перевернутую чашку - она обеспечит нам «дыру» внутри кольца. Последовательность слоев соблюдаем такую: картофель, морковь, орехи, свекла, курица (половина заготовки),

лук, яйца и наконец оставшаяся курица. Салат накрываем пленкой и оставляем на ночь в прохладном месте, чтобы хорошенько пропитался. Перед подачей на стол вынимаем чашку и ровным слоем покрываем всю поверхность салата зернами граната.

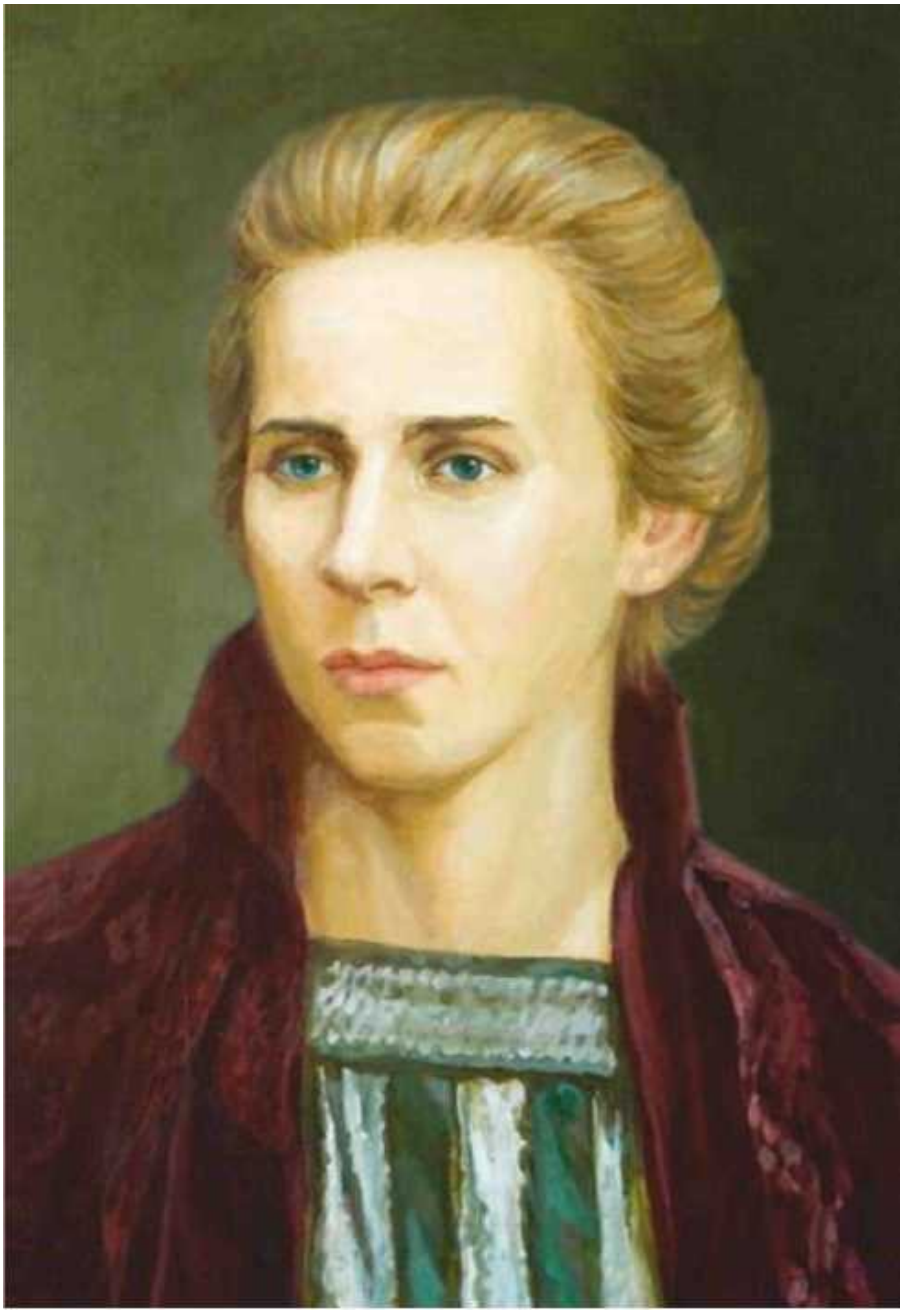
Украинские нотки

«.. .Після тижня масажної курації нога моя розтроюдилась так, що й ступить було годі. Тоді я покинула масаж. Першу ніч я провела тоді, як тінь в Дантовому пеклі, - з плачем і скрежетом зубовним. На другу ніч затялась, не плакала і цілу ніч писала в ліжку, почала невеличку поему і, здається, по їй не видко, як мені приходилось тісно при писанні», - рассказывала в письмах брату из Одессы семнадцатилетняя Леся Украинка . Впервые она попала сюда в 1888 году и потом неоднократно приезжала еще. Всегда - на лечение. Почти всегда (как и во всех других городах) - безуспешно. Гениальная девочка, сочинившая первую музыкальную пьесу в пять лет, а в девять уже написавшая настоящее, потрясшее окружающих стихотворение, с десяти лет жила со страшным диагнозом-приговором. Туберкулез кости обрекал ее на постоянные скитания по врачам, разговоры про операции, ограничения подвижности и, главное, постоянные, неутихающие боли. Кто-то другой сдался бы. Испробовал бы все возможные обезболивающие, не щадя ясномыслия и не помышляя ни о какой работе. Но не она. Понимая, что имеет в запасе много меньше времени, чем другие, Леся Украинка с ранних лет начала дисциплинированно трудиться над переводами (так, в 12 лет она перевела на украинский гоголевские «Вечера на хуторе близ Диканьки») и над собственным творчеством. Неверно говорить, будто она писала, чтобы отогнать боль и забыться. Такое не отгоняется. Она писала, потому что ощущала это своим долгом и не считала боль достаточным основанием, чтобы уклоняться от него. Об этих мыслях, об этой невероятной силе духа и сознательности мы можем судить из ее не прекращающейся всю жизнь переписки с одесской подругой - Маргаритой Михайловной Комаровой.

> В Одессе Леся Украинка останавливалась в доме приятеля своих родителей Михаила Комарова. Ее отец и мать дружили с Михаилом с незапамятных времен. Их связывали и музыкальные пристрастия, и литературные взгляды, и то, что обе семьи были многодетными...

В Одессе Леся Украинка останавливалась в доме приятеля своих родителей Михаила Комарова. Нотариус по специальности, он был к тому же собирателем украинского фольклора и большим почитателем Тараса Шевченко. Ее отец и мать дружили с

Михаилом с незапамятных времен. Их связывали и музыкальные пристрастия, и литературные взгляды, и то, что обе семьи были многодетными... Когда киевские врачи порекомендовали Лесе лечение одесскими грязями, Косачи попросили Комаровых принять их дочь у себя. Лариса и Маргарита - дочь Комаровых - были очень близки. «.. .Я здесь не скучаю, потому что я здесь у своего «молодого старого друга» все равно, как у родной сестры живу», - пишет Леся о Маргарите в письме дяде. А Маргарита в письме к матери Леси признается: «Кажется, я бы половину своей жизни отдала за то, чтобы Леся была здорова. Я так ее люблю, так люблю, беда моя только, что я не умею выражать свою приверженность... Поэтому-то меня и называют некоторые «холодной натурой». Но Лесю я буду всегда благодарить и платить самой искренней привязанностью, самой горячей дружбой за то, что она угадала, что и под холодной наружностью может драться горячее сердце».



Леся Украинка

Были у подруг познавательные прогулки по городу (они выбирали те редкие часы, когда Лесе было не слишком больно), ведь Маргарита - сама недавно приехавшая в Одессу и все еще не налюбовавшаяся ею -старалась поделиться всеми любимыми местами); были и совместные морские путешествия, и визиты в

одесские здравницы, а также была дружба со студентами-вольнодумцами из Новороссийского университета, с которыми девушки общались на равных, полностью понимая их взгляды и разделяя устремления. Требовательная к себе, к друзьям Леся тоже предъявляла особые мерки. По ее твердому убеждению, все дочери Комарова обязаны были браться за переводы на украинский лучших образцов мировой литературы, так как владели несколькими языками и хорошо чувствовали слово. Под руководством подруги Маргарита переводила рассказы Владимира Короленко для львовского журнала «Заря», а позже делала украинско-русские переводы для печати в одесской прессе. Младшие девочки Комаровы под влиянием Леси тоже занимались литературой. Так, например, Галина Комарова стала известной украинской поэтессой. Надо заметить, что это влияние было обоюдным: глядя на жизнелюбие младших Комаровых, Леся не позволяла себе замыкаться «у вузенькому трагедійному колі лиха», - она посещала литературные собрания, соглашалась знакомиться с новыми людьми. Под воздействием глубины и философского склада ума Маргариты увлеклась чтением нехудожественной, запрещенной по политическим мотивам литературы.

Младшие девочки Комаровы под влиянием Леси тоже занимались литературой (Галина Комарова, например, стала известной украинской поэтессой).

Кроме такого важного явления, как настоящая дружба, Леся Украинка была благодарна Одессе еще за многие вещи. Например, за доступ к удивительной библиотеке, которую Михаил Комаров собирал всю жизнь и которая позволила писательнице найти многие уникальные материалы об истории украинцев. А еще - за возможность практиковать знания различных языков, которых на одесских улицах было великое множество (кроме родного украинского, Леся владела русским, французским, итальянским, английским и немецким языками).

Ну и еще здесь было море. «Синее-синее, с белыми гребнями, с розовыми отблесками, с темно-зелеными тенями, золотыми искрами при заходе солнца...» Стихотворения про стихию, с первой же встречи поразившую и пленившую поэтессу, стали классикой еще при ее жизни. Цикл «Подорож до моря», составленный по одесским впечатлениям, - одно из самых трогательных и ярких произведений украинской литературы.

Одесская кухня вообще богата заимствованиями, однако все они, будучи обработанными «чисто по-одесски», обретают новые оттенки вкусов и ароматов. И раз речь зашла об украинской

классике, то настало время представить неповторимый ***«Одесский борщ»*** .

Вам понадобится:
1 кг свиной или говяжьей вырезки
500 г белокочанной капусты
4 картофелины
2 крупные свеклы
2 моркови
2 луковицы
2 сладких перца
2 корня петрушки
полголовки чеснока
150 г соленого сала
1 столовая ложка томатной пасты
лавровый лист
черный и душистый перец горошком, соль - по вкусу
зелень петрушки и укропа - по вкусу

Приготовление: Для начала нужно сварить бульон. Мясо кладем на дно кастрюли, заливаем водой (на 3/4 кастрюли) и

начинаем варить на среднем огне. На поверхности через время будет появляться серая пена, ее нужно снимать. После 2-3-х снятий пены бульон можно посолить и добавить горошины перца. Через 1,5 часа кипения на слабом огне бульон будет готов. А пока он варится, приготовим остальные компоненты. Картошку почистим и порежем на крупные кусочки. Обжарим лук и морковь на трети заготовленного сала. Добавим к ним тертую на крупной терке свеклу и поставим все это тушиться вместе с томатной пастой, пока свекла не станет мягкой.

Пропустим зелень, чеснок и оставшееся сало через давилку

для чеснока. Нашинкуем капусту. Когда бульон сварится, достанем мясо, остудим его, нарежем довольно крупными кусками и вернем в кастрюлю. Туда же отправим картошку, а немного погодя, когда она станет мягкой, добавим зажарку из свеклы с луком и морковью. В самом конце кладем лавровый лист, капусту и чесночную заправку. Варим минут пять. Перед разливом по тарелкам борщ должен пару часов настояться.

Самая крупная рыба

«Сидней Рейли - это вам не какая-нибудь мелкая рыбешка. Настоящий суперагент! Британский шпион № 1! Их 007 нашему Земе в подметки не годится! Почему нашему и почему Земе? Так всем известно, что он из Одессы, а настоящее его имя - Зигмунд Маркович Розенблюм. Негодяй, конечно, редкий, но какой обаятельный!» - охотно говорят одесситы о знаменитом соотечественнике, место для рассказа о котором нашлось во всех мировых учебниках шпионажа и даже во всезнающей энциклопедии «Британика».

> Жизнь легендарного супершпиона овеяна множеством домыслов. Говорят, именно с него Ян Флеминг писал Джеймса Бонда, а Войнич, имевшая якобы роман с Рейли, именно в нем высмотрела черты, которыми наделила своего Овода.

Жизнь легендарного супершпиона овеяна множеством домыслов. Утверждают, что именно с него Ян Флеминг писал Джеймса Бонда, а Этель Лилиан Войнич, якобы имевшая роман с Рейли, именно в нем высмотрела черты, которыми наделила своего Овода. Жена Рейли (правильнее, конечно, писать «одна из жен», но, кажется, именно эта не была фиктивной) нажила приличное состояние на сенсационной книге о его приключениях, которые не имеют ничего общего с авантюрами, описанными в автобиографической книге самого Рейли, но при этом выглядят куда более правдоподобными и несколько меньше напоминают сказки барона Мюнхгаузена.

В серьезных источниках о Сиднее пишут так: «Одессит из рода Блюменталь. Сменил фамилию и получил британское гражданство, женившись на ирландке Рейли Келлегрен. В совершенстве владел семью языками. Имел одиннадцать паспортов и столько же жен, каждая из которых непременно поддерживала очередную легенду великого разведчика. Считается одной из самых ярких и загадочных фигур в истории международного шпионажа новейшего времени».

Уже после гибели Рейли друзья описывали его так: «Очень замкнутый, а потом неожиданно откровенный. Очень умный, очень образованный. На вид холодный, но необыкновенно увлекающийся... Он был верующим (по-своему) человеком, верным в дружбе и полюбившейся ему идее... Он работал в

Интеллидженс сервис»...

Сидней Рейли

Факты же (а вопреки традиции, если руководствоваться голым фактажом, жизнь Рейли не выглядит скучнее) говорят

следующее.

Родился он в Одессе 24 марта 1874 года в семье не слишком удачливого маклера. Происходящая из обедневшего дворянского рода мать старалась держать сына в строгости и не позволяла ему ничего лишнего. Томимый жаждой приключений и конфликтами с родными, 19-летний Зема решает порвать с обыденностью и... инсценирует собственное самоубийство. Несколько следующих лет его жизни остаются загадкой. Известно лишь, что какое-то время Зигмунд Розенблюм учился философии в Гейдельберге, а затем перебрался в Лондон, избрав профессию химика. До окончания университета он успел принять католичество, жениться, развестись, а потом вдруг завербоваться поваром в научную экспедицию, отправляющуюся в джунгли Бразилии. Начальником экспедиции был майор английской разведки. Он-то и привлек Рейли к шпионажу.

Сидней быстро доказал свою профпригодность. В канун русско-японской войны он втерся в доверие к командованию русских войск на Востоке и выкрал оборонительные планы Порт-Артура. Продав их японцам от своего имени, Рейли не только выполнил задание руководства, но и хорошо заработал. С тех пор, войдя во вкус, он смело бросался в пучину заговоров, любовных интриг, финансовых афер и террористических актов, успевая и поработать на начальство, и извлечь личную выгоду. Позже направленность интересов Сиднея резко изменилась.

> Вернувшись в Одессу в 1919 м, Рейли увидел цель, достойную его таланта. Для начала всеми правдами и неправдами он пытался спасти родной город, бывший в то время последним оплотом прежней жизни.

Рейли вернулся в Одессу в 1919 году. В это время его мать сдавала особняк английскому посольству. Подробности встречи Рейли с ней не известны, ясно только, что это был переломный момент в его жизни: Сидней увидел цель, достойную его таланта. Для начала всеми правдами и неправдами он пытался спасти родной город, бывший в то время последним оплотом прежней жизни. Вокруг царил хаос, вывозимые из державы капиталы представляли огромный простор для обогащения, но Рейли, вместо того, чтобы наравне с другими видными аферистами набивать карманы, объявил себя «политическим офицером» и посредничал в тайных переговорах петлюровцев с французским командованием. Однако из этого ничего не вышло, Сидней ни с чем вернулся на берега Туманного Альбиона, но не сдался, с удвоенной энергией взявшись за планирование уничтожения «красной чумы». На какое-то время он стал ближайшим

соратником Бориса Савинкова, представшего тогда интересы белогвардейцев и вынашивавшего планы по свержению большевистских лидеров. Финансирования замыслов Савинкова Рейли добивался у английского, французского, польского и чехословацкого правительств, а иногда снабжал Бориса деньгами из собственного кармана. По делам службы Сидней часто оказывался в СССР, выполняя миссию по восстановлению разорванных революцией звеньев британской разведки. Он участвовал в знаменитом «заговоре послов», чудом остался жив после разоблачения готовящегося покушения на Ленина и вернулся с отчетом в Англию, где беседовал лично с Черчиллем. В СССР он был заочно приговорен к расстрелу, но от идеи борьбы с большевиками не отступил. Привыкший рисковать, Рейли не мог сидеть сложа руки и готов был действовать без всякого прикрытия. В общем, на этом он и погорел. Чекисты обыграли Сиднея в рамках нашумевшей позже операции «Трест», выманив в СССР. На свой страх и риск он отправился в Россию проводить якобы важную для его борьбы встречу, был взят на границе и вскоре расстрелян. Тем не менее, деятельность Рейли не прошла бесследно: советы долго еще разбирались с организованной ловким одесситом прямо у них под носом английской агентурной сетью.

В поддержание темы о крупных фигурах, которыми гордится вся Одесса, предлагаем вашему вниманию еще один замечательный рецепт: ***«Судак отварной незабываемый»*** .

Вам понадобится:
1 судак весом примерно 2 кг
2 моркови
2 луковицы
2 корня петрушки
зелень петрушки, специи, соль - по вкусу
пара лавровых листиков
350 г сливочного масла
4 яйца, сваренных вкрутую
1 чайная ложка лимонного сока

Приготовление:

Для начала нужно отварить рыбу. Судака моем, вычищаем, делим на порционные куски и выкладываем в кастрюлю. Солим, добавляем специи, корень петрушки и порезанные крупными кусками лук и морковь. Заливаем все водой так, чтобы рыба была едва прикрыта. Варим при слабом кипении примерно 20 минут, затем вынимаем кусочки и оставляем на блюде, обкладывая их тушеными овощами. Отдельно готовим яично-масляный соус. Растапливаем масло и вмешиваем в него зелень петрушки, лимон и несколько столовых ложек рыбного бульона. Поливаем рыбу соусом и подаем блюдо к столу.

Одесский пастернак

«Пастернак? Никогда я не слыхала о таком поэте. Зато с детства знаю: «Танцевала рыба с раком, / А петрушка с пастернаком», - опрометчиво написала Тэффи в ответ на статью о прекрасных стихах Бориса Пастернака. Позже писательница с творчеством поэта познакомилась, миллион раз извинилась и крайне сожалела, что «села тогда в калошу». Примерно так же опростоволоситься рискуют гости Одессы, решившие посетить «пастернаковский» дом № 78 на Базарной, дабы получше узнать быт великого поэта. Ведь мемориальная доска на доме посвящена не поэту, а выдающемуся художнику Леониду Пастернаку -отцу Бориса Леонидовича.

> Леонид Пастернак - выдающийся художник с мировым именем, в честь которого сейчас названа одна из самых солнечных улиц Тель-Авива, - родился в Одессе и прожил тут 27 лет.

Не случайно, рассказывая о себе, Борис Пастернак всегда начинал с родителей. Ему было чем гордиться. Леонид Пастернак - выдающийся художник с мировым именем, в честь которого сейчас названа одна из самых солнечных улиц Тель-Авива,- родился в Одессе и прожил тут 27 лет. Блестящий портретист, выдающийся иллюстратор, чудесный график и живописец, Леонид Осипович поначалу не рассматривал себя как профессионального художника. В одесской рисовальной школе он учился «для себя», а «для профессии» сначала два года посещал медицинское отделение Московского университета, а потом вернулся в Одессу, где получил юридическое образование. Родители Леонида Осиповича содержали небольшую одесскую гостиницу и очень хотели, чтобы сын получил образование, способное обеспечить ему достойную жизнь. Каково же было их удивление, когда художественные работы их Ленечки вдруг стали пользоваться успехом! Когда сам Третьяков купил для своей знаменитой галереи пастернаковскую картину «Письмо из дома», Пастернак решил переехать в Москву. Там он вел активную творческую деятельность, участвовал в выставках, преподавал в Московском училище живописи, ваяния и зодчества. Там же он женился на талантливой пианистке Розе Кауфман, которая, хоть и оставила музыку ради семьи, но до конца жизни, садясь за инструмент, повергала окружающих в «блаженное состояние

прямого общения с чем-то высшим». Через год у четы родился первенец - будущий нобелевский лауреат, писатель и один из лучших поэтов XX века. Позже в семье родился младший брат Бориса - Александр, а потом еще две «прелестные девочки».

> Леонид Осипович никогда не менял гражданство и писал, что мечтает «купить кусочек земли на Большом Фонтане, на высоком берегу, с которого открывается вид на просторы Черного моря».

В 1921 году Леонид Осипович с женой и дочерьми уезжает на лечение за границу. Обратно семья уже не вернется, обосновавшись сначала в Германии, а потом в Англии. Красивая и трогательная переписка родных с оставшимся в Москве Борисом Пастернаком сегодня частично опубликована. Леонид Осипович никогда не менял гражданства и писал, что мечтает «купить кусочек земли на Большом Фонтане, на высоком берегу, с которого открывается вид на просторы Черного моря». Если бы не война, возможно, художник действительно вернулся бы в родной город. Увы - он умер в 1945 году, не застав времени массового возвращения русских эмигрантов.

Леонид Осипович Пастернак

В детстве все лето Борис непременно проводил на одесской даче родни. В очерке об Игоре Северянине есть строки о том, что герой «...является в Одессу, где провел столько моментов своего детства. Как кусок независимой от житейского, чистой жизни, она перерождается в культуру...» Похоже, Борис Леонидович запечатлел так собственные чувства к Одессе. Первое знакомство

с морем, первая любовь, первый записанный рассказ - все это происходило с Борисом Пастернаком именно на одесской даче. «Приедается все./Лишь тебе не дано примелькаться./ Дни проходят, /И годы проходят,/И тысячи, тысячи лет./В белой рьяности волн,/Прячась в белую пену акаций,/Может, ты-то их,/ Море,/ И сводишь, и сводишь на нет».

Даже первые школьные экзамены были связаны у Бориса Леонидовича с Одессой. Из-за болезни отца семья не могла вовремя вернуться в Москву после летнего отдыха, и маленький Боренька рисковал не поступить в гимназию. К счастью, Московская гимназия согласилась поручить прием экзаменов своей одесской коллеге. Придя в 5-ю одесскую гимназию, будущий нобелевский лауреат легко справился со всеми заданиями и был заочно зачислен. Правда, в итоге, из-за процентной нормы учеников (на 345 гимназистов могло приходиться только 10 евреев), Бореньке таки не разрешили посещать гимназию в тот год. Он занимался с домашними учителями и пришел уже во второй класс, когда появилась какая-то вакансия.

Известно, что Борис Леонидович не любил писать стихи «к громким датам». Будучи обязанным что-то написать, он терялся, не знал, как вызвать в себе необходимый душевный трепет, пасовал… Даже во время Великой Отечественной войны его голос не сливался в унисон с остальными поэтами, воспевавшими советских героев. Пастернак молчал, ждал, когда строка придет сама. Тем ценнее слова, написанные им сразу после освобождения Одессы. «Прибой рычал свою невнятицу/у каменистого отвеса,/как вдруг все слышат, сверху катится:/«Одесса занята, Одесса…»

Пастернаки жили в Одессе с самого основания города. Прадед Бориса Леонидовича, Акива Пастернак, приехал сюда осенью 1794 года. Здесь прожил всю жизнь дед поэта, родился и вырос отец, потому считать Одессу «родовым гнездом» Бориса Леонидовича конечно же можно. Но та самая мемориальная доска, которую по ошибке принимают за указание на место проживания в городе Пастернака-поэта, все же на самом деле является запечатленной памятью о Пастернаке-художнике. Впрочем, прикоснуться к жизни Пастернака-старшего ничуть не менее интересно и почетно.

А в поддержание пастернаковской темы, конечно, хочется предложить рецепт чудесных, хрустящих и румяных ***«Картофельных оладий с пастернаком»*** .

Вам понадобится (на 4 порции):
корнеплода пастернака
1-2 картофелины
1 яйцо
мука
растительное масло
соль, сахар

Приготовление:

Это тот случай, когда затраченные на приготовление усилия неизмеримо меньше эффекта, производимого блюдом. Нужно всего лишь помыть пастернак и картофель, очистить их и натереть на крупной терке. Затем тщательно отжать, добавить муку, соль, сахар и яйцо. Все - тесто готово. Хорошенько разогрев сковородку, дважды переворачивая, выпекаем небольшие плоские оладушки. Подавать к столу желательно сразу и со сметаной.

Самый цимес!

Ну как можно описать литературную Одессу без рассказа о Соломоне Наумовиче Рабиновиче, больше известном под своим писательским псевдонимом - Шолом-Алейхем.

Литератор, сценарист, философ и педагог, он приехал в Одессу в 32 года и надолго задержался. Здесь он умудрился спустить все свое состояние на биржевых спекуляциях, здесь финансировал первый журнал, печатающий произведения на идиш, здесь окончательно осознал, что его жизненный путь - быть поэтом и просветителем.

> «Смеяться здорово. Врачи советуют смеяться», - утверждал Шолом-Алейхем. И чем сложнее была его жизнь, тем смешнее он ее описывал. В волшебные свойства смеха он уверовал еще в подростковом возрасте.

«Смеяться здорово. Врачи советуют смеяться», - утверждал Шолом-Алейхем. И чем сложнее была его жизнь, тем смешнее ее описывал. В волшебные свойства смеха он уверовал еще в подростковом возрасте. Соломон родился в 1859 году и рос в небогатой патриархальной многодетной еврейской семье. Ему было всего 13, когда умерла мать. Вскоре в дом пришла мачеха. За словом в карман она не лезла, и Соломон, которому доставалось больше остальных, решил увековечить эту горячую женщину. Он завел тетрадь, назвал ее «Лексикон» и стал составлять словарь ругательств, употребляемых мачехой. Книга получилась объемная и заполненная по самую букву «Ш». И тут - о ужас! - тетрадь попала в руки отца. «Лексикон» отец читал вместе с женой. Соломон ожидал скандала, побоев, чего угодно, но только не прозвучавшего восторженного: «Во дает!» и долгого безудержного смеха взрослых. «Шуткой можно разрубить даже самый тугосплетенный гордиев узел», - понял тогда мальчик.

Шолом-Алейхем известен как человек, много чего в жизни попробовавший. Учитель, раввин, литератор, финансист - Соломон успел побывать при этом и грузчиком, и маляром, и торговцем... Он блестяще закончил школу, а ведь поступая туда, настолько плохо говорил по-русски, что вся округа сбегалась послушать этот «номер» - образец косноязычия! Потом устроился репетитором к дочери одного богатого предпринимателя. Ясно, что между 17-летним учителем и очаровательной ученицей

вспыхнул роман. Сделав, как положено, предложение, Соломон от нанимателя получил нагоняй и, сопровождающее отказ от руки и сердца, известие о немедленном увольнении. Шесть лет Шолом-Алейхем скитался по миру в надежде сколотить хоть какое-нибудь состояние и доказать отцу возлюбленной свою состоятельность. С деньгами ничего не получилось, но за это время Соломон написал множество чудесных рассказов. Странствующий репетитор имел возможность наблюдать настоящую жизнь без прикрас. Самые сложные эпизоды и происшествия он описывал просто и ярко. Когда Соломон вернулся к любимой, отец девушки, хотя по-прежнему был недоволен подобным браком, все же начал считать дочь уже достаточно взрослой, чтобы она сама смогла принимать самостоятельные решения. С тех пор Голдэ и Соломон прожили душа в душу 30 лет, вырастили шестерых детей и до конца жизни в те редкие дни, когда были в разлуке, писали друг другу письма, полные любви и нежности.

Шолом-Алейхем

В 1890 году, после смерти тестя, Шолом-Алейхем перевез семью в Одессу. Почему именно сюда? Возможно, отгадку этого, со свойственной ему самоиронией, автор вложил в уста своих персонажей:

«-Что же вы там будете делать, в Одессе?- спрашивает Шолом и глотает слюну при мысли об одесских жареных утках и доброй

вишневке.

-Как что будем делать? Что делают все в Одессе?! Чем занимается Эфроси?! У Эфроси амбары с пшеницей, и у папы будут амбары с пшеницей, - серьезно и уверенно отвечает ему Пинеле. - У Эфроси контора со служащими, и у папы будет контора со служащими. А деньги - деньги будут сами сыпаться в карманы. Шутка ли, Одесса!»

> Доставшееся от тестя колоссальное состояние Шолом-Алейхем истратил в Одессе подчистую. Он играл на бирже, горепредпринимательствовал, давал взаймы сомнительным личностям... При этом выпускал журналы на идиш, платил авторам большие гонорары и нанимал учителей для бесплатной еврейской школы.

Так или иначе, но доставшееся от тестя колоссальное состояние Шолом-Алейхем... истратил в Одессе подчистую. Он играл на бирже, горе-предпринимательствовал, давал взаймы сомнительным личностям... При этом выпускал журналы на идиш, платил авторам большие гонорары и нанимал учителей для бесплатной еврейской школы... К счастью, когда наследство жены таки кончилось, у Шолом-Алейхема уже было достаточно громкое литературное имя, позволяющее кормить семью. При этом сама Голдэ имела образование зубного врача и помогала мужу, как могла. Говорят, спустя много лет, когда дети уже выросли и обзавелись собственными женами, Шолом-Алейхем просил их всех иногда приходить под кабинет Голдэ, держась за щеки и изображая зубную боль.

- Пусть все видят, что твои услуги пользуются спросом! - говорил заботливый муж, а Голдэ, у которой с практикой и так все было хорошо, а вот с местом для посетителей - не очень, хваталась за голову.

После погромов 1905 года Шолом-Алейхем понял, что страх за детей сильнее чувства родины. «Будьте мне гуд-бай!» - подобно одному своему персонажу, сказал писатель родной земле и перевез семью за границу. Впрочем, сам он еще неоднократно бывал в городках России, выступал с рассказами и неизменно пользовался громадной популярностью у простого народа, жизнь которого описывал.

При жизни став классиком, Шолом-Алейхем и не думал зазнаваться. А ведь было от чего! За интерес к детской литературе его называли еврейским Марком Твеном. Узнав о том, Марк Твен немедля возразил, сказав, что это он - американский Шолом-Алейхем. Произведения Соломона Наумовича по сей день переводятся с идиш на множество языков и по-прежнему

пользуются популярностью у читателей. «Самый цимес!» - говорят о них, рекомендуя друг другу, и почему-то многозначительно подмигивают.

Иными словами, выражение «самый цимес» можно описать как «то, что надо» или даже «самое лучшее». Почему? А потому, что в традициях одесской кухни существует очень вкусное одноименное блюдо. Сладкое, ароматное и неповторимое. Итак - ***«Сладкий цимес по-одесски».***

Вам понадобится (на 6 порций):
4 крупные морковки
2 картофелины
1 луковица
10 штук чернослива без косточек
2-3 столовых ложки мелкого изюма
5 штук кураги
2 столовых ложки меда
2 сантиметра свежего корня имбиря
0,5 чайной ложки молотой корицы
0,5 лимона
2 столовых ложки растительного масла
соль, сахар - по вкусу

Приготовление:

Для начала подготовим ингредиенты. Чернослив и курагу тщательно промоем и нарежем довольно крупными кусочками. Изюм оставим замачиваться хотя бы на полчаса. Имбирь очистим, натрем на мелкой терке и смешаем с соком лимона. Лук почистим, нарежем кубиками и обжарим на подсолнечном масле. Морковь и картофель очистим, порежем и отправим в кипящую воду, заправленную солью и сахаром. Через 10 минут откинем овощи на дуршлаг и оставим остужаться. Теперь сложим в форму для выпечки все подготовленные ингредиенты, приправим корицей, медом, зальем 1 стаканом бульона, оставшегося после варки овощей, и поставим в духовку на полчаса. Готово!

Одесский чайник

«Я предлагаю вам представить долговязого одесского подростка, лохматого, в изодранных брюках, вечно голодного, в худых башмаках, с черною повязкой на лбу, и утвердиться в той мысли, что это страшилище - я», - вспоминал детство Корней Чуковский.

В Одессу маленький Коленька Корнейчук переехал из Санкт-Петербурга. В столице его мать работала горничной и имела неосторожность принять ухаживания сына своих работодателей. С разницей в три года родилось двое детей, все шло неплохо, но тут «отец семейства» пожелал жениться на женщине своего круга. Гордая горничная предательства не простила, отказалась от всякого общения, забрала детей и уехала в Одессу. Изредка, в особо тяжелые моменты, она соглашалась принять денежные переводы от отца детей, в остальное же время тянула хозяйство сама. Она буквально выбивалась из сил, но обеспечивала детям приличную жизнь. Поначалу семья снимала флигель в доме Макри на Новорыбной улице, № 6. Потом переехала в дом Баршмана в Канатный переулок. Коленька ходил в престижный детский сад, а потом обучался в гимназии. Увы, в детстве он ничуть не ценил это и был самым настоящим школьным бунтарем.

«Началось с того, что наш директор, Андрей Васильевич Юнгмейстер, преподававший нам русский язык, повел речь о различных устарелых словах и упомянул между прочим словечко «отнюдь», которое, по его утверждению, уже отживало свой век». Юный Корнейчук от всей души пожалел умиравшее слово, решил принять самые энергичные меры по его спасению и подбил класс на активные действия. Теперь, что бы Юнгмейстер ни спрашивал у класса, ребята хором отвечали: «Отнюдь!»

- Знаете ли вы слово «ножницы?»
- Отнюдь!
- Склоняются ли такие слова, как «пальто» или «кофе»?
- Отнюдь!

Здесь не было озорства или дерзости - просто нам хотелось по мере возможности спасти безвинно погибавшее русское слово».

> Молодой Чуковский бредил литературой и философией, но при этом учился из рук вон плохо и «на ковре» у директора гимназии бывал едва ли не чаще, чем на уроках.

Николай никого не слушал, «расстраивал мать, молниеносно вырастая из всякой одежды», раздражал учителей, задавая несметное количество каверзных вопросов, и будоражил воображение однокашников, постоянно попадая в какие-нибудь переделки. Молодой Чуковский бредил литературой и философией, но при этом учился из рук вон плохо, потому что, в сущности, ни в чем еще не разбирался, но признавать себя «чайником» не желал, спорил и «на ковре» у директора гимназии бывал едва ли не чаще, чем на уроках.

«- Корнейчук, вы согласны прекратить этот глупый, бессмысленный бунт?!

- Отнюдь!»

Корней Иванович Чуковский

«- Корнейчук, я же сказал, что идти на лекцию о Канте могут лишь взрослые! Зачем вы подбили однокашников снять гимназическую форму, напялить родительские вещи и тайно проникнуть в зал? Вы выглядели нелепо! И вы ведь все равно ни слова не поняли из лекции, да?

- Да. Но дискриминация по возрастному принципу требует активной ответной борьбы!»

«- Это похвально, что вы взялись за издание школьной газеты. Особенно радует, что ее тираж - 1 экземпляр. Неужели вы думали, что я его не добуду?! Я почитал ваши пасквили на учителей. Вам не стыдно, Корнейчук?

- Стыдно, господин директор. Больше такого не повторится. В следующий раз газету с пасквилями мы издадим тиражом в два экземпляра и один дадим вам, чтобы не утруждать вас поисками...»

Столь гремучая смесь хулигана, интеллигента и искателя приключений была перебором даже для Одессы. Сначала Корнейчука отчислили из гимназии (бытует версия, что сделали это в поддержку указа о «кухаркиных детях», ратующего об освобождении гимназии от учеников из низших сословий, однако воспоминания современников все же говорят, что Николай был отчислен из-за несносного поведения). Потом, несмотря на явный талант к словесности, Корнейчук чуть не лишился корреспондентских заработков.

> Английский Николай учил самостоятельно, по очень странному самоучителю, изобилующему фразами, вроде: «Есть ли у вас одноглазая тетка, которая покупает у пекаря канареек и буйволов?»

«Я писал в этой газете о чем придется, главным образом о картинах, потому что выставки картин бывали часто... Кроме того, в редакции я считался единственным человеком, который понимал английские газеты... И я делал из них переводы для напечатания в нашей газете...» Но так как английский Николай учил самостоятельно, по очень странному самоучителю, изобилующему фразами, вроде: «Есть ли у вас одноглазая тетка, которая покупает у пекаря канареек и буйволов?», - то перевод ему давался тяжело. Проще было прибегнуть к хитрости и писать отсебятину. Увы, кто-то из друзей редактора знал английский и разоблачил халтурившего переводчика...

«Даже не могу сказать, что ты отбился от рук! Отбиваться тебе с самого начала было не от чего!» -сокрушалась мать. Но, как водится, в жизнь юноши пришла любовь и расставила все по местам. Он встретил девушку «со смелыми и живыми глазами», захотел покорить ее и в корне изменился. В стильном, начитанном, ироничном и удивительно дисциплинированном журналисте «Одесских новостей» никто даже не мог заподозрить бывшего разгильдяя, обожавшего спорить по пустякам. «Жизнерадостного и насмешливого умницу Корнея», в

совершенстве уже освоившего английский, откомандировали в Лондон, позволив взять с собой молодую жену. По возвращении в Одессу молодожены уже ждали первого ребенка. В Корнее Ивановиче начало расцветать его удивительное и знаменитое нынче на весь мир понимание детской психологии и уважение к ней. Работать в Петербург он отправился, уже будучи прекрасно подготовленным к большому литературному пути. Одесса вырастила его, обучила и всегда была готова принять обратно или просто поддержать.

А в память о том милом и неуклюжем «чайнике», которым был в юности Корней Иванович, хочется привести рецепт душистого и бодрящего неповторимого ***«Одесского чая»*** .

Вам понадобится(на литровый чайник или термос):
100 г тертого свежего корня имбиря
2 чайных ложки зеленого чая
2 стручка кардамона
900 мл воды
1 лимон
4 чайных ложки меда
корица, гвоздика - по вкусу

Приготовление:

Завариваем зеленый чай и оставляем его настаиваться. Примерно через 5 минут процеживаем получившийся напиток, добавляем кардамон, имбирь, корицу и гвоздику. Варим чай на слабом огне примерно 10 минут, потом добавляем мед и сок лимона. Снова все процеживаем и заливаем в термос или же переливаем вместе с ингредиентами в заварочный чайник, фильтруя чай ситечком непосредственно перед употреблением. Рекомендуется пить небольшими глотками в случаях, когда хочется испытать прилив энергии и вдохновения.

Цыпленок жареный

Однажды Исаака Дунаевского спросили: - Какая ваша самая любимая песня протеста? - «Бублички», -ответил Дунаевский. - Лучшей песни про тесто еще никто не написал!

Однажды Исаака Дунаевского спросили: - Какая ваша самая любимая песня протеста?-«Бублички», - ответил Дунаевский. - Лучшей песни про тесто еще никто не написал!

Шутка шуткой, но разбитные «Бублички» в свое время действительно были невероятно популярны. Родившись как номер для популярного тогда исполнителя блатных песенок, «Бублички» после премьеры в Одессе сразу же стали гимном нэпа. Вскоре они покорили всю страну, были переведены на многие языки и исполнялись даже такими именитыми певцами, как Леонид Утесов или сестры Берри. Знал ли Яков Ядов (настоящая фамилия Давыдов), за полчаса и сразу набело настучавший на печатной машинке текст, что создает стопроцентный, долгоиграющий хит? Предполагал ли, загоревшись идеей зарисовать в фокстроте звучащие на каждом углу Одессы призывы торговок: «Купите бублички!», что песня станет визитной карточкой 20-х годов? Вероятнее всего, нет. К своему редкому и уникальному песенному дару Яков Петрович относился скептически, часто не подписывал тексты, раздаривая их случайно встреченным «лабухам» из второсортных забегаловок. Когда очередные музыканты, узнав, что автор половины их репертуара присутствует в зале, устраивали овации, он ужасно смущался и стремился поскорее уйти. Существует выражение, приписываемое Фаине Георгиевне Раневской: «Талант - как бородавка: либо он есть, либо его нет.» Так вот для Давыдова талант песенника был действительно, как бородавка, - отличительная черта, которая ярко запоминается, но не позволяет разглядеть в человеке ничего другого.

Если говорить всерьез, то я ведь посетил сей мир не для того, чтобы зубоскалить, особенно в стихах. По своему складу я лирик. Да вот не вышло. Вышел хохмач», - вздыхал Ядов.

И действительно, переехав в Одессу сразу после революции, Давыдов сотрудничал практически со всеми тогдашними одесскими газетами. Удаленно он работал и со многими столичными изданиями, считался метким «карикатуристом

слова» и превосходным фельетонистом. Писал также и красивые эссе, серьезную аналитику, и лирические рассказы... И где, в смысле - и что? Спросите у любого (хоть на Тверском бульваре, хоть на Дерибасовской), кто такой Яков Давыдов, и услышите парадоксальное заявление, что он «автор смешных народных песен».

Яков Петрович Ядов

К тому же популярность текстов Ядова при кажущейся их простоте и нехудожественности страшно раздражала окружающих поэтов. Один не слишком умный, но зато достаточно откровенный писатель так и заявил на собрании: «Ядова надо ликвидировать, так как из-за таких, как он, нас - настоящих пролетарских литераторов - на эстраде не исполняют». Увы, то были времена, когда подобные заявления, помимо того, что демонстрировали недалекость оратора, могли сослужить и другую службу -

доставить неприятности обсуждаемому. Ядова не принимали ни в какие литературные организации и отказывали ему в «большой работе», к которой он стремился всю жизнь. Когда у него случился микроинсульт, его (практически по Ильфу и Петрову) отказывались класть в больницу как «не члена профсоюза» и не принимали в профсоюз «по болезни». Решило ситуацию личное обращение жены больного к Сталину. Вождь, как выяснилось, очень любил исполненные Утесовым «Бублички», поэтому Якова Петровича спешно госпитализировали. Вообще, «все эти песенки» неоднократно спасали жизнь своему автору.

Вот как Константин Паустовский вспоминал одесский период жизни своего друга: «В газете «Моряк» было два фельетониста: бойкий одесский поэт Ядов (печатался под псевдонимом «Боцман Яков») и прозаик Регинин. Ядов, присев на самый кончик стула в редакции, торопливо и без помарок писал свои смешные песенки. На следующий день эти песенки уже знала вся Одесса, а через месяц-два они иной раз доходили даже и до Москвы. Ядов был по натуре человеком уступчивым и уязвимым. В тридцатые работы у него было очень мало, да и слава его как автора «Бубликов» не способствовала яркой советской эстрадной карьере. Жить ему было бы трудно, если бы не любовь к нему из-за его песенок всей портовой и окраинной Одессы... Ядов стеснялся этих текстов, а они, практически, спасали его. За их популярность Ядова ценили редакторы газет, директора разных кабаре и эстрадные певцы. Ядов охотно писал для них песенки буквально за гроши. Внешне он тоже почти не отличался от портовых людей. Всегда носил линялую синюю робу, ходил без кепки, с махоркой, насыпанной прямо в карманы широченных брюк. Подвижным и грустно-веселым лицом он напоминал пожилого комического актера...»

> По утверждениям большинства исследователей, легендарные «Цыпленок жареный» и «Мурка» - дело рук Ядова. Изза явно не подходящего для советского литератора контекста, он никогда не подписывал эти работы, но друзья, конечно, знали, кто автор.

К слову сказать, по утверждениям большинства исследователей, легендарные «Цыпленок жареный» и «Мурка» - дело рук Ядова. Из-за явно не подходящего для советского литератора контекста он никогда не подписывал эти работы, но друзья, конечно, знали, кто автор. Тот же Паустовский пишет, что «он вынужден был сторониться собственной славы и даже всеведущие жители Одессы не могли припомнить, кто написал наипопулярнейшую песенку «Здравствуй, моя Любка, здравствуй, дорогая!» Доходило до смешного - некоторые особо рьяные

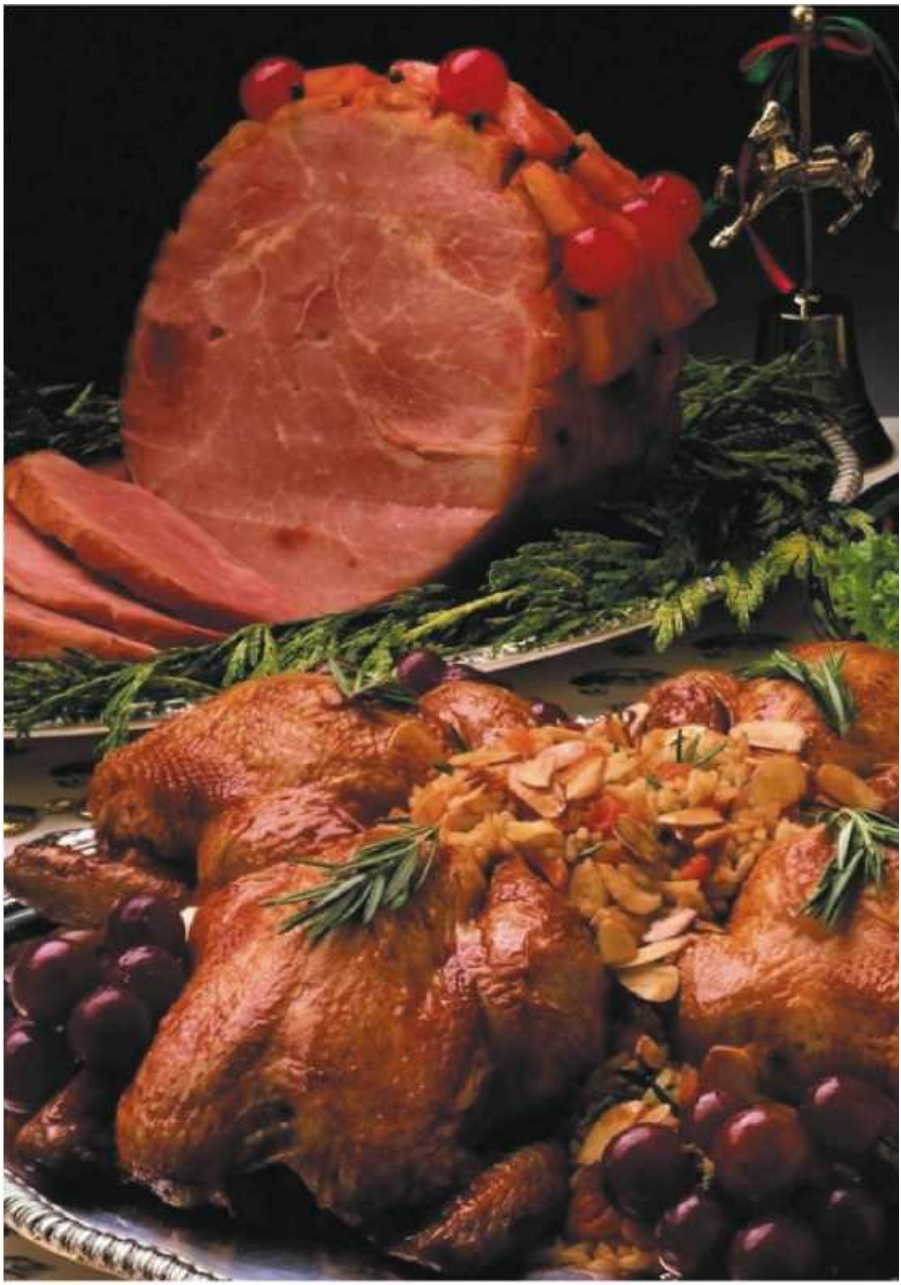
ненавистники кричали: «Кто любимый народом песенник?! Ядов?! Подумаешь, «Бублички»! Я понимаю, если бы он «Цыпленка жареного» написал, а тут...» Ядов многозначительно молчал, ни на что уже не претендуя и полностью отдав свои песни на усмотрение исполнителей. Но если «Мурку» перепевающие ее шансонье изменили до невозможности (первоначальный вариант не носил «блатного» оттенка, это был городской шансон, без всякого криминального подтекста), то «Цыпленок» дошел до нас целехоньким.

О нем и поговорим в кулинарном приложении к статье. Встречайте! Тот самый ***«Цыпленок жареный».***

Вам понадобится:
1 небольшой цыпленок
2 зубчика чеснока
соль, черный молотый перец - по вкусу
немного оливкового масла

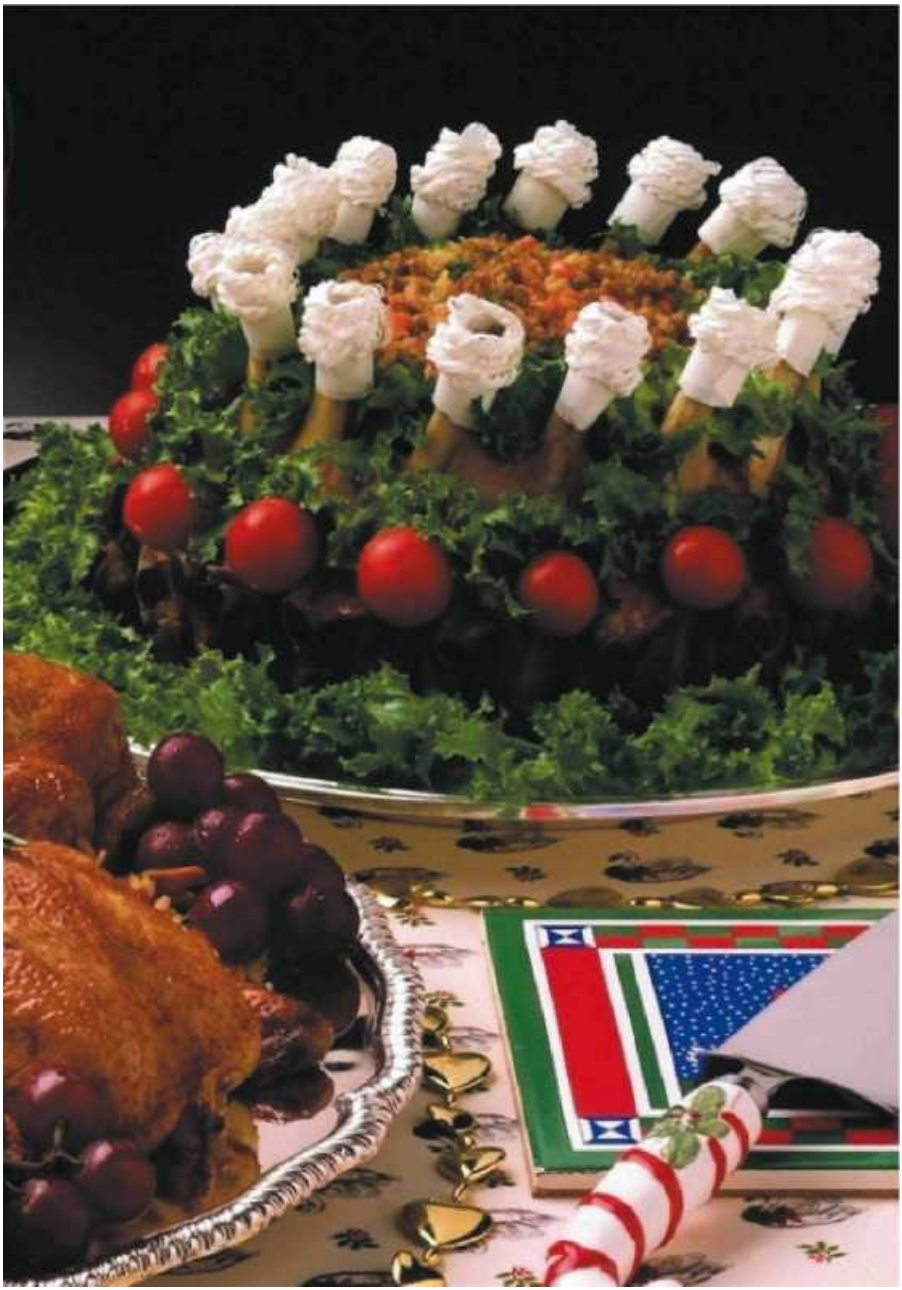
Приготовление:
Включим духовку и, пока она будет разогреваться (в итоге нужно получить температуру 180 °С), займемся подготовкой мяса. Цыпленка помоем и хорошо просушим бумажным полотенцем. Измельчив чеснок, смешаем его с оливковым маслом, солью и перцем. Тщательно смажем птицу внутри и снаружи

получившейся чесночно-масляной смесью, также смажем маслом противень и отправим на нем цыпленка в духовку. Запекание будет длиться примерно час.



Каждые 15 минут следует открывать духовку и поливать цыпленка жиром, скапливающимся на противне. За несколько

минут до готовности можно включить гриль, чтобы блюдо хорошенько подрумянилось.



Чисто одесский язык

«Под пушек гром, под звоны сабель от Зощенко родился Бабель», - ходила эпиграмма в северной столице 20-х годов. Ленинградцы видели в лаконичных и смешных рассказах Бабеля продолжение петербургской школы писательства и, конечно, они приписывали восходящей литературной звезде подражание самому знаменитому тогда ленинградскому прозаику. Между тем, большинство современных критиков считают И. Э. Бабеля не просто «самым одесским из всех писателей», но еще и человеком, который, «благодаря своим «Одесским рассказам», сделал город местом планетарного масштаба». Мнение это, правда, изобилует пафоспыми лозунгами, вроде: «Бабель - наше все», или: «Мы говорим Одесса -подразумеваем Бабель»... Но даже это не способно испортить удовольствие от прочтения ранних рассказов Исаака Эммануиловича и радость от так изящно устроенной им встречи с интересной, многоплановой, не похожей на все прошлые ее описания Одессой.

Большинство современных критиков считают И. Э. Бабеля не просто «самым одесским из всех писателей», а еще и человеком, который, «благодаря своим «Одесским рассказам», сделал город местом планетарного масштаба».

Исаак Бабель родился на Молдаванке. И хотя в младенчестве был перевезен родителями в Николаев, никуда деться от Одессы все равно уже не мог. Сюда он вернулся, чтобы посещать коммерческое училище, насыщенная программа которого казалась ему плевым делом после изнурительных домашних уроков: «По настоянию отца я изучал до шестнадцати лет еврейский язык, Библию, Талмуд. Дома жилось трудно, потому что с утра до ночи заставляли заниматься множеством наук. Отдыхал я в школе». За одесской типографией № 7 Бабель был закреплен как выпускающий редактор в первые годы советского строя. Здесь он заводил сомнительные знакомства, чтобы получше изучить теневой мир города. Бабель знал про Одессу так много и дружил с ней так близко, что свой хвалебный очерк Одессе мог начать с ироничного: «Одесса очень скверный город. Это всем известно. Вместо "большая разница" там говорят - "две большие разницы" и еще: "тудою и сюдою"». Дальше дело принимает другой оборот. Одесса описывается, как «город, в

котором ясно жить»; литературный мессия, «которого ждут столь долго и столь бесплодно», и который, по утверждению автора, обязательно «придет оттуда - из солнечных степей, обтекаемых морем». Многие видят в этом тексте самовосхваление, другие - оду землякам, а некоторые и «злую иронию, призванную пристыдить непомерное хвастовство одесситов».

Жизнь Бабеля вообще, как ничья другая, обросла множеством домыслов и противоречивых трактовок.

Жизнь Бабеля вообще, как ничья другая, обросла множеством домыслов и противоречивых трактовок.

- Он работал в ЧК! Он призывал писателей учиться владению языком у Сталина и воспевал коллективизацию перед французскими журналистами! Он писал статьи, прославляющие показательные процессы против «врагов народа»! Он прилюдно сказал в 30-м: «Поверите ли, я теперь научился спокойно смотреть на то, как расстреливают людей»... - напирают одни.

- Он быстро разочаровался в революционной романтике, - спорят другие. - В дневнике его есть запись: «Почему у меня непроходящая тоска? Потому, что... я на большой, непрекращающейся панихиде».

Исаак Эммануилович Бабель

И даже уже будучи признанным советским писателем, уважаемым и публикуемым, тосковал в дневнике: «Очень трудно писать на темы, интересующие меня, очень трудно, если хочешь быть честным» и «Очень плохо живется: и душевно, и физически - не с чем показаться к хорошим людям». Его настоящие, честные повести были изъяты и уничтожены! Да и, в конце концов, его

расстреляли за антикоммунистические настроения и липовое сотрудничество с французской разведкой...

Обе точки зрения подтверждаются фактами, обе - имеют право на жизнь и обе при этом ничуть не умаляют заслуг раннего творчества Исаака Эммануиловича. Оно, кстати, тоже постоянно вызывало пересуды. Например, рассказ «Щель», получивший высокие оценки собратьев по перу и описывающий подглядывающего за проститутками героя, вызвал огромный резонанс в обществе, и автора даже должны были судить как порнографа.

Спорными представлялись многим критикам также и «Одесские рассказы»: разве можно воспевать жизнь бандитов? Но существовало и другое мнение. «Я чувствовал, что это прекрасная литература, но не понимал, почему и как проза становится поэзией высокого класса,- пишет об «Одесских рассказах» Фазиль Искандер. - Я думаю, что Бабель понимал искусство как праздник жизни, а мудрая печаль, время от времени приоткрывающаяся на этом празднике, не только не портит его, но и придает ему духовную подлинность».

«Бабель украсил бойцов изнутри и, на мой взгляд, лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев», -говорит Максим Горький, заступаясь за «Конармию», грубо охаянную Буденным за «наглую клевету на бойцов». Юный Бабель сам воевал в Первой Конной армии и описал не общевоспеваемые ратные подвиги, а повседневную жизнь бойцов, со всеми ее неоднозначностями и спорными эпизодами. Буденному это очень не понравилось.

В общем, что ни вещь - то скандал, что ни шаг - то подозрения. Но слава каждого слова не умолкает по сей день. Если учесть при этом еще и провокационную личную жизнь

Исаака Эммануиловича (он украл свою жену из дома поставщика родного отца, отчего со всеми рассорился и начисто лишил себя и молодую жену материальной поддержки со стороны родственников), то перед нами возникает портрет воистину интригующий. Бабеля можно любить или нет, уважать или не слишком, но не признать в нем яркой фигуры - исторической, литературной, психологической - не получится ни у кого.

Хотя сам Бабель и говорил, что принять иудейство или стать одесситом можно ради одной только фаршированной рыбы, все же более распространенная ассоциация с Исааком Эммануиловичем - работа с языком. Рецепт напрашивается сам собой: нежный и почти воздушный ***«Язык говяжий по-одесски»*** .

Вам понадобится (на 8-10 порций):
Язык весом 2-2,5 кг
1 луковица
2 корешка сельдерея
2 зубчика чеснока
1 лавровый лист

Приготовление:

Чтобы мясо буквально таяло во рту, необходимо выбрать хороший язык. Кроме того, конечно, нужно обратить внимание на некоторые хитрости процесса варки. Итак, моем язык, помещаем его в кастрюлю и заливаем холодной водой. Доведя до кипения, делаем огонь совсем слабым и варим язык примерно полчаса. Затем сливаем бульон и заливаем язык свежей горячей водой. Добавляем лавровый лист, а также порезанные крупно лук, чеснок и сельдерей. Варим все на слабом огне примерно 3 часа. Затем сливаем бульон, кладем язык в холодную воду, очищаем его от шкурки, режем тонкими ломтиками и выкладываем на блюдо. Подавать можно как в холодном, так и в горячем виде, с хреном и зеленью.

Лапша от нашей Сони

Газеты именовали ее то богиней криминала, то леди Винтер из Одессы, то дьяволом в юбке. Эта легендарная воровка умудрилась обчистить карманы даже собственного адвоката (причем, непосредственно в зале суда, где он распинался о невиновности подсудимой). Отчаянная мошенница, устав от одиночных дел, собрала банду из бывших мужей и разыгрывала с их помощью комбинации, стоившие мирным буржуа состояний (деньги отдавались, например, на покупку не продающегося дома или за учебу на несуществующих престижных курсах). Она славилась мастерством сводить мужчин с ума и обворожила даже закаленную охрану на выселках (в результате один из жандармов организовал побег и бежал вместе с ней). Удивительно сильная духом, она не проронила ни звука, когда за очередную попытку к бегству с сахалинской каторги получила наказание плетьми и, едва оправившись после двух с половиной лет в кандалах, снова попыталась бежать.

Газеты именовали ее то богиней криминала, то леди Винтер из Одессы, то дьяволом в юбке. Эта легендарная воровка умудрилась обчистить карманы даже собственного адвоката (причем, непосредственно в зале суда, где он распинался о невиновности подсудимой).

Как вы уже догадались, речь идет о Софье Блювштейн, прозванной в народе Сонька Золотая Ручка.

Сиротка-беспризорница из одесских трущоб умудрялась совмещать работу в растившей ее воровской «малине» и посещение школы. И там и там успехи были превосходны. Выполнив текущие поручения бандитов (от безобидного «сгонять за выпивкой» до уже опасного «постоять на стреме»), Сонька до утра могла просидеть над выпрошенными у кого-то учебниками. Увы, пытливый ум, артистизм и потрясающую работоспособность девочка использовала отнюдь не на благо человечества.

...В солидный ювелирный магазин заходит пожилая богатая дама с холодной улыбкой. В присутствии приказчика она рассматривает самый дорогой бриллиант, но нечаянно роняет его. Продавец бросается на пол, дама отходит и брезгливо указывает носком туфли совсем в другую сторону: «Да вон же он! Закатился в угол. Ползите туда, раз уж пол собой вытирать вздумали...» Покупательница уходит, а вечером хозяин магазина

узнает, что его лучший бриллиант - подделка. Позже выясняется, что в каблуке туфельки дамы было отверстие, залитое смолой. Уронив бриллиант, Сонька (а это, конечно, была она) наступила на камень, спрятав его в смоле, и тут же указала продавцу на заранее подложенную в другом месте фальшивку...

Та же картина, только другой магазин, и дама выглядит совершенно иначе: юная, улыбчивая, с милым иностранным акцентом, в яркой шляпе и с обезьянкой на плече. Демонстрируя явную симпатию к раскрасневшемуся продавцу, посетительница покупает один небольшой камушек, а потом - любопытства ради - просит разрешения пощупать все остальные. Продавец, ощутивший прилив полного доверия к клиентке, не без гордости демонстрирует все самое лучшее. Обезьянка начинает хулиганить. Дама прерывает осмотр, извиняется за «зверя» и поспешно уходит. Дома с помощью клизмы Сонька извлекает из своей дрессированной напарницы все проглоченные ею камни. Ловко подсунутые взамен фальшивки какое-то время еще остаются неразоблаченными...

Софья Блювштейн - Сонька Золотая Ручка

Дальше - больше. Работа в поездах и гостиницах. Казалось бы, пассажиры первого класса и постояльцы люксов предупреждены, что где-то рядом орудует ловкая аферистка... Но все равно то тут то там слышны жалобы на очаровательную молодую/ отвратительную старую даму/, которая втерлась в доверие и, попросив помочь вынести багаж /позволив сбегать на

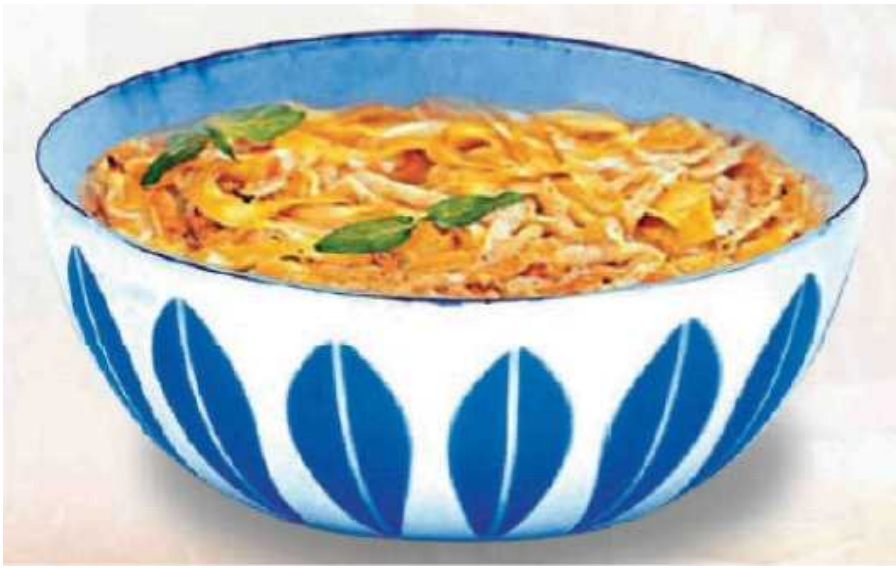
остановке за мороженным для нее/ предложив распить некий шикарный напиток... воспользовалась моментом, чтобы опустошить сумку или карманы оставшейся в купе одежды. Доходило до того, что охотники за приключениями нарочно селились в гостиницах, где иногда промышляла Сонька, дабы лично ощутить чары авантюристки и проверить свою способность не поддаться им. Поддавались. Правда, вместо обещанной роскошной дамы Сонька являлась к ним в образе скромной горничной или, например, улыбчивого портье (гримом, париком и прочими накладными носами Золотая Ручка умела пользоваться с детства). Лишь солидная прореха в бюджете красноречиво говорила экспериментаторам, что встреча с легендарной воровкой уже состоялась.

Охотники за приключениями нарочно селились в гостиницах, где иногда промышляла Сонька, дабы лично познакомиться с чарами авантюристки и проверить свою способность не поддаться.

Из постановочных комбинаций, требующих размаха, наиболее знаменито дело Динкевича. Вышедший в отставку директор гимназии продал все имущество в провинции, чтобы переехать в родную Москву. В дороге он встретился с очаровательной графиней, мужа которой когда-то хорошо знал. Заискивая перед роскошной москвичкой, Динкевич выложил о себе все. И тут оказалось, что графиня как раз собирается продавать свой московский особняк. Договорились встретиться через два дня. За это время Сонька (графиней в этой постановке, конечно, была она) успела найти подходящий дом, отрепетировать со своими людьми все мелочи, снять квартиру под поддельное нотариальное бюро... В общем, у пришедшего смотреть дом покупателя не возникло и тени опасений. Графиня милостиво согласилась провести сделку у своего знакомого нотариуса. Динкевич отдал деньги, въехал в дом, а через неделю туда из дальних странствий вернулись законные владельцы. Прокляв собственную доверчивость, несчастный Динкевич повесился в дешевых номерах. Но зря он винил себя! Не поверить «лапше», которую Сонька «вешала на уши» окружающим, было невозможно - попадались все. Даже уже зная, что перед ними мастерица обмана, некоторые приехавшие взять интервью у знаменитой каторжанки журналисты все равно всерьез рассуждали о том, как бы помочь бежать несчастной женщине, ставшей жертвой страшных обстоятельств, наговоров и судьбы.

Говоря о мастерице «вешать лапшу на уши», логично перейти

к кулинарной составляющей главы, которая представляет удивительную ***«Запеканку из лапши с морковью и яблоками»*** .



Вам понадобится (на 8 порций):
500 г широкой яичной лапши 3 больших морковки
3 больших сладких яблока
1 чайная ложка лимонного сока
4 столовых ложки растительного масла
1 столовая ложка сахара
5 яиц
1/2 чайной ложки молотой корицы
соль, молотый черный перец - по вкусу

Приготовление:

Для начала приготовим «тесто». Лапшу отварим до полуготовности (понадобится примерно 4 минуты кипения), откинем на дуршлаг, промоем холодной водой и оставим подсыхать. Тем временем натрем на крупной терке очищенные морковь и яблоки. В большой миске смешаем лапшу, яблоки и морковь. Польем все это лимонным соком, добавим 3 ложки масла, сахар, соль, корицу и перец. Отдельно взобьем яйца и, помешивая, введем их в лапшу. Теперь, смазав форму маслом, выложим в нее массу, польем оставшимся маслом сверху и отправим в разогретую до 180 ˚С духовку. Через 50 минут блюдо будет готово.

Рожденная в Одессе

«Она плавает, как птица», - говорил брат об Анне Ахматовой . «Как рыба!» - поправляли слушатели. «Нет, как птица, - настаивал он. - Плывет так, словно через миг непременно взлетит. Вы же видите». «Это потому, что она рождена у моря», - соглашались собеседники. «Рождена самим морем, - поправлял брат. - Стихия - дочь стихии. Вы же слышите!»

> Стремительная, тонкая, с распущенными волосами, в длинной светлой рубахе, Анна вбегала в воду, практически не разбрасывая брызг, и сливалась с морем так органично, словно всегда была его частицей.

И действительно: когда б ни оказывалась Анна возле моря (а все детство и юность в летние месяцы ее обязательно привозили на юг), покой чопорных дам, степенно отдыхающих под зонтиками, разрушался шокирующей картиной - стремительная, тонкая, с распущенными волосами, в длинной светлой рубахе, Анна вбегала в воду, практически без брызг, и сливалась с морем так органично, словно всегда была его частицей. В те времена подобный подход к купанию считался дикостью. Впрочем, Анне, как вольному поэту, да еще и рожденному свободолюбивой Одессой, практически во всем и всегда приходилось сталкиваться с несоответствием окружающих шаблонов и ее внутреннего чувства гармонии.

Когда Ахматовой было 15 лет, во время очередного приезда в Одессу ее мама решила повести дочь к «избушке-дачке на 11-й станции Большого Фонтана». «Вот дом, в котором ты родилась!» - сказала мама. «Когда-нибудь здесь будет висеть мемориальная доска!» - не задумываясь, воскликнула Аня. «Я не была тщеславна, это была просто глупая шутка, но мама огорчилась, сказав: «Боже! Как плохо я тебя воспитала». С тех пор я во всем была сдержанна, как кремень», - вспоминала позже Анна Андреевна.

Решив стать поэтом, Анна получила решительный протест от отца, который долгое время работал в Одессе ведущим сотрудником «Одесских новостей». Он всякого там насмотрелся и ужасно не хотел, чтобы имя его дочери обсуждали читатели и покрывали сплетнями коллеги. «Не позволю, чтобы моя фамилия...» - сурово начал отец, и Анна Горенко тут же стала Ахматовой, взяв псевдоним. Кстати, позже «Ахматова» стала ее

настоящей «паспортной фамилией»: ведь ни Гумилевой по первому мужу, ни Пуниной по второму она быть не захотела.

Как известно, Николай Гумилев просил руки Анны Горенко много раз и получал отказ за отказом. После каких-то попыток он пытался совершить самоубийство, после других - клялся забыть сводящую его с ума деву навек. Они оба - и Николай, и Анна - катастрофически нарушали устои. В те времена (впрочем, и сейчас) не принято было делать многократные предложения, слышать в ответ «нет» и, при этом, оставаться в прекрасных отношениях... Именно в Одессе - городе, из которого Гумилев обычно отправлялся в свои самые экзотические странствия, - он получил последний отказ от Анны, который, при этом, оказал решающее влияние на будущий брак. Она не согласилась принять ни руку с сердцем, ни идею совместной поездки в Африку, однако услышала в ответ нечто, заставившее ее задуматься. Этот разговор стал переломным. Вскоре вслед Гумилеву полетело обнадеживающее его письмо, и уже во время следующей встречи в Киеве молодые люди сговорились о свадьбе.

> Влияние вырастившего Ахматову Петербурга неоспоримо, но по всему выходит, что и Одесса оказала громадное влияние на все аспекты жизни Анны Андреевны.

Влияние вырастившего Ахматову Петербурга неоспоримо, но по всему выходит, что и Одесса оказала громадное влияние на все аспекты жизни Анны Андреевны. И в смысле дел сердечных - первой влюбленностью Ани Горенко был одесский писатель Александр Федоров. И в вопросе брака - именно после одесского предложения Анна все же решила согласиться стать женой Гумилева. И в смысле дел житейских - Аня Горенко родилась в Одессе, прожила тут первый год жизни и потом еще регулярно приезжала на летнее оздоровление, останавливаясь в Люстдорфе под Одессой. И в вопросах творчества -полная страстей атмосфера «Одесских новостей» повлияла на Андрея Горенко и дала его дочери шанс выбрать чудесный псевдоним... А если смотреть дальше банального фактажа, то, безусловно, стоит заметить, что острословие, чувство юмора и умение блестяще фехтовать фразой неизбежно выдает в Ахматовой принадлежность к Одессе:

«Нет силы страшнее, чем искренне расположенная к тебе глупость. Ее не обуздать, не успокоить, не оградить от себя...» - это об обрушившейся после долгих лет запретов и непризнания слепой любви от всевозможных бюрократов.

«Она проводит время в неустанных заботах о себе самой» или «Рухнул в себя, как в пропасть» - это о чьем-то эгоизме.

Анна Андреевна Ахматова

«Против кого дружим, девочки?» или: «Тогда все знакомые раздружились с ним и стали чужими знакомыми», - это в мимолетных устных зарисовках о человеческих отношениях.

«И тут я с большой прямотой напросилась на комплимент»,

или: «Жизнь моя действительно трудна. Но есть основания не впадать в отчаяние - она ведь вдобавок и коротка», или: «Не сообразив, что собираюсь стать исключительно русским поэтом, я умудрилась взять в качестве псевдонима татарскую фамилию прабабки, которая вдобавок ко всему была еще и настоящей княжной, что весьма обескураживало окружающих пролетариев даже в самые вегетарианские, наступившие уже после смерти Сталина, времена», - это о себе.

«Где же та девушка, что плачет такими прекрасными, полными черной туши слезами?» или: «Он был лучшим преподавателем литературы, потому что учил самой важной вещи - пропускать слова через сердце» - это, как и многое другое, о людях, которым симпатизировала.

Поэт от Бога, в устной прозе Анна Андреевна, как ни крути, всегда была одесситкой.

А чтобы не путать Божий дар с яичницей, позволим себе изложить историю еще одного родившегося в Одессе и покорившего весь мир явления. Разрешите представить: волшебная, бодрящая, потрясающая - ***«Яичница по-одесски».***

Вам понадобится (на 2 порции):
4 яйца
4,5 столовых ложки сливок
1 помидор 1/2 луковицы
3 столовых ложки сливочного масла
60 г креветок

100 г мяса мидий
соль и перец - по вкусу

Приготовление:

Очистим креветки от панциря и отправим на 3 минуты в кипящую воду. Отбросим на дуршлаг и дадим просохнуть. Мясо мидий выложим на сковородку, перемешаем с маслом и протушим на слабом огне примерно 5 минут. Затем добавим порезанные колечками лук и помидоры. Перемешаем и добавим уже просохшие креветки. Аккуратно помешивая, тонкой струйкой вольем сливки, вобьем яйца, посолим и поперчим. Тушим, накрыв крышкой, до готовности (примерно 5 минут).

Свой с потрохами

Одесса - город-катализатор. Любые ваши качества он усиливает в разы, любые желания - обостряет, а реализацию их ускоряет до невозможности. Столь деятельного человека, как поэт Максимилиан Волошин , пускать сюда было попросту опасно. Всего четыре месяца провел он здесь, а некоторые последствия его визита можно наблюдать и по сей день.

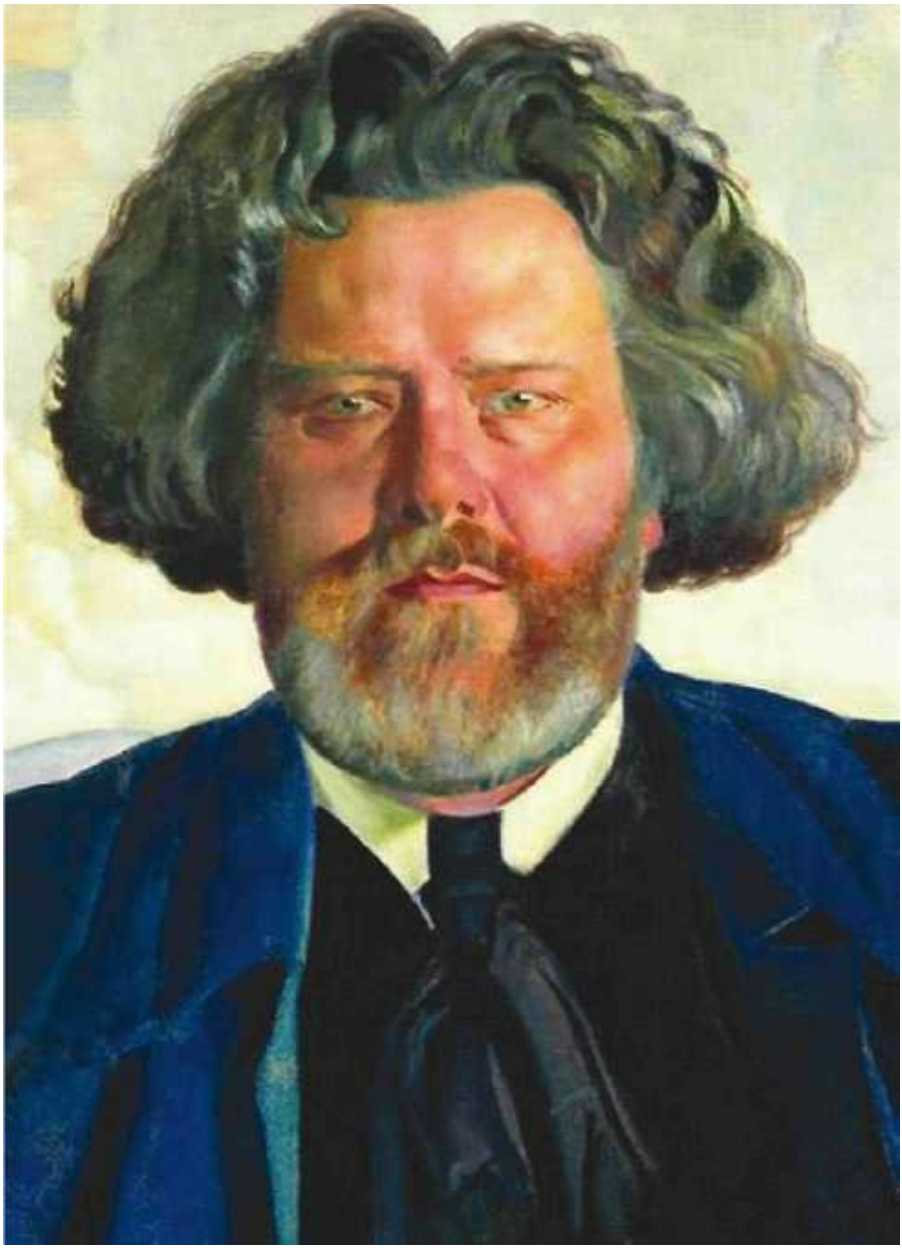
Одесса - город-катализатор. Любые ваши качества он усиливает в разы, любые желания -обостряет, а реализацию их ускоряет до невозможности.

Итак, холодная зима 1919-го. Волошину немного за сорок. Поэт, художник, переводчик и литературный критик, он видит в окружающих реалиях «исторические дни» и старается ничего не пропустить. За плечами его - всероссийская известность, работа в Париже, в Петербурге и Москве, всевозможные дерзкие поступки, вроде дуэли с Гумилевым и публичного письма военному министру с отказом от участия в «кровавой бойне Первой мировой войны», а также безграничная любовь к людям и вера в правильность мироустройства. На плечах - бородатая и лохматая кудрявая голова с мужественным подбородком и близорукими глазами, придающими лицу что-то по-детски беззащитное. Под плечами - грузное, объемное тело русского богатыря. «Семь пудов мужской красоты», - говаривал о себе он сам. И вот это чудо приезжает в Одессу, чтобы читать лекции на околокультурные темы. В некоторых залах еще топят, вход стоит копейки, потому народу приходит много. Впрочем, некоторые (начинающие «литераторы новой волны») идут отнюдь не из теплых побуждений. На подобные мероприятия они ходят рассказать оратору, что время старой школы ушло. «Долой! К черту старых, обветшалых писак!» - кричат они, что уже стало традицией любых подобных выступлений. Покричав минут с пять, они всегда уходят с лекции, после чего она, собственно, и начинается. Но Макс Волошин - открытая душа. Он не выносил негативных послевкусий. Попросив зал подождать, он бросился вслед за ушедшими: «Они нас не понимают, надо объясниться!» И надо же: кое-кого из буянов ему удалось очаровать, посадить в зал и пообещать интересную, животрепещущую и ратующую за всеобщее братство лекцию. Позже Волошин напишет о том периоде: «...мне действительно удалось пересмотреть всю Россию

во всех ее партиях, и с верхов и до низов. Монархисты, церковники, эсеры, большевики, добровольцы, разбойники... Со всеми мне удалось провести несколько интимных часов в их собственной обстановке...»

> «Жизнь ставит нас в рамки, и мудрость не в том, чтобы биться головой о стены, а в том, чтобы уметь быть счастливым внутри отведенного пространства», - говорил Волошин.

Когда Одесса перешла к большевикам, Волошин сразу же развел широкую деятельность. «Жизнь ставит нас в рамки, и мудрость не в том, чтобы биться головой о стены, а в том, чтобы уметь быть счастливым внутри отведенного пространства», - говорил Волошин и бежал к новым властям, чтобы зарегистрировать только что придуманную «Художественную неореалистическую школу». Чтобы спасти дом друзей, он ратовал за устройство в них профобщежитий. Случаи «реквизиции жилплощади» чекистами стали повсеместны, поэтому лучше было подселять своих. Художникам, чтобы спастись, Волошин советовал объединиться в цех с малярами. Писателям - с кем-нибудь еще, «понятным, производящим осязаемые ценности». При этом Максимилиан Александрович так увлекся всеобщим объединением, что даже сам уже забыл, что пару дней назад воспринимал придуманные профсоюзы как вынужденный компромисс и уловку перед властями. Теперь уже Волошин искренне ратовал за «возрождение средневековых цехов», коммунальный быт и коллективное хозяйство... Неизвестно, куда еще занесли бы Максимилиана Александровича волны оптимизма, но тут большевики проявили одну из отвратительных своих черт: неблагодарность. В ответ на принесенный Волошиным план художественного украшения города к 1 мая в газете «Известия» вышла статья пролетарских авторов с текстом: «К нам лезет Волошин, всякая сволочь спешит теперь примазаться к нам!» Расстроившись, как ребенок, Волошин попытался опубликовать ответ, но никто не пошел на это... «Искусство вне политики, я хотел участвовать в украшении только как поэт и художник!» - жаловался опальный Волошин. «В украшении собственной виселицы?» - иронизировал друживший с ним Бунин. Обидевшись, Волошин решил перебраться из Одессы в родной Коктебель. На суше действовал строжайший пропускной режим, поэтому отходить нужно было по морю. Подключив все связи и собрав бумаги от самых разных инстанций, Максимилиан Волошин на хрупком суденышке покинул шумную Одессу.



Максимилиан Александрович Волошин

Едва *ступив* на судно, Волошин тут же «стал нащупывать контакты» с матросами, а едва отплыв от берега, спас их от назревающих неприятностей: «Я выехал на рыбацкой шаланде с тремя матросами… Море сторожил французский флот, и все суда, идущие из Одессы, останавливались миноносцами. Мы были остановлены: к нам на борт сошел французский офицер и спросил

переводчика. Я выступил в качестве такового и рекомендовался «буржуем», бегущим из Одессы от большевиков. Очень быстро мы столковались. Общие знакомые в Париже и т. д. Нас пропустили.

«А здорово вы, товарищ Волошин, буржуя изображаете», - сказали мне после обрадованные матросы, которые вовсе не ждали, что все сойдет так быстро и легко. Их отношение ко мне сразу переменилось. Мы подружились».

Окончательно отточенное в Одессе умение становиться для всех «своим с потрохами» еще часто спасало Волошина и «помогало помогать людям», в каждом из которых он обязательно видел что-то хорошее и каждого из которых считал чуточку гением.

Кстати, о потрохах. Иногда это бывает очень вкусно. Ароматный, красивый и вкусный ***«Рассольник с потрохами»*** к вашим услугам!

Вам понадобится (на 2-3 порции):
30 г потрохов
250 г бульона
1/3 стакана риса
2 картофелины
100 г огуречного рассола
40 г петрушки
20 г пастернака

20 г сельдерея
20 г репчатого лука
20 г зеленого лука
30 г соленых огурцов
10 г топленого масла
10 г сметаны
соль - по вкусу

Приготовление:

Потроха домашней птицы заливаем бульоном и, периодически снимая образующуюся на поверхности пену, оставляем вариться на 1,5-2 часа. Печенку варим отдельно. И печенку, и остальные потроха выкладываем на дуршлаг, промываем холодной водой и отбираем кусочки, которые смогут пойти в рассольник.

Бульон процеживаем, смешиваем с огуречным рассолом и снова ставим на огонь. Картофель чистим и, порезав крупными кусочками, бросаем в кипящий бульон. Туда же отправляем рис. Не попавшие в бульон ингредиенты (включая потроха) нарезаем и немного обжариваем на сковородке на масле, после чего добавляем к бульону. Покипев еще минут 5, рассольник будет готов.

Одесские штучки

Одесса - город непростой. Каждому, кто всерьез увлекается ею, она является с новой стороны и обязательно впутывает в какую-нибудь мистическую историю. Вас еще не втянула? Езжайте еще раз, ждите... Необходимо время, чтобы Одесса вас заметила и пригласила поиграть в свои игры. Собственно, о чем это мы? Ах, да! Об Александре Николаевиче Вертинском .

Одесса - город непростой. Каждому, кто всерьез увлекается ею, она является с новой стороны и обязательно впутывает в какуюнибудь мистическую историю.

При упоминании об Одессе лицо Александра Николаевича всегда вдруг приобретало серьезное выражение, а из груди вырывался задумчивый полувздох-полушепот: «Одесса - город непростой»... В чем же дело? Как у знаменитого артиста, гастролировавшего по югу сразу после революции, у Вертинского были все шансы запомнить Одессу на удивление мирным и вполне типичным богемным городом, полным благодарной публики и роскошных ресторанов. Как у участника «белой эмиграции», Одесса должна была остаться в его памяти одним из пунктов прощания с родиной - тревожной, полной противоречивых новостей перевалочной станцией между Харьковом и Севастополем, после которого уже всё - пароход, Константинополь, чужбина... Но город не хотел быть одним из многих, он запомнился Александру Николаевичу совсем другими, очень личными историями.

Как у знаменитого артиста, гастролировавшего по югу сразу после революции, у Вертинского были все шансы запомнить Одессу на удивление мирным и вполне типичным богемным городом, полным благодарной публики и роскошных ресторанов.

Во-первых, именно из Одессы Вертинский получил в 1919 году роковую телеграмму, окончательно убедившую его в том, что стихи сбываются. Давным-давно, вернувшись с фронта, Вертинский занес письмо товарища его жене на московскую квартиру. Дверь отворила хозяйка, и гонец понял, что пропал. Позже, стараясь вспоминать легко и иронично, он записал: «Я

был, конечно, неравнодушен к Вере Холодной. Как и все тогда». Но чувства были куда глубже обычного «неравнодушия». Он приходил каждый день, сидел, смотрел, молчал, понимая невозможность отношений и невозможность своего дальнейшего существования без них. Когда оба стали знамениты и иногда выступали вместе, коронным номером дуэта было танго - безумное, полное несвершившихся желаний и недосказанных чувств. После номера зал дико аплодировал, а обоих артистов била дрожь. Она любила мужа. Он - спасался стихами и посвящениями. Ей подписал он «Маленький креольчик», «Лиловый негр» и «Ваши пальцы пахнут ладаном». Прочтя посвящение на последней песне, Холодная пришла в ужас:

«- Что вы сделали! Не надо! Не хочу, чтобы я лежала в гробу! Ни за что! Это смерть! - описывал позже Вертинский. - Помню, я немножко даже обиделся... и снял посвящение. Через несколько лет, когда Вера Холодная выступала в Одессе, а я пел в Ростове-на-Дону, я продавал свои стихи издательству. В номер гостиницы мне подали телеграмму из Одессы: «Умерла Вера Холодная»... Рукописи моих романсов лежали передо мной на столе. Издатель сидел напротив. Я вынул «Ваши пальцы пахнут ладаном» из пачки, перечел текст и надписал: "Королеве экрана - Вере Холодной"».

Александр Николаевич Вертинский

Одесса забрала Ее и навсегда заставила Его поверить в роковую силу слов. С тех пор Александр Николаевич был очень осторожен с посвящениями.

Второй одесский эпизод Вертинского тоже связан с роковой страстью. На этот раз речь идет о кокаине. Во времена киевской

юности Вертинский, как и вся тогдашняя богема, был подвержен этой страшной привычке. В очередной раз почувствовав, что губит себя, он вышвырнул баночку с кокаином в окно и, перегнувшись через подоконник, пришел в ужас: внизу валялись сотни таких баночек. Полуодетый артист выскочил из дома и кинулся к трамваю. В нем ехал... бронзовый памятник Пушкину. Едва добравшись до врача, Александр Николаевич закричал: «У меня галлюцинации, спасите!» Доктор вынул из кармана пациента очередную кокаиновую баночку, показал руками крест и сказал: «Больше не приходите!» С тех пор Вертинский, как говорят, «завязал». И вот однажды ночью в Одессе в его номер постучали. На пороге стоял бравый офицер: «Авто ждет внизу, вас вызывают в гости к генералу Слащову». Слащов был последней надеждой белого движения, он чудом еще удерживал Перекоп, спасая Крым от красных. По слухам, этот страшный генерал отличался тем, что расстреливал на месте неугодных. «Благодарю за визит, - приветствовал артиста Слащов, протягивая руку. - Кокаину нюхнете?..» Вертинский нашел в себе силы отказаться. Хозяин усмехнулся, и в глазах его замелькали бесовские огоньки. «А он ведь не в себе», -почувствовал гость, краем глаза заметив на столе пепельницу, полную кокаина. В то время мало кто на утро помнил, по люстре или по человеку стрелял в ночном угаре... Один неверный ответ, и Вертинского ждала гибель. К счастью для певца, генерал произнес: «Лида, налей артисту выпить!» Офицер, который привел Вертинского, снял головной убор и оказался девушкой - знаменитым юнкером Ничволодовым, или просто Лидой, боевой подругой Слащова. «Спойте!» - скомандовали из клубов дыма гости генерала. Вертинский запел заказанную песню, посвященную павшим в защите Зимнего юнкерам: «Я не знаю, зачем, и кому это нужно, кто послал этих мальчиков...» Другие песни здесь слушать не хотели. После троекратного исполнения «То, что я должен сказать» Вертинскому еще раз предложили кокаин, но, получив отказ, отвезли домой.

Позже певец вспоминал, что никогда еще не был так близок к срыву и к восстановлению пагубной привычки: «Не Слащова я боялся в ту ночь, а себя. Оказавшись свободным в знакомом одесском кафе, я понял, что только что победил в себе зверя». «Непростая Одесса» послала артисту испытание, и, выдержав его, он окончательно исцелился.

Подобные загадочные штучки Одесса проделывала не только с Александром Николаевичем. Иногда, кстати, они оставляли куда более приятное послевкусие. Встречайте - лучшее в мире пирожное ***«Одесские штучки»*** .

Вам понадобится (на 10-12 порций):
1 кг клубники
400 г бисквитного печенья
500 г сливок 35 % жирности
3 стакана сахара
8 яиц
2 чайных ложки кофе
2 столовых ложки коньяка
250 г темного шоколада

Приготовление:

Сначала готовим 2 вида крема: взбиваем белки с половиной имеющегося сахара до состояния густой массы. Растерев желтки с почти всем оставшимся сахаром (отделив лишь 1 столовую ложку), взбиваем их со сливками до состояния крепкой пены. Затем моем клубнику, очищаем ее и режем на небольшие кусочки. Варим крепкий кофе, добавляем к нему коньяк и, обмакивая печенюшки в получившуюся жидкость, выкладываем на дно глубокой салатницы с плоским дном треть имеющегося в нашем распоряжении печенья. Сверху кладем слой клубники. Еще раз - слой крема из сливок, еще раз - слой печенья, клубнику и

слой белкового крема. Оставшееся печенье выкладываем последним слоем. На него кладем крем из сливок, потом клубнику, затем - белковый крем. Украшаем десерт кусочками клубники, присыпаем сахаром и, если есть возможность, на миг проходимся по поверхности кондитерской горелкой (ну это так - для пущей красоты). Блюдо разрезаем на порционные кусочки, даем хотя бы полчаса настояться в холодильнике и подаем в виде пирожных к кофе.

Заграница нам поможет

Самым беспощадным но, возможно, и самым объективным летописцем Одессы 1918-1919 годов был Иван Алексеевич Бунин . С тех самых пор, как французы оставили город и он стал большевистским, будущий нобелевский лауреат скрупулезно записывал эпизоды окружающих реалий. Сторонник реалистичной литературы, не имея намерения ни поддерживать кого-то «укрепляющим дух юмором», ни сам спасаться им, И. А. Бунин тайно писал ночами биографические заметки. От страшных подробностей этого произведения (позже его издали под названием «Окаянные дни») темнеет в глазах, даже если совсем не верить мнению автора, а полагаться только на цитаты из газет.

Сторонник реалистичной литературы, не имея намерения ни поддерживать кого-то «укрепляющим дух юмором», ни сам спасаться им, И. А. Бунин тайно писал ночами биографические заметки.

Считается, что Бунин «открыл Одессу с горькой стороны». Между тем, он пишет: «Двенадцать лет тому назад мы с Верой приехали в этот день в Одессу по пути в Палестину. Какие сказочные перемены с тех пор! Мертвый, пустой порт, мертвый, загаженный город...», или: «Давно ли порт ломился от богатства и многолюдности? Теперь он пуст, хоть шаром покати...», или: «Вообще, что же это такое случилось? Пришло человек шестьсот каких-то «григорьевцев», кривоногих мальчишек во главе с кучкой каторжников и жуликов, кои и взяли в полон миллионный, богатейший город»... Так, значит, был тот город? Значит, Иван Алексеевич помнил, любил и оплакивал прежнюю Одессу?

Да, Бунину действительно было с чем сравнивать. С 1896 по 1918 год Иван Алексеевич регулярно и подолгу (насколько это было возможно с его пристрастием к «кочевой жизни») жил в Одессе. Здесь написал он множество стихов. Здесь гулял по любимому архиерейскому саду (который позже, при большевиках, останется для Бунина «единственным тихим, чистым местом в Одессе»). Здесь он женился, в конце концов! И хотя позже называл тот брак ошибкой, утверждая, что этот «эпизод можно расценивать как незначительный, просто было море, Ланжерон, красивая девушка», тем не менее, современники утверждали, что писатель пережил тогда в Одессе настоящее глубокое чувство. В

канун разрыва с женой (только что окончившей гимназию очаровательной Анной, на го ре Ивана Алексеевича, интересовавшейся всем на свете, только не его творчеством) он напишет брату: «Чувствую ясно, что она не любит меня ни капельки, не понимает моей натуры. Так что история обыкновенная донельзя и грустна чрезвычайно для моей судьбы. Как я ее люблю, тебе не представить». И позже, разорвав уже с Одессой «родственные связи», он все равно приезжает сюда искать вдохновения. Бежит окунуться в этот «другой ветер, другой воздух, счастье этого ветра, простора, воздуха». Спешит писать о чайках, что «как картонные, как скорлупа, как поплавки возле клонящейся лодки». Он не скрывает, что «буквально влюблен в порт, в каждую округлую корму»... Видимо, именно поэтому, наблюдая крах империи, будучи настоящим русским дворянином и, как никто, ощущая катастрофичность происходящего, от грубости и дикости, от безумия и безграмотности он бежит в 1918-м из Москвы не куда-нибудь, а прямиком в Одессу.

Иван Алексеевич Бунин

Но… из огня, да в полымя. Краткая передышка, а потом «город стал «красным»… и снова только низость, только грязь, только зверство»… Ивану Алексеевичу довелось жить здесь, когда в деревнях матери пугали детей: «Цыть! А то виддам в Одесу в коммунию!» В отличие от многих современников, он не желал считать происходящее «издержками времени» или «не

касающимися искусства политическими играми». Рискуя всем (ведь говорилось про него уже в прессе, что «давно пора обратить внимание на этого академика с лицом гоголевского сочельника, вспомнить, как он воспевал приход в Одессу французов!»), он переписывал из свежих газет: «Вчера по постановлению военно-революционного трибунала расстреляно 18 контрреволюционеров», или: «Вся буржуазия берется на учет», или: «От победы к победе - новые успехи доблестной Красной армии. Расстрел 26 черносотенцев в Одессе». Лозунги на улицах тоже шокировали, но уже не так остро, и все-таки с другой стороны: «Не зарись, Деникин, на чужую землю!» Про это Бунин пишет: «По приказу самого Архангела Михаила никогда не приму большевистского правописания. Уж хотя бы по одному тому, что никогда человеческая рука не писала ничего подобного тому, что пишется теперь по этому правописанию». Но, оказывается, честный писатель должен не возмущаться, а идти трудиться в Культпросвет, чтобы помогать «знаменитым пролетарским журналистам познать премудрости грамоты». Разумеется, Бунин отказывается: «Подумать только: надо еще доказывать, что нельзя сидеть рядом с чрезвычайкой, где чуть не каждый час кому-нибудь проламывают голову, и просвещать насчет «последних достижений в инструментовке стиха» какую-нибудь хряпу с мокрыми от пота руками! Да порази ее проказа до семьдесят седьмого колена, если она даже и «антерисуется» стихами»! А положение его, вместе с тем, все хуже и хуже. «Явились измерять длину, ширину и высоту нашей комнаты «на предмет уплотнения пролетариатом». Все комнаты всего города измеряют, проклятые обезьяны, остервенело катающие чурбан!»

Когда Одессу взял Деникин, Бунин лично ходил благодарить его.

Одесские записки обрываются чуть раньше. «Листки, следующие за этими, я так хорошо закопал в одном месте в землю, что перед бегством из Одессы, в конце января 1920 года, никак не мог найти их». Узнав, что большевики снова входят в город, Бунины приняли окончательное решение об отъезде и эмигрировали во Францию.

> Одесские рецепты разошлись по всему свету, и, вместе с тем, одесская кухня впитала в себя рецепты всего мира.

Кулинария - единственная сфера, не подверженная никаким массовым законам. Эмиграция в ней тоже - двунаправлена.

Одесские рецепты разошлись по всему свету, и, вместе с тем, одесская кухня впитала в себя рецепты всего мира. К рассказу об

Иване Бунине символично будет присоединить французское блюдо, пришедшее в Одессу и, будучи снабжено тут воспетой Буниным горечью, обретшее свой неповторимый и притягательный вкус. Итак, ***«Горькие биточки по-одесски»*** .

Вам понадобится (на 5-6 порций):
1 кг свинины (подходящие для биточков части)
1 столовая ложка горчицы
2 яйца
1 стакан муки
масло растительное для жарки
соль и перец черный - по вкусу

Приготовление:

Тщательно промыв свинину, нарежем ее кусочками толщиной 1-1,5 см поперек волокон. Хорошенько отобьем каждый кусочек и натрем смесью из соли, перца и горчицы. При этом нижнюю сторону кусочка натираем, а на верхнюю - кладем следующий натертый снизу кусочек. Сложив мясо горкой, ставим его под пресс на 30 минут. Теперь берем каждый кусочек, обваливаем в муке, окунаем в миску со взбитыми яйцами, а затем обжариваем с двух сторон до появления золотистой корочки.

Подавать холодной

Ее боготворили в Европе, в Америке и даже в Японии. Звали работать в Голливуд, приглашали переехать в Берлин… А она мечтала не покидать родину и выбрала Одессу, и осталась тут навсегда. На пике славы 25-летняя Вера Холодная скончалась в холодную зиму 1919 года от внезапно вспыхнувшей и не совсем понятной болезни. Смерть ее тут же обросла легендами, версиями и противоречивыми свидетельствами.

> Возвышенные чувства, многозначительные взгляды и гениальная игра Веры Холодной помогали людям забыться.

Самая популярная русская актриса немого кино и, по сути, первая русская кинозвезда приехала в Одессу заканчивать съемки фильма. Революция и общий хаос пока еще не коснулись кинопроизводства. Национализировать кинофабрики еще не додумались, и производители не видели повода останавливать работу. Измученным ужасом окружающих реалий людям необходима была разрядка, и смотреть экранизацию классики из дореволюционной жизни народ не прекращал ни на день. Возвышенные чувства, многозначительные взгляды и гениальная игра Веры Холодной помогали людям забыться. Требовались новые картины. Оставив в Москве любимого мужа и одну из дочерей, Вера вместе со второй дочерью и сестрой, легко получив все необходимые документы, приезжает к морю. Одесса встречает звезду пышным, каким-то даже слишком самоотверженным обожанием. Привыкшая ко всему Вера (например, в Екатеринославе поклонники подняли автомобиль с актрисой и отнесли его к гостинице на руках), никак не могла относиться спокойно к стоящей за окном на морозе и ветру толпе. Она принимала совершенно незнакомых людей, поила чаем, просила передать остальным: «Пусть уходят, я знаю про их любовь»… Вопреки распоряжениям директора группы, она смело выходила в толпу, раздавая автографы и повторяя: «Не мерзните больше, идите домой». Но люди стояли… Известно, что за право обслуживать Холодную в гостинице велась целая война. Есть сведения, что горничную, провозгласившую, что «подавать Холодной» будет лишь она сама, потому что сейчас ее смена, неизвестные избили в коридоре. Разумеется, актрису все это ужасно нервировало. К тому же, график был весьма напряженный.

Кроме работы на съемках, Холодная, конечно, участвовала в светских мероприятиях. Сам начальник штаба союзных войск Юга, «французский одессит» Анри Фрейденберг был без ума от актрисы, оказавшейся не только красивой, но и умной, хорошо образованной женщиной, без тени «звездной болезни». При этом Вера участвовала в театральных авторских вечерах, выступая вместе с гастролировавшими в это время в Одессе звездами. Жизнь била ключом, и иногда, как говорится, «по голове». При всем внешнем шике, в гостиничном номере актрисы стоял такой холод, что она вынуждена была переселить дочь и сестру в частную квартиру. Сама же старалась быть поближе к работе. Обещала, что не расклеится, даже когда выходила в открытых платьях на сцену перед сидящей в шубах и шапках публикой. Но однажды прямо во время выступления актрису начал бить озноб. У нее поднялась высокая температура, и врачи констатировали сначала «испанку» - редкую форму гриппа, всего полгода назад унесшую множество жизней, - а потом... смерть.

Вера Васильевна Холодная

Внезапность кончины юной «королевы кино» совпала с неожиданной эвакуацией французского экспедиционного корпуса и необъяснимо легкого прихода в Одессу большевиков. Это породило слухи об отравлении. Говорили, что большое влияние гениальной актрисы на Фрейденберга и откровенно большевистские взгляды были причиной отхода французов, за который, подсыпав яд, Вере Холодной отомстила деникинская

разведка. Ходили слухи также, что, отказавшись быть агентом большевиков, актриса, тем не менее, узнала много нежелательных подробностей, и чекисты сами отравили ее. Многие припомнили и то, с какой легкостью допускала звезда к себе посторонних: и случай с горничной, и то, что эпидемия «испанки» уже почти полгода, как ушла из Одессы...

Споры ведутся по сей день, вскрываются новые документы, находятся новые свидетели. Ясно одно: кто бы ни подал смертельную чашу - будь то судьба, пославшая болезнь, или злоумышленник любой политической ориентации, - он однозначно лишил мир одной из самых прекрасных и удивительных киноактрис, которая много лет могла еще радовать зрителей. За четыре года работы в кино Вера снялась в 50 фильмах, и ни один из них не провалился в прокате. За 25 лет жизни, несмотря на статус «звезды», не заслужила ни одного негативного отзыва от людей, которые знали ее лично.

Конечно, открытки не передают в полной мере силы ее обаяния. И даже кадры, запечатлевшие знаменитые «бездонные серые глаза с поволокой», никогда при этом не донесут до нас бесконечной естественности и удивительного шарма, излучаемого актрисой. Тем не менее, слава ее не меркнет от времени, и даже современный зритель, никогда не интересовавшийся историей немого кино, испытывает трепет от магического словосочетания «Вера Холодная».

> В обожающей мистику Одессе несколько лет уже существует поверье, будто душа Веры Холодной покровительствует начинающим актерам и приносит удачу каждому, кто в день смерти актрисы (16 февраля) возложит цветы к ее памятнику, поставленному на небезызвестной площади Веры Холодной.

В обожающей мистику Одессе несколько лет уже существует поверье, будто душа Веры Холодной покровительствует начинающим актерам и приносит удачу каждому, кто в день смерти актрисы (16 февраля) возложит цветы к ее памятнику, поставленному на небезызвестной площади Веры Холодной. Не ясно, в этом ли секрет успеха одесситов на современных телеэкранах, известно лишь, что ни разу еще в означенный день памятник не остался без цветов.

Но перейдем же от пищи духовной к популярным одесским пристрастиям. Встречайте - ***«Баклажанная закуска с сыром»***. Подавать холодной!

Вам понадобится:
5 баклажанов
2 помидора
400 г тертого сыра
100 г майонеза
100 мл растительного масла
1 столовая ложка соли
черный перец - по вкусу
4 зубчика чеснока
зелень - несколько веточек

Приготовление:

Для начала порежем баклажаны тонкими кружочками и замочим в хорошо посоленной воде. Оставим просаливаться на полчаса, а сами займемся соусом: измельченный чеснок смешаем с майонезом. Помидоры тоже порежем кружочками и присыплем каждый кусочек перцем и солью. Измельчим зелень. Отбросив баклажаны на дуршлаг, через время обсушим их бумажным полотенцем, а затем обжарим на раскаленном масле с обеих сторон (по 2 минуты с каждой стороны). В последний момент присыплем каждый кусочек большим количеством сыра и подождем, пока он не превратится в тягучую массу. Пока сыр еще

мягкий, выложим баклажаны на блюдо и накроем каждый кусочек помидором «присыпкой вниз». Подождав, пока сыр хорошенько застынет, украсим каждый кусочек чесночно-майонезным соусом и зеленью. Закуска готова!

Кофейня по-одесски

«Дружной, отважной, мощной волной, полные надежд и патриотизма, все мы храбро драпали от большевиков, - писала в книге воспоминаний умница-остроумница Надежда Тэффи. - Мы - с концертами, в Одессу». В 1919 году, на момент встречи обе они - и Надежда Александровна, и Одесса -пребывали в весьма не свойственном для себя состоянии. Находившаяся на пике славы журналистка-эссеистка-переводчица, о которой сам Николай II говорил, что признает из современных писателей «Тэффи, ее одну», в честь которой выпускали одноименные духи и конфеты, а за право публиковать произведения дрались самые обеспеченные издатели, оказалась вдруг растерянной беженкой, вынужденной бояться в пути даже собственной охраны, успокаиваясь мыслями о том, что в конечном счете все равно, кто ограбит - охрана или какие-нибудь нападающие. Привыкшая к некоторой медлительности, холеной лености и южной спонтанности, Одесса тоже изменилась: вынуждена была в одночасье принять пол-России, помогать гостям вести привычную им светскую жизнь и, в то же время, строить четкие планы по поводу всевозможного дальнейшего развития событий. Обе - и Одесса, и писательница - спасались чувством юмора, помогая попутно всем окружающим не впасть в панику и уныние. Избранные отрывки из книги Тэффи «Ностальгия» смело можно прописывать в качестве антидепрессантов людям, попавшим в самые тяжелые обстоятельства.

Избранные отрывки из книги Тэффи «Ностальгия» смело можно прописывать в качестве антидепрессантов людям, попавшим в самые тяжелые обстоятельства.

«В Одессу приехали ночью. Приятный сюрприз: нас заперли в вокзале и раньше утра выпустить не соглашались. Что поделаешь! Сложили вещи на полу, сели сверху и, право, чувствовали себя очень уютно. Никто в нас не стрелял, никто не обыскивал - чего еще человеку нужно?», или: «Правил Одессой в то время молодой сероглазый губернатор Гришин-Алмазов, о котором никто в точности ничего не знал. Как случилось, что он оказался губернатором, кажется, он и сам не понимал. Так, маленький Наполеон, у которого "судьба оказалась значительнее его личности"». Или: «Возвращаясь домой вечерами, мы собирались в группы. Бандиты останавливали извозчиков, выпрягали лошадей

и уводили их к себе в катакомбы. Но - удивишь ли нас этими страхами? Театры, клубы, рестораны всю ночь были полны. Назывались легендарные цифры проигрышей...»

Одесский быт очень веселил беженцев. «Не город, а анекдот!» - сказала Тэффи, когда в ответ на жалобу о взятках, требуемых местными полицейскими, покровительствующий Надежде Александровне губернатор с улыбкой ответил: «Ну что ж? Эти деньги идут исключительно на благотворительность!»

Меткий глаз Тэффи обожал одесских хроникеров. Она записывала перлы журналистов в специальный блокнот, с помощью которого еще долгое время поддерживала хорошее настроение среди друзей и читателей:

«Балерина танцевала великолепно, чего нельзя сказать о декорациях».

Надежда Александровна Тэффи

«Артист чудесно исполнил «Элегию» Эрнста, и скрипка его рыдала, хотя он был в простом пиджаке».

«На пристань приехал пароход». «В понедельник вечером дочь коммерсанта Рая Липшиц сломала свою ногу под велосипедом»...

На глазах у Тэффи город все наполнялся. Новые беженцы прибывали сотнями. Все твердили, что власть большевиков вот-

вот рухнет, что можно и не распаковывать чемоданы, но сами все же распаковывали, что было красноречивее любых слов.

Пропуски на въезд в Одессу легче всего выдавали артистам. Люди изощрялись, как могли: «Поистине талантлив русский

народ! Толпами двинулись на юг оперные и драматические труппы... Приехала опереточная труппа, состоящая исключительно из «благородных отцов». Приехала балетная труппа, набранная сплошь из институтских начальниц и старых нянюшек... Труппа из четырех актеров и одиннадцати суфлеров с трудом, но все же доказала пролетариям, что суфлер - главный человек в искусстве...»

А атмосфера все накалялась. Слухи о подходящей к городу войне полнили улицы. «Ауспиции тревожны!» - стало самой распространенной фразой города. С каждым днем становилось яснее, что нужно будет двигаться дальше. Но куда? Приехав в Одессу как артистка, привезенная импресарио и разрекламированная, к моменту отхода французских войск из порта Тэффи уже выполнила все обязательства по контракту и теперь совершенно не знала, как устраиваться дальше. Все знакомые бежали в Константинополь. Делали они это, правда, весьма импозантно:

«- Безобразие! Жду три часа. Все парикмахерские битком набиты... Вы уже завились?- налетает на меня одна дама буквально в момент общего бегства.

- Нет, - отвечаю растерянно.

- О чем же вы думаете? Ведь большевики наступают, надо бежать! Что же вы, так нечесаная и побежите? Зинаида Петровна вот молодец: «Я, говорит, еще вчера поняла, что положение тревожно, и сейчас же сделала маникюр и ондюлясион». Сегодня все парикмахерские битком набиты. Ну, я бегу...»

Последними в Одессе опустели кофейни.

> Одесская кофейня, полная вкусами, характерами и судьбами, навсегда останется в памяти Тэффи символом поразительной беспечности и, вместе с тем, мистического разрешения большинства проблем Одессы тех времен.

- Отчего вы не сидите в кафе? Там же буквально все битые сливки общества! - упрекали Тэффи знакомые.

И правда - чтобы узнать последние новости, получить достоверную информацию (а чаще - множество противоречащих друг другу последних информации), чтобы заручиться чьим-то обещанием раздобыть пропуск на пароход, который «в случае чего отвезет всех в Константинополь», чтобы выяснить, почем

прибывшие вчера в порт темнокожие матросы продают привезенные на торги безумной красоты ковры... -для всего этого достаточно было просто выпить пару ароматных чашечек кофе.

Одесская кофейня, полная вкусами, характерами и судьбами, навсегда останется в памяти Тэффи символом поразительной беспечности и, вместе с тем, мистического разрешения большинства проблем Одессы тех времен.

Остается лишь узнать, что за ***кофе*** пили в то время одесситы.

Вам понадобится (на 1 бокал):
1 чайная ложка натурального молотого кофе
сахар - по вкусу
3/4 бокала воды
корица - по вкусу
1 столовая ложка мороженого
1 столовая ложка взбитых сливок
грецкие орехи чищенные - по вкусу
шоколад тертый - по вкусу

Приготовление:
Измельчаем орехи так, чтобы они все еще оставались

кусочками, но уже приобрели сыпучесть. В турке заливаем кофе, добавляем сахар и корицу. Ставим на слабый огонь и ждем, пока кофе не начнет подниматься. Снимаем турку, ждем, пока кофе опустится, и снова ставим все на огонь. Повторяем процедуру несколько раз. Когда кофе немного остынет, переливаем его в бокал, сверху кладем слой мороженого, затем - слой сливок. Присыпаем смесью тертого шоколада с измельченными орехами и подаем к столу.

Ы, наконец, подарок!

Одесситу шпионом быть нельзя - сразу вычислят. Нет, он легко сможет без акцента заговорить на любом языке мира, подобрать нужный костюм и перенять жесты аборигенов любой страны. Он станет, если очень сильно понадобится, с улыбкой есть лягушек, пить обезжиренное молоко и безалкогольное пиво, даже восхищаться формами японских женщин... Если настоящего одессита специально обучить, он постарается не торговаться на базаре, а после применения соответствующих угроз научится не спорить по пустякам.

Если настоящего одессита специально обучить, он постарается не торговаться на базаре, а после применения соответствующих угроз научится не спорить по пустякам. Но вот промолчать, когда при нем ктото скажет плохо об Одессе, одессит не сможет никогда.

Но вот промолчать, когда при нем кто-нибудь скажет плохо об Одессе, одессит не сможет никогда. Локальный, но очень мощный патриотизм прошит в одесских жителях на генетическом уровне. Что? Вы, кажется, где-то это уже слышали? Правильно! И было это в сборнике «Одесса» у Аркадия Тимофеевича Аверченко :

«Однажды я спросил петербуржца:

- Как вам нравится Петербург?

Он сморщил лицо в тысячу складок и обидчиво отвечал:

- Кому же и когда может нравиться гнилое, беспросветное болото, битком набитое болезнями и полутора миллионами чахлых идиотов? Накрахмаленная серая дрянь! Потом я спрашивал у харьковца:

- Хороший ваш город?

- Какой город?

- Да Харьков!

- Да разве же это город?»...

Но когда Аркадий Тимофеевич решил расспросить о городе одессита, вышло совсем по-другому. «- Скажите, - обратился я к нему, - вы не одессит?

- А что? Может быть, я по ошибке надел, вместо своей, вашу шляпу? Или нечаянно сунул себе в карман ваш портсигар?

- При чем здесь портсигар? Я просто так спрашиваю.

- Просто так? Ну, да. Я одессит.

- Хороший город - Одесса?

- А вы никогда в ней не были?

- Еду первый раз.

- Гм... На вид вам лет тридцать. Что же вы делали эти тридцать лет, что не видели Одессы? Ей-богу, вы даром потеряли тридцать лет вашей жизни!»

Аркадий Аверченко - человек удивительный. Не имея ни класса образования, он всему научился сам и в 15 лет уже работал младшим писцом в небольшой севастопольской конторе. Это уже само по себе можно было б назвать чудом, если бы не затмевающие всё последующие события: буквально за пять лет никому не известный бедный клерк из глубинки стал всероссийским писателем-кумиром и редактором наипопулярнейшего журнала «Сатирикон». Он умудрялся одновременно бывать в тысяче мест, проводить журналистские расследования, составлять психологический портрет аудиторий, слушать и слышать разговоры самых разных слоев общества.

Аркадий Тимофеевич Аверченко

Под множеством псевдонимов он вел грандиозное количество рубрик разных изданий и неизменно оставался любимцем читателей. Позже, уже в эмиграции, он и сам выражал удивление своему юношескому темпу жизни. «Понимать с первого взгляда все, про всех и везде невозможно, но у меня отчего-то получалось». Счесть это творческим преувеличением мешает хотя

бы тот факт, что, побывав в Одессе лишь однажды и недолго, Аркадий Аверченко написал настолько меткие и очаровательные зарисовки, что одесситы по сей день включают его во все сборники вроде «Персоналии Одессы». По сути, Аверченко был первым, кто ввел Одессу в большую литературу и превратил город в блестящий, забавный и обожаемый всеми персонаж.

Именно он заметил, что улицы Одессы никогда не пустуют, а часов, когда все, спрятавшись по конторам, напряженно сидят над работой, в Одессе просто нет. «В одиннадцать все рассаживаются на террасах многочисленных кафе и погружаются в чтение газет. Свои дела совершенно никого не интересуют. Все поглощены Англией или Турцией, или просто бюджетом России за текущий год. Особенно заинтересованы бюджетом России те одесситы, собственный бюджет которых не позволяет потребовать второй стакан кофе». Именно зарисовки Аркадия Тимофеевича, который встретил на улице знакомого одессита и через два часа уже близко дружил с половиной Одессы, рассказали окружающим, что «нет более общительного, разбитного человека, чем одессит. Когда люди незнакомы между собой - это ему действует на нервы». И, наконец, именно Аверченко первым разгадал, отчего чувства одессита часто бывают похожи на стихийное бедствие: «Любовь одессита так же сложна, многообразна, полна страданиями, восторгами и разочарованиями, как и любовь северянина, но разница та, что пока северянин мямлит и топчется около одного своего чувства, одессит успеет перестрадать, перечувствовать около 15 романов».

> Многие поговорки словно нарочно писались про одесситов. На день рождения порядочный одессит, как известно, приходит со своим тортиком и уходит со своим тортиком.

Но вернемся к одесскому патриотизму. По произведениям Аверченко, описывающим эту удивительную болезнь, можно сделать еще один вывод: недуг сей на редкость заразен! Бедный Аркадий Тимофеевич провел в Одессе лишь несколько дней и - на тебе - пишет о городе с громадной любовью и непреложной верой в то, что Одесса - наичудеснейший город мира. В знак вечной своей преданности он собирался даже одарить горожан. Помните? «Одесситы приняли меня так хорошо, что я, со своей стороны, был бы не прочь сделать им в благодарность небольшой подарок». Так и не привыкнув, что, желая мыть руки, одессит требует «мило», а не «мыло», или, что, глядя на давно не используемое, мадам грустно констатирует «пиль», имея в виду «пыль», Аверченко торжественно постановил «преподнести одесситам в

вечное и постоянное пользование букву «ы».

Кстати, о подарках. Многие поговорки, словно нарочно, писались про одесситов. На день рождения порядочный одессит, как известно, приходит со своим тортиком и уходит со своим тортиком. Предлагаем вашему вниманию рецепт ***«Тот самый тортик!».***

Вам понадобится:

300 г сметаны

250 г сливочного масла

соль, сода, ванилин - по вкусу

Мука - для нужной густоты теста и 3 столовых ложки на крем

4 яйца

2 стакана сахара

700 г молока

грецкие орехи, очищенные и измельченные, - по вкусу.

Приготовление:

Размягчаем 150 масла, добавляем полстакана сахара, соль, соду и ванилин. Всыпая понемногу муку, замешиваем крутое тесто. Делим на 11 частей и, раскатывая каждую в тонкий лист,

печем получившиеся коржи в разогретой духовке на смазанном маслом противне. На приготовление каждого коржа понадобится буквально 2-3 минуты. Как только тесто приобрело слега золотистый цвет - можно вынимать. Отдельно готовим крем: отделяем желтки от белков. Белки откладываем в холодильник для какого-нибудь другого блюда. Разведя в половине стакана холодного молока оставшуюся муку, соединяем получившуюся смесь с желтками, предварительно перетертыми с оставшимся сахаром. Остальное молоко доводим до кипения, уменьшаем огонь и, помешивая, вливаем в него тонкой струйкой желтки с молоком и сахаром. Снимаем крем с огня, добавляем в него оставшееся сливочное масло, перемешиваем и оставляем смесь остывать. Теперь выкладываем на блюдо 10 коржей, смазывая каждый сверху кремом. 11-й корж измельчаем и украшаем наш торт получившейся крошкой, смешанной с измельченными грецкими орехами.

Луки стрелы

К известным прутковским: «Хочешь быть счастливым - будь им, хочешь быть красивым - иди в гусары» стоит добавить: «Хочешь узнать себя с новой стороны - езжай в Одессу». Южная Пальмира - край чудесных перерождений. Нелюдимые молчальники становятся тут душой компании, нервнобольные обретают ясность ума, здравомыслящие впадают в романтические безумства, а самые отъявленные бандиты раскаиваются и превращаются в героев. Можно сколько угодно говорить о том, что Григорий Иванович Котовский изменил бандитским принципам вынужденно, и что, став красным командиром, он лишь еще больше развязал себе руки для грабежей, или что легенды о бравых подвигах котовцев раздуты нарочно для создания образа героя революции... Но никак нельзя отвергать факты, и впрямь свидетельствующие о кардинальной смене характера Котовского после пребывания его в одесской тюрьме.

Южная Пальмира - край чудесных перерождений. Нелюдимые молчальники становятся тут душой компании, нервнобольные обретают ясность ума, здравомыслящие впадают в романтические безумства, а самые отъявленные бандиты раскаиваются и превращаются в героев.

Рано потерявший родителей, заикающийся нервный мальчик, который благодаря финансовой поддержке крестного получил неплохое образование и перспективы, никак не мог приспособиться к нормальной жизни. Он пытался работать управляющим в разных поместьях, но надолго нигде не задерживался: его выгоняли - то за воровство, то за связь с женой хозяина, то за попытки подделать рекомендательные письма... А вот на бандитском поприще все складывалось иначе: Григорий Котовский был хитер, прекрасно подготовлен физически и удачлив. Вскоре он стал одним из самых известных бандитов юга. На каторге - а там Котовскому приходилось бывать не единожды - он пользовался правами «авторитета», на свободе - держал в страхе и мирных жителей, и конкурирующие банды налетчиков. И хотя позже много говорилось о «благородное™» Котовского-уголовника, - никаких реальных подтверждений историй о том, как бандиты раздавали награбленное бедным, обнаружено не было. И вот роковой 1916 год. 35-летний Котовский приговорен к

повешенью и проводит свои последние дни в одесской тюрьме. В качестве последней соломинки он пишет трогательное письмо жене генерала Брусилова. В нем заключенный говорит, что раскаялся, все переосмыслил и хочет сделать еще в жизни что-нибудь честное и важное... Брусилова уговаривает мужа, как минимум, отложить смертную казнь. И тут царь отрекается от престола. В тюрьме случается бунт, но, вместо того, чтобы бежать, Григорий Котовский проявляет себя с новой стороны. Он удерживает заключенных на местах, организует в тюрьме органы самоуправления и выражает всяческую поддержку Временному правительству. Активную политическую деятельность бывший несознательный элемент ведет - о, одесские реалии того времени! -прямо из тюрьмы с помощью писем, газетных публикаций и ораторских выступлений, для которых «мог на денек отпроситься на свободу».

Григорий Иванович Котовский

На свободе, кроме дел политических, Котовский занимается и своими обычными обязанностями: только грабит теперь он и впрямь «для нужд революции». Достоверно известно, что из личных сбережений Котовского была обеспечена сносная жизнь оставшимся в одесской тюрьме заключенным (как политическим,

так и уголовникам). И действительно, под прицелом Котовского один фабрикант, задолжавший рабочим зарплату, был вынужден вернуть долг (деньги действительно попали в руки рабочим, причем Котовский рисковал ради этого жизнью, проникнув в кабинет фабриканта, несмотря на многочисленную охрану). А еще Котовский, ворвавшись с бандой в дом врача, приказал людям остановиться и принес извинения, признав, что его дезинформировали, и вместо «тунеядствующего буржуя» навели на дом честного трудящегося доктора. Правда, при этом Григорий пообещал, что обманувший его наводчик умрет в страшных муках, но этот факт почему-то не помешал молве окрестить Котовского «еще одним добрым одесским Робин Гудом». Когда (по личному распоряжению Керенского) Котовский был официально освобожден, он сразу же явился в театр, где интеллигенция Одессы приветствовала его бурными овациями, легко простив рецидивистское прошлое во имя романтичного и казавшегося тогда таким благородным будущего.

> Одесситы - люди позитивные. Лук для них не оружие, а овощ. Кроме того, в других городах луковым бывает горе, в Одессе - только пирог.

В отличие от первого одесского Робин Гуда (легендарного Мишки-Япончика), получив, с приходом советской власти, под свое командование отряд, Котовский сумел создать людям такой настрой и такие условия, что дезертиров у него не было. Методы ведения войны у Григория были специфические - например, став командиром конного отряда в Приднестровье и обнаружив, что его боевая единица из-за отсутствия коней существует только на бумаге, Котовский с отрядом переплыл пограничный Днестр, напал на румынский конный завод и украл 90 лучших лошадей. Но, тем не менее, он воевал действительно бесстрашно, результативно и при этом отличался человеческим отношением к пленным. Кстати, Котовский был одним из немногих командиров того времени, кто ввел для своих бойцов обязательное обучение грамоте и предоставлял им отпуск. В конце гражданской войны Григорий Иванович уже входил в пятерку главных людей Красной армии, в 1925 году был назначен заместителем Фрунзе, но вступить в должность не успел - был застрелен своим другом при загадочных обстоятельствах, больше напоминавших разборки в высших эшелонах власти, чем убийство на почве личных раздоров. Уже через три года власти амнистировали убийцу, но расправы он не избежал: ветераны отряда Котовского расправились с ним уже в 1930-м.

Однако вернемся к более романтичной части этой истории. Первая ассоциация с Робин Гудом- лук. Одесситы - люди позитивные. Лук для них не оружие, а овощ. Кроме того, в других городах луковым бывает горе, в Одессе - только пирог. Вкусный, слоеный, нежный и незабываемый. Встречайте: ***«Пирог с луковыми стрелками».***

Вам понадобится:

Покупное слоеное тесто - чтобы лист покрывал форму для запекания и имел запас на бортики

4 крупных луковицы

зеленый лук - чем больше, тем лучше

300 граммов твердого сыра

2 яйца

4 столовых ложки сметаны

масло растительное - по вкусу

соль, специи - по вкусу

Приготовление:

Для начала приготовим начинку: репчатый лук почистим, обдадим холодной водой, нарежем полукольцами и обжарим на подсолнечном масле до появления слегка золотистого цвета. Добавим мелко порубленный зеленый лук, ложку сметаны с солью и протушим получившуюся смесь несколько минут. Отдельно взобьем оставшуюся сметану с яйцами, солью и специями. Выложим на выстеленную бумагой или смазанную маслом форму слой теста, сформовав высокие бортики. Сверху положим луковую смесь и зальем сметанно-яичным соусом.

Присыплем наш пирог тертым сыром и отправим в разогретую духовку. Выпекать до появления коричневатой корочки (примерно полчаса).

Королевский шик

Кем был Мишка-Япончик до Февральской революции? Нет, вы спроси~те! Поезжайте в Одессу и спроси~те: кем был Мишка Япончик до революции? Честные люди разведут руками и скажут: «Понятия не имеем! Полицейское управление чисто случайно сгорело вместе со всей картотекою. Нет бумажки - нет и преступления. Может, он кристальной души человек был, почем нам знать. А то, что 12 лет каторги получил, так то исключительно за анархические убеждения! Он ведь сам потом в газете рассказывал!..»

В народе любят Робин Гудов. И хотя вся Одесса знает, что Мойша Винницкий, за скулы и смуглый цвет кожи прозванный Япончиком, лет эдак с 13 страшно разбойничал - участвовал в налетах, воровал по-черному и даже подорвал бомбой одного слишком рьяно гоняющего одесскую босоту полицмейстера, - никто о том вам не скажет. Ведь вернулся после февральской амнистии Мишка совсем другим человеком. Грабил теперь только богатых бездельников, а с бедными работягами, напротив, делился, чем мог. На «мокруху» сам не шел (да и другим редко это советовал). Придумал правила, запрещающие трогать порядочных людей, к которым относил, кроме рабоче-крестьянско-матросского элемента, еще и учителей, врачей, актеров и прочих «не тунеядствующих» личностей. О неразборчивых делах Мишкиной юности все быстро забыли. Да и, в конце концов, кем бы могли стать вы, будучи рождены на Молдаванке - районе, полном дешевых публичных домов и воровских малин? То-то! С 10 лет у Япончика было лишь два пути: работать за копейки в матрасной мастерской, куда мать устроила его после оконченных им четырех классов школы, или идти в бандитскую шайку. Вернувшись с каторги, повзрослевший Мишка нашел третий путь - сколотил собственную банду, правила которой не слишком противоречили кодексу его чести и позволяли совести оставаться в относительном спокойствии.

Легенды о делах удивительного налетчика МишкиЯпончика до сих пор будоражат Одессу.

Легенды о делах удивительного налетчика Мишки-Япончика до сих пор будоражат Одессу.

- Очень извиняемся, но мы люди бедные. А вы - богатые. Едите и пьете, а на Молдаванке есть нечего. Вы должны

заплатить, чтобы молдаванские тоже праздновали. Постарайтесь вести себя примерно, и мы не принесем вам зла, - сказал Япончик, ворвавшись - а новогодний банкет сахарозаводчика Гепнера. Закончив собирать деньги и сняв с присутствующих последние украшения, налетчик распорядился, во-первых, выдать каждой жертве по 10 рублей на извозчика, во-вторых, вернуть находящемуся здесь на дежурстве доктору (а вдруг кто их гостей перепьет-переест) все изъятые у того средства.

Ограбление румынского игрового клуба, куда налетчики проникли, «позаимствовав» форму моряков кораблей «Ростислав» и «Алмаз» на вещевом складе, проходило с шиком и под специально сочиненную по такому случаю песню: « "Ростислав" и "Алмаз" - за республику, наш девиз трудовой резать публику!» После дела банда снова ворвалась на вещевой склад, чтобы... вернуть форму.

Когда во время хаоса и межвластия большевики решили вызволить из городской тюрьмы всех политических заключенных, бок о бок с ними сражались люди Япончика, решившие освободить всех уголовников. Вопрос гражданской одежды для всех освобожденных был решен специфически: Япончик остановил несколько трамваев и попросил пассажиров обменяться с беглецами нарядами. Возражений не возникло.

> После каждого дела Мишка непременно раздавал часть денег бедным и закатывал на Молдаванке пир для всех желающих. Столы ломились от яств и танцующих девиц, звучала живая музыка, а хозяин - непременно в стильном костюме и соломенной шляпеканотье, с галстукомбабочкой «кискис» и букетиком ландышей в петлице - потягивал трубку и довольно улыбался.

После каждого дела Мишка непременно раздавал часть денег бедным и закатывал на Молдаванке пир для всех желающих. Столы ломились от яств и танцующих девиц, звучала живая музыка, а хозяин - непременно в стильном костюме и соломенной шляпе-канотье, с галстуком-бабочкой «кис-кис» и букетиком ландышей в петлице - потягивал трубку и довольно улыбался. Он был по-царски щедр, по-рыцарски справедлив и по-молдавански непримирим к какому-либо противлению. Его уважали, обожали и, конечно, боялись. Вскоре иначе, как «королем Одессы», его уже никто и не называл. В 1919 году банда Япончика насчитывала почти 2000 человек.

Мишка-Япончик

Большевики, которым Япончик помогал в течение всей борьбы за власть в Одессе, но при этом периодически совершал грабежи «именем народа», не знали, что делать. Пятнать репутацию дружбой с бандитами не хотелось, но и ссориться с Королем было нельзя. Мишка сам подсказал выход. В городской газете появилась поразительная, возможная только в Одессе,

заметка: «Мы, группа профессиональных воров, также проливали кровь, идя рука об руку с товарищами матросами и рабочими... Мы тоже имеем право носить звание граждан Российской республики...» Короче, Япончик предложил выдать ему мандат на создание отряда Красной армии. Отбытие отряда на фронт затянулось лишь потому, что шумно празднующий свое назначение личный состав трое суток не мог собраться воедино. В первом бою Япончик одержал блестящую победу. Другие красные командиры насторожились, ревнуя к успеху. Говорят, против Короля созрел заговор, в котором участвовали даже самые близкие к Япончику люди. В любом случае, второй бой оказался много страшнее. Ситуация была заведомо проигрышной, и Япончику предстояло повести своих людей на верную гибель. Когда Мишка решил отступить, его обвинили в дезертирстве и застрелили за сопротивление при аресте. Но и тут Король остался Королем. Предвидя подобный исход, он сумел спасти бо~лыпую часть своих людей, заранее приказав им по одному и обходными путями возвращаться в Одессу. Так в город вернулись «благородные и ловкие» грабители, потомки которых по сей день пугают мирное население.

К рассказам о Короле - соответствующие приложения. Итак, нежная, тающая во рту, ароматная буженина ***«Королевская рать».***

Вам понадобится:
кусок свинины (примерно 1,5 кг)
крупная соль и свежемолотый черный перец - по вкусу
3 столовых ложки горчицы
1 крупная морковь
6 зубчиков чеснока
фольга для запекания

Приготовление:

Мясо хорошенько натрем солью с перцем и оставим на ночь просаливаться в холодильнике. После этого тонким острым ножом проделаем в нем глубокие дырочки (примерно по 6 штук с каждой стороны). Почистим морковь и нарежем ее соломкой. 4 зубчика чеснока разрежем вдоль на небольшие полосочки. Теперь, чередуя морковь и чеснок, наполним ими дырочки в мясе. Со всех сторон натрем фаршированное мясо смесью горчицы и оставшегося чеснока, который предварительно пропустим через чеснокодавилку. Завернем мясо в фольгу и отправим в разогретую духовку выпекать до готовности (до тех пор, пока, проткнув мясо вместе с фольгой, вы не увидите, что выделяется

жир прозрачного цвета, без розоватого оттенка). Готовую буженину остудим, нарежем ломтиками и подадим к столу.

Одесское сердце

«Мать любят за то, что она мать. Город - за то, что в нем прошла прекрасная пора детства и юности. Если бы Одесса была не самым лучшим городом в мире, разве я не любил бы ее? Конечно, любил. Может быть, немножечко меньше, но любил. А так как она все-таки самый лучший город, то сами понимаете...» - писал Леонид Осипович Утесов - артист, актер, певец, руководитель первого в СССР официального джаз-оркестра, великолепный рассказчик и блистательный писатель. Да-да, писатель! Его биографические очерки можно читать запоем, и после них говорить что-то о Леониде Осиповиче от себя кажется попыткой обворовать читателя.

Утесов родился в Одессе. «Родился я 22 марта 1895 года, но в энциклопедии написали, что 21-го. Ну что же, пусть будет так. Ведь она энциклопедия, а значит - ей виднее!»

С детства он отличался редким артистизмом, но совершенно не видел в этом собственных заслуг, считая, что театральный талант вдохнула в него Одесса: «Мне и не надо было ходить в театр. Он был вокруг меня. Всюду. Бесплатный - веселый и своеобразный... Театр, где непрерывно идет одна пьеса - человеческая комедия. И она звучит подчас трагически».

Поначалу артист честно пытался идти дорогой добропорядочного еврейского мальчика. Посещал коммерческое училище («в семье был праздник, если мне ставили тройку!»), немного играл на скрипке...

Но потом природа взяла свое. «Что же удивляться, что я люблю музыку, ведь я родился не где-нибудь, я родился в Одессе... Одесские мальчишки не ходят, а бегут, не говорят, а поют...» Из училища Утесова (тогда он еще не придумал себе «возвышенный» псевдоним и звался Лазарем Вайсбейном) выгнали за плохое поведение, и скрипки в жизни мальчика стало значительно больше. Какое-то время он выступал в бродячем цирке в качестве гимнаста. В 17 лет поступил на работу в настоящую театральную труппу. И понеслось! Роли, гастроли, первый успех у зрителя, первые победы в конкурсе «куплетистов»... Казалось бы, что еще нужно для полного счастья? Оказалось - джаз.

«Джаз - как любовница. Его все любят, но боятся показать». Утесов был не из пугливых.

«Джаз - как любовница. Его все любят, но боятся показать». Утесов был не из пугливых. В 1928 году, отдыхая с женой и дочерью в Париже, Леонид Осипович услышал американский джаз-оркестр Теда Льюиса и понял, зачем родился на свет. По возвращении в Ленинград Утесов создает «Теа-джаз». Театрализированные выступления джаз-оркестра имеют оглушительный успех и, несмотря на давление всевозможных партийных блюстителей нравственности, со временем бэнд получает звание «государственного джаз-оркестра РСФСР». Интриги некоторых не находящих себе места от зависти коллег Утесов встречал с улыбкой: «Советский артист - особый артист. Он, конечно, рад, когда ему дают звание, но по-настоящему счастлив, когда звание не дают другому». И только через много лет, когда попытки этих коллег искоренить джаз обретают параноидальный характер и правительственное покровительство, Леонид Осипович позволяет себе раздраженное: «Надоели поучения - какая музыка нужна советскому человеку.

Леонид Осипович Утесов

Нужна всякая хорошая. Советский человек жаден до искусства. Ему подай все: оперу, симфонию, песню, романс и легкую музыку. И нечего скучным людям превращать человеческие радости в «мероприятия», навязывать народу вкусовщину мрачных чиновников, никогда не поющих, не танцующих и носящих маску глубокомыслия...» Утесов оберегает

свое детище изо всех сил. Кстати, единственная дочка Леонида Осиповича имела самое непосредственное отношение к джаз-оркестру: она работала там «актрисой, певицей, помощником, советчиком, а иногда и критиком». Министр культуры не разделял всеобщей любви к вокалистке. «Ваша дочь поет не своим голосом!» - говорил он Утесову. «Правильно делает. Свой надо беречь!» - отвечал заботливый отец. Несмотря на все накаляющуюся обстановку, от лап «мрачных чиновников» Утесова спасает невероятная популярность и всенародная любовь.

Впрочем, у любви тоже бывает оборотная сторона. Встречи с поклонниками бывали самые разные: В Одессе после концерта к такси, в котором уезжает Утесов, подбегает взволнованная женщина с ребенком. Она деловито распахивает пассажирскую дверь, показывает на Леонида Осиповича пальцем и говорит: «Сюня, смотри - это Утесов, когда ты вырастешь - он уже умрет!» Дверь захлопывается, дама оставляет такси в покое...

Как-то, узнав Утесова, к нему подошел незнакомый старичок и сказал:

- Я еще ребенком бывал на ваших концертах в Одессе и восхищался вашим пением.

- Сколько же вам лет? - удивился Леонид Осипович.

- Восемьдесят пять.

- А мне шестьдесят семь...

Бывали случаи и более конфликтные. Один начинающий эстрадный артист как-то обещал, что покончит жизнь самоубийством, если Утесов немедленно не посмотрит его номер. Пришлось смотреть. Артист пел, говорил, танцевал, играл, бил себя руками по бедрам и иногда подсвистывал. Увы, делал он это все бездарно. Нужно было высказать мнение. Врать Леонид Осипович не хотел.

- Ну что сказать? У нас в Одессе все так умеют. Только стесняются...

> Ничуть не обманываясь славой, Утесов говорил о себе: «Голос тот же: как не было, так и нет!» Правда, тут же добавлял: «Я пою не голосом - я пою сердцем»!

При крайнем уважении чужих талантов Утесов всегда предпочитал честность - также и в оценках бездарностей. Многих это травмировало, но «в вопросах искусства врать нельзя».

К слову сказать, Леонид Осипович отличался еще и редкой самокритичностью. Ничуть не обманываясь славой, Утесов говорил о себе: «Голос тот же: как не было, так и нет!» Правда, тут же добавлял: «Я пою не голосом - я пою сердцем»!

Прекрасное одесское сердце достойно и отдельной кухонной беседы. Полезно, красиво, сытно и ужасно вкусно: ***«Говяжье сердце по-одесски».***

Вам понадобится (на 5-6 порций):
1 говяжье сердце
2 луковицы
2 моркови
зелень, соль, специи - по вкусу
50 г растительного масла
бульон говяжий - по вкусу
листики салата - для украшения блюда

Приготовление:

Сердце помоем и нарежем соломкой, а потом обжарим на масле до появления коричневатой корочки. Теперь эти полосочки уложим в форму для запекания, добавим морковь и лук, предварительно очищенные и тоже порезанные соломкой. Зальем все это бульоном, приправим специями, зеленью и посолим. Накроем крышкой и оставим тушиться на слабом огне до полной готовности мяса. Получившееся блюдо откинем на дуршлаг, охладим и, выложив на блюдо листики салата, положим сверху

сердце с овощами. Для пущей красоты все это можно украсить листиками петрушки.

Бычки мадам Стороженко

Как известно, одесситы уезжают в столицы лишь с одной целью: чтобы было откуда громче и масштабней воспевать родной город. И к Валентину Петровичу Катаеву это относится в полной мере. Мало того, что львиная доля всех событий из его произведений происходит в Одессе (возьмем хотя бы «Белеет парус одинокий»)... Мало того, что город в них - часто не просто фон, а равноправный персонаж действия (вспомним одесские катакомбы, судьба которых описана так же ярко, как и судьбы жителей города)... Мало того, что в мемуарах он ярко и выпукло рассказывает о своих знаменитых земляках (книга «Алмазный мой венец» явный тому свидетель)... Вдобавок ко всему, Катаев еще и «пропагандировал одесскую речь», утверждая, что это его литературная стилистика, и не позволяя редакторам править вкусные диалоги своих одесских героев. Половина редакторов всего СССР мечтали прикончить Катаева за это на месте, вторая половина - чувствовали себя прекрасно, потому что сами тоже были из Одессы.

> Как известно, одесситы уезжают в столицы лишь с одной целью: чтобы было откуда громче и масштабней воспевать родной город.

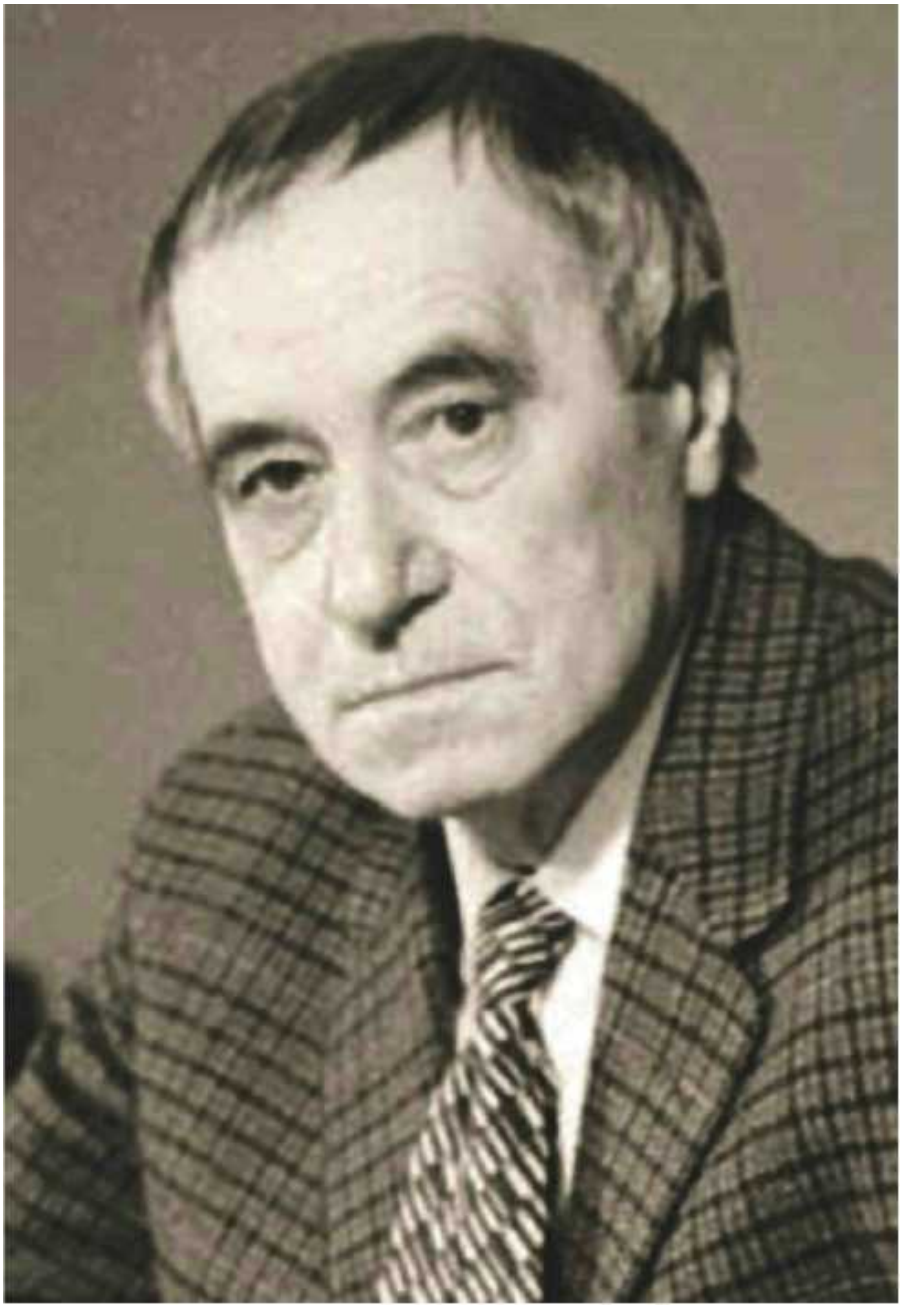
А как он писал об одесской кухне! Людям, придерживающимся правила «не есть после шести», нужно строжайше запретить читать Катаева вечерами: «...из синеньких немедленно приготовили баклажанную икру. Разумеется, не ту пресную, сладковатую желтоватую кашицу, которая продается в виде консервов, а ту, настоящую, домашнюю, знаменитую одесскую баклажанную икру - пищу богов!..»

Всякий человек, не знавший раньше Одессу или посмевший знать, но не обожать ее, после знакомства с творчеством Валентина Петровича навек терял эту свою уникальную и дикую черту.

> Мадам Стороженко до сих пор считается символом Привоза и даже стоит там в виде памятника.

Надо подчеркнуть, что Катаев был человеком удивительным. Будучи признанным на родине и при жизни, представляя СССР во всевозможных международных литературных сообществах, он

умудрялся при этом, несмотря на железные тиски цензуры, писать действительно замечательные произведения. Его мадам Стороженко до сих пор считается символом Привоза и даже стоит там в виде памятника. Даже Иван Бунин, известный острой ненавистью ко всему советскому, писал: «Кто б мог подумать, что из Катаева выйдет такой крупный и настоящий писатель». Именно Бунина, с которым познакомился в Одессе в те самые «окаянные дни» межвластия и падения старого строя, Валентин Катаев считал своим первым литературным учителем. И именно Бунин, правда, чисто случайно, спас когда-то Катаеву жизнь: участвовавший в белогвардейском заговоре, Валентин Катаев был схвачен вместе с остальной группой, но отпущен, потому что один из высокопоставленных работников ЧК вспомнил, как в 1919 году Бунин прилюдно и категорически нелестно отзывался о политических взглядах начинающего литератора. Иван Алексеевич понятия не имел о принадлежности Катаева к белогвардейскому подполью, потому высказывался очень резко. Этой «рекомендации» от эмигрировавшего классового врага оказалось достаточно, чтобы чекисты отпустили Катаева.



Валентин Петрович Катаев

Оказавшись на свободе, Валентин Петрович был призван в ряды советских литераторов и приступил к работе, о чем не без иронии вспоминал в мемуарах: «Фанерные агитплакаты, еще не высохнув, разносились и развозились по всему городу на извозчиках и велосипедах. На плакатах под картинками помещались агитстихи нашего сочинения. Например: "По небу

полуночи Врангель летел, и грустную песню он пел. Товарищ! Барона бери на прицел, чтоб ахнуть барон не успел"».

Помимо литературного, Валентин Петрович обладал еще и редким даром видеть и ценить таланты окружающих. Переехав в Москву и закрепившись в ней, он немедленно пригласил туда же Багрицкого и Олешу, стараясь помочь своим гениальным друзьям «остаться на плаву». Из подобной помощи, правда, обычно ничего не выходило. Например, однажды, увидев бедственное положение поэта Мандельштама, Катаев потащил того к Крупской, раздающей заказы на всевозможные агитстихи. Друзья взяли гонорар и сели за работу, которая должна была рассказать простым гражданам о хитрости кулаков:

«- Кулаков я хитрость выдам, расскажу без лишних слов, как они родни под видом укрывают батраков, - бодро начал я и предложил напарнику продолжить, но он с презрением посмотрел на меня и, высокомерно вскинув голову, почти пропел:

- Кулак Пахом, чтоб не платить налога... - Он сделал эффектную паузу и закончил торжественно: - Наложницу себе завел!

Я махнул рукой, понимая, что из нашей агитки ничего не получится».

К счастью, время агиток прошло, и Валентин Петрович начал серьезную литературную деятельность. Но и тут не обходилось без курьезов. Критики и литературоведы на каждом шагу приписывали аполитичной прозе Катаева вовсе и не заложенный в нее пропагандистский смысл. Забавный случай произошел, например, с подругой внучки Валентина Петровича: «Классе в пятом-шестом мы проходили «Сына полка», и моей подруге дали задание написать, о чем думал писатель Катаев, что хотел вложить в образ Вани. Естественно, живя через две дачи от нас, она пришла к дедушке и попросила рассказать, что же он имел в виду. Он рассказал. За сочинение подруга получила тройку с минусом - они с Катаевым оказались неправы»...

> Давно живя в Москве и объездив полмира с литературными лекциями, Катаев не переставал утверждать, что лучший город мира - это Одесса.

Давно живя в Москве и объездив полмира с литературными лекциями, Катаев не переставал утверждать, что лучший город мира - это Одесса. На вопросы о том, не хочет ли он вернуться туда жить, Катаев улыбался и говорил, что, конечно, хочет, но не может, так как уверен, что в Одессе всё равно никогда не будет горячей воды.

В кулинарном приложении к посвященной Валентину Катаеву главе можно было описывать любое одесское блюдо. Автор любил и воспевал их все. Но поскольку Гаврик задарма относил мадам Стороженко именно бычков, то о них и поговорим. Итак, ***«Бычки по-одесски»*** .

Вам понадобится (на 3-4 порции):
12-16 бычков
4 репчатые луковицы
1/2 стакана растительного масла
3 столовых ложки муки
3 столовых ложки томатной пасты
1/3 стакана воды
соль, перец - по вкусу
2 лавровых листа
сахар - по вкусу
зелень, лимон, майонез - по вкусу

Приготовление:
Обрабатываем бычки, солим их, перчим, обваливаем в муке и обжариваем с двух сторон на растительном масле. Корочка золотистого цвета - признак того, что рыба уже обжарена. Теперь выкладываем на дно глубокой сковороды мелко нарезанный лук и

пассеруем его в растительном масле.

Разводим на этой же сковородке томатную пасту, подливаем воду и тушим все вместе примерно 10 минут. Поджаренные бычки кладем в сотейник, заливаем соусом со сковородки, заправляем солью, сахаром, перцем, добавляем 2 лавровых листа и тушим примерно 15 минут. Готовые бычки вынимаем, выкладываем на блюдо, украшаем кусочками лимона, зеленью и майонезными островками. Соус из сотейника можно подавать к столу отдельно - будет очень вкусно.

Пить соки по-одесски

«Простите, а как меня будут хоронить? - интересовался в старости Юрий Олеша . - По высшему разряду? Чудесно! Можно попросить? Пусть хоронят по низшему - а разницу вернут деньгами и сейчас!» Его мысль, как обычно, стала афоризмом.

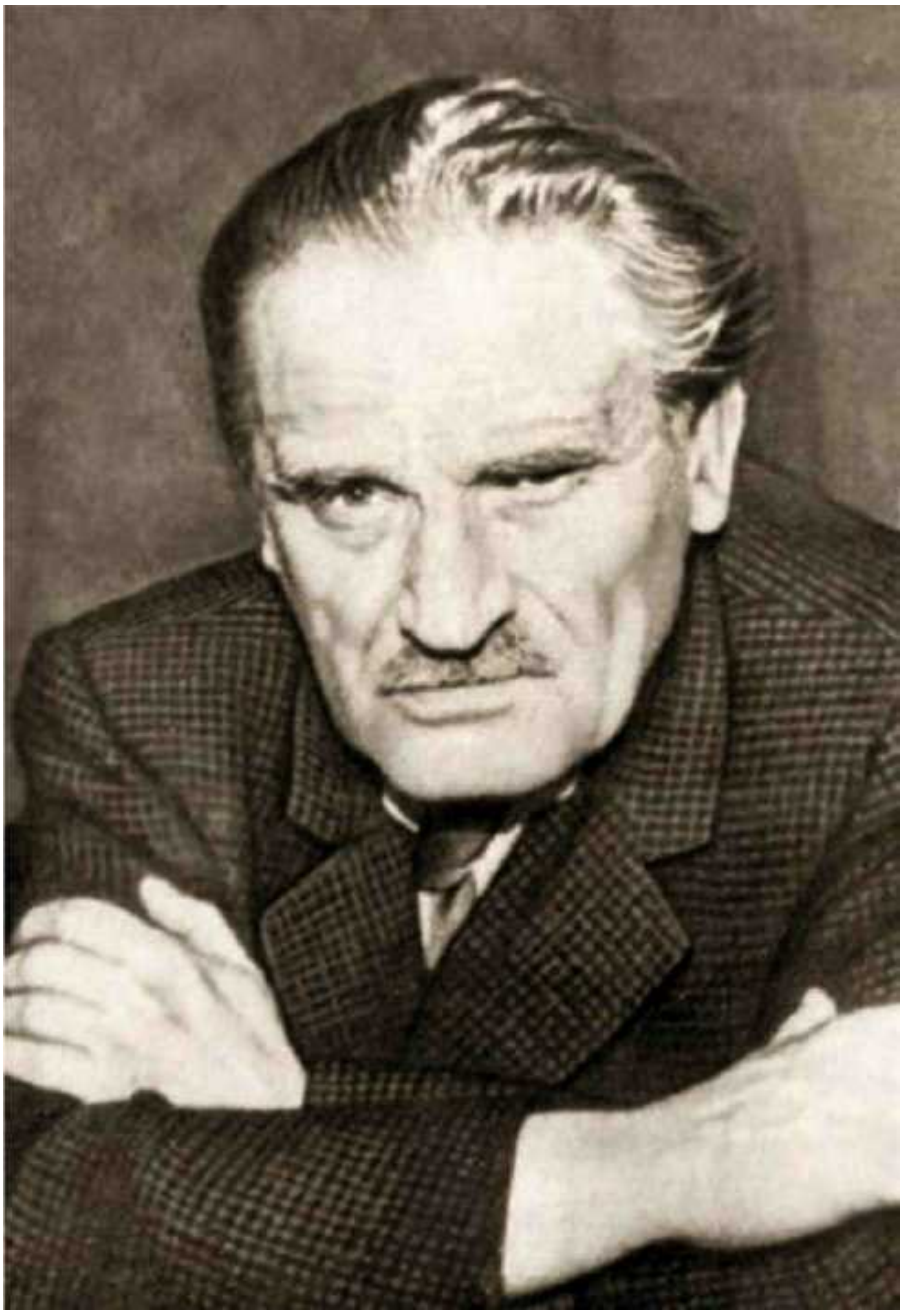
«Простите, а как меня будут хоронить? - интересовался в старости Юрий Олеша. - По высшему разряду? Чудесно! Можно попросить? Пусть хоронят по низшему - а разницу вернут деньгами и сейчас!»

Автор талантливых романов, ярких фельетонов и эссе, в сердце к широкому читателю Олеша пришел с прекрасной детской сказкой «Три толстяка». Главную героиню, как всем известно, зовут Суок. В этой девочке-циркачке легко узнается первая возлюбленная Олеши - Серафима Густавовна Суок. Об их странном романе - по-южному бурном, по-одесски легком и в то же время по-литературному роковом - и пойдет сейчас речь.

«Одесская жена и одесская мама - две большие одесские разницы», - говорят психологи. Типаж «мамочки» - властной, практичной, заботливой - выносится во главу угла. Потом идет «одесская бестия» -разбитная девица, которой море по колено, а муж по плечо. Но встречается и совершенно иной, но тоже часто взращенный Одессой тип - «девочка-романтик». Даже самые циничные ловеласы пишут о контактах с подобными, как об эдаком «прыжке с подвыподвертом», или как об «очень опасных отношениях». Именно такой была Дружочек (так называли Серафиму Суок друзья), когда ее полюбил Юрий Олеша.

Симе было 16, Юрию - 20. «Не связанные друг с другом никакими обязательствами, нищие, молодые, нередко голодные, веселые, нежные, они способны были вдруг поцеловаться среди бела дня прямо на улице, среди революционных плакатов и списков расстрелянных», - писал Катаев о первой любви друга. Чувства заменили влюбленным весь мир. Как люди, выросшие в культурной среде Одессы, и Олеша, и Сима были «людьми, близкими к Западу». Революцию и гражданскую войну, соответственно, они переживали болезненно. Но, между тем, когда родители Олеши собрались эмигрировать в Польшу, Юрий отказался ехать. Он заявил, что без своего Дружочка не тронется с места, родители - что взбалмошная девица будет обузой. Это был первый бунт тихого и «насквозь интеллигентного» одесского

мальчика. Это был разрыв с корнями. Дружочек такому жертвоприношению ничуть не противилась. Впрочем, и сама она тоже клала на алтарь любви самое дорогое - себя саму.



Юрий Карлович Олеша

Невзирая на бытовые сложности, парочка умудрялась жить счастливо, находить Олеше кое-какие журналистские заработки, да еще и бывать на всех мероприятиях города. Среди прочего, они посещали похожие по силе воздействия на сеансы черной магии выступления поэта Нарбута - хромого, бритого наголо человека с отрубленной рукой и острыми, красивыми стихами. Вскоре именно по нарбутовским рекомендациям Олешу и Катаева призвали на работу в Харьков. Дружочек тоже поехала. Времена стояли голодные, и литераторы едва сводили концы с концами. Но тут в компании поселившихся в Харькове одесситов появился чуждый элемент - бухгалтер Мак. Отличался он, прежде всего, благосостоянием. В шутку, «охмурив богача стихами и его будущей ролью в мировой культуре», Сима несколько дней снабжала семгой и колбасой всех друзей. Так же весело вскоре Дружочек объявила, что вышла замуж за Мака. И даже уже к нему переехала. Регистрация брака в то время была делом одного дня, а развод занимал ровно час, потому деятельный Катаев, невзирая на полную прострацию буквально потерявшего дар речи Олеши, решил вернуть заблудшую овцу в дом.

Он пришел к Маку на квартиру и решительно сказал Симе: «Пойдем!»

- Позвольте?! - вмешался было новоиспеченный муж. - Не позволю! - отрезал Катаев, мысленно проклиная себя за то, что сам же, наживы ради, придумал дурацкую игру «сделать перед бухгалтером вид, что Дружочек свободна».

- Ах, Мак!- отреагировала Сима.- Моя любовь к тебе была ошибкой, прости! Сейчас я спущусь, только заберу свои вещи...

- Дружочек, но ведь у тебя не было вещей? - удивился Катаев.

- А теперь - есть! И вещи, и продукты! - многозначительно засмеялась Сима.

> Банка с вареньем или соком - такая же часть одесского быта, как, скажем, диван - часть квартиры современного европейца.

Дружочек вернулась, и они с Олешей снова зажили душа в душу. В 1922 году Катаев переехал в Москву. Он звал и Олешу, но тот еще медлил. Зато Дружочек приехала. И не одна, а с мистическим поэтом Нарбутом. Олеша примчался следом. Подтянутый, постаревший, он несколько дней ходил под ее окнами, следя за передвижениями теней за занавесками Нарбугов. Он вообще не спал, сходил с ума и решился наконец на прямой разговор. Никто не знает, что наговорил тогда Олеша Дружочку, но вечером, держась за руки, влюбленные сидели у Катаева и опять «светились так синхронно, будто в них была

общая лампочка на двоих». Они клялись друг другу в вечной верности и хохотали до упаду над тем, как в голову кому-то могла явиться мысль разлучить их. И тут пришел Нарбут. Он постучал в окно и попросил вышедшего во двор Катаева «передать Серафиме Густавовне, что если она сейчас же не уйдет от Юрия Карловича, то он застрелится здесь же, у них во дворе». И Суок ушла. На этот раз безвозвратно.

Олеша смирился и о своем Дружочке никогда не сказал дурного слова, списывая все ее предательства на молодость и одесский темперамент. Забавно, что потом Олеша женился на одесситке. Причем, на родной сестре Симы - Ольге. До конца жизни он говорил, что Сима и Ольга - две половинки его души. А Серафима, вероятно, была счастлива в следующем браке. По крайней мере, никаких выходок она себе уже не позволяла и «пить соки, как настоящая одесская жена», больше ни из кого не собиралась.

Для полноты картины и смены темы нам остается уяснить, какие именно соки пьют в Одессе. Ведь банка с вареньем или соком - такая же часть одесского быта, как, скажем, диван - часть квартиры современного европейца. Знакомьтесь: ***«Сок томатный по-одесски».***

Вам понадобится (на 4 бокала):
1 кг спелых томатов
0,5 стакана уксуса
0,5 чайной ложки соли
1 столовая ложка сахара
черный перец - по вкусу
четверть лимона

Приготовление:

Помидоры отделим от плодоножек, окатим кипятком, снимем шкурку и разрежем на небольшие кусочки. Теперь пропустим их несколько раз через мясорубку. Добавим уксус, соль и сахар. Вскипятим получившуюся томатную пасту, помешаем и поставим остужаться. Охлажденный сок процедим. Оставшуюся мякоть оставим для других блюд, а сок перельем в бокалы, поперчим, украсим каждый ломтиком лимона, снабдим трубочкой и подадим к столу.

Две большие разницы

В противовес известному анекдоту про то, что «Карл Маркс и Фридрих Энгельс - это не муж и жена, а четыре разных человека», можно сказать, что Илья Ильф и Евгений Петров -

единая литературная единица. Человека два, а автор один. По крайней мере, так утверждал сам Петров: «Однажды мы с Ильфом поссорились... Ссорились мы долго - часа два. И вдруг, не сговариваясь, стали смеяться. Это было странно, дико, невероятно, но мы смеялись... Потом мы признались друг другу, что одновременно подумали об одном и том же - нам нельзя ссориться, это бессмысленно. Ведь мы все равно не можем разойтись. Ведь не может же исчезнуть писатель, проживший десятилетнюю жизнь и сочинивший полдесятка книг, только потому, что его составные части поссорились, как две домашние хозяйки в коммунальной кухне из-за примуса». Тем не менее, вне творчества соавторы казались совершенно разными.

В противовес известному анекдоту про то, что «Карл Маркс и Фридрих Энгельс - это не муж и жена, а четыре разных человека», можно сказать, что Илья Ильф и Евгений Петров - единая литературная единица.

Ильф был старше на пять лет. За время одесской юности он, закончив техническую школу, успел поработать в чертежном бюро, на авиационном заводе, на телефонной станции...

«В то время Илья Арнольдович еще не был писателем, а ходил по Одессе в потертой робе со стремянкой и чинил электричество. С этой стремянкой на плече Ильф напоминал длинного и тощего трубочиста из андерсеновской сказки. Ильф был монтером. Работал он медленно. Стоя на своей стремянке, поблескивая стеклами пенсне, Ильф зорко следил за всем, что происходило у его ног, в крикливых квартирах и учреждениях», - вспоминал Константин Паустовский. Тем не менее, Ильф всегда отличался страстью к сочинительству и записывал любопытные моменты окружающих реалий в специальную тетрадь, из которой частенько зачитывал отрывки на собрании «Коллектива поэтов». После революции, поработав какое-то время бухгалтером, он вдруг решил плюнуть на все и заняться журналистикой. Уехал в Москву, устроился в тамошний «Гудок» и погрузился в редактуру заметок рабочих корреспондентов. Гонорары были мизерные, но, к счастью, сотруднику газеты полагалась комната в общежитии.

«Нужно было иметь большое воображение и большой опыт по части ночевок в коридоре у знакомых, чтобы назвать комнатой это ничтожное количество квадратных сантиметров, ограниченное половинкой окна и тремя перегородками из чистейшей фанеры», - вспоминал позже Петров.

Судьба Евгения Петрова складывалась совсем иначе. Он тоже родился в Одессе, но окружение с раннего детства не оставляло ему иного выбора, кроме как податься в литераторы. Окончив классическую гимназию, он был устроен старшим братом (уже набирающим известность Валентином Катаевым) в корреспонденты. Все прочили легкому перу Евгения блестящее будущее. Не на того напали! Не желая действовать по указке, Катаев-младший заявил, что пойдет в уголовный розыск. И пошел. Три года гонялся по Одессе за вооруженными бандитами и прочими опасными налетчиками. Первым его «крупным литературным произведением» стал протокол осмотра трупа неизвестного мужчины.

Илья Ильф и Евгений Петров

Много позже этот период деятельности Евгения будет описан

в повести «Зеленый фургон». Прототипом следователя станет Петров, а главаря банды - сам автор повести, Александр Казачинский, который действительно в юные годы руководил бандой и был арестован своим одноклассником Евгением, который не только добился отмены расстрела задержанного, но и потом всю жизнь помогал ему.

Переехав в Москву к брату, Евгений снова пошел в уголовный розыск. Нервы Катаева-старшего не выдержали. Ежедневно рискующий жизнью младший брат его категорически не устраивал. Валентин был готов придумать что угодно, лишь бы Евгений бросил свое опасное дело. Практически силой заставив брата написать фельетон, Катаев отнес произведение в «Гудок» и тут же, еще не получив одобрения редакции, всучил брату гонорар: «Ну что, неужели тебе проще ловить бандитов, чем писать?» Надо заметить, в Москве с бандитами у Евгения не ладилось: оплачивалась работа плохо, дела поручали «невнятные»... В общем, взяв псевдоним Петров, Евгений подался в «Гудок» в один отдел с Ильфом.

> Когда «подсобные рабочие» Ильф и Петров подсунули рукопись про Остапа Бендера под руку мэтра Катаева, тот весело сказал: «Ребята, ну я то вам зачем нужен? Вы всё сделали замечательно!» Так появился на свет настоящий советский бестселлер.

Валентин Катаев уважал Илью Ильфа еще со времен одесского «Коллектива поэтов». Ильф отличался тем, что «даже самая обыкновенная рыночная кепка приобретала на его голове парижский вид», а также чтением «чего-то среднего между белыми стихами, ритмической прозой, пейзажной импрессионистической словесной живописью и небольшими философскими отступлениями». Опасаясь, что нерадивый брат снова возьмется за старое, Валентин Катаев придумал вот такую авантюру:

«Я решил стать новым Дюма-отцом! Буду писать роман. Но времени на него у меня нет, так что понадобятся подсобные рабочие. Ими будете вы, товарищи Ильф и Петров. Гонорар и славу поделим поровну. Я вам идею - вы мне текст. После я раза два пройдусь по рукописи рукой мастера, и роман готов».

Когда «подсобные рабочие» Ильф и Петров подсунули рукопись про Остапа Бендера под руку мэтра Катаева, тот весело сказал: «Ребята, ну я-то вам зачем нужен? Вы всё сделали замечательно!»

Так появился на свет настоящий советский бестселлер. Так родился автор «Ильф и Петров», 10 лет радовавший читателей

прекрасными работами. Никто не мог точно сказать, на ком он женат и где живет... Утверждать можно было лишь одно: этот автор, безусловно, был одесситом.

Поддержать дуализм темы хотелось бы аналогичным явлением в кулинарии. Мы с вами здравомыслящие люди и понимаем, что двух разных блюд с одинаковым рецептом, что бы ни говорили специалисты, не существует. Потому напишем об одном блюде, которое одесситы умеют готовить двумя разными способами. Итак, легендарные ***«Нудли»*** .

Вам понадобится (на 10-12 порций):
1.
1 кг телятины
5-6 картофелин
3-4 луковицы
2 большие моркови
масло подсолнечное
0,5 л кефира
соль, специи - по вкусу
0,5 чайной ложки соды
мука - сколько возьмет тесто

2.

1 кг свиных ребер
2 кг картофеля
3-4 луковицы
масло подсолнечное
0,5 л кефира
2 чайные ложки соли
2 чайные ложки соды
мука - сколько возьмет тесто
5 зубчиков чеснока

Приготовление:

1. В сковородке обжариваем лук и морковку. Добавляем телятину, нарезанную кубиками, воду, соль и специи и тушим минут 40. Закладываем картофель. В кефир вмешаем соль и соду, а затем понемногу добавляем муку. Вымешиваем тесто до тех пор, пока оно не перестанет клеиться к рукам, раскатываем из него корж, смазываем его подсолнечным маслом и закручиваем в рулет. Острым ножом режем рулет на кусочки, выкладываем их между мясом. Если есть необходимость, добавляем еще воды (нужно, чтобы розочки из теста были полностью покрыты). Накрываем сковородку крышкой и тушим на слабом огне минут 50. Нудли номер раз - готовы!

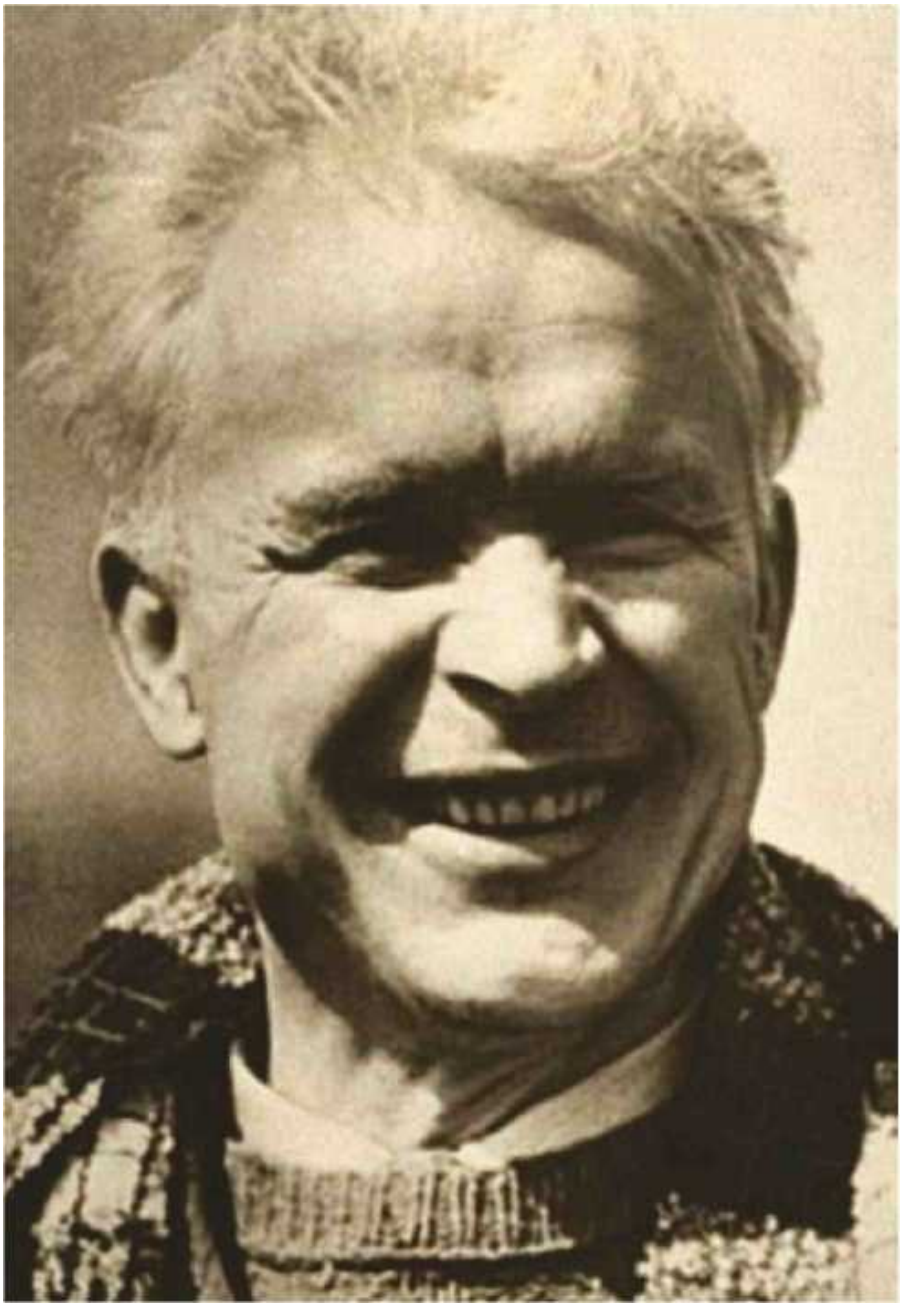
2. На дне казана обжариваем свиные ребрышки в масле, добавляем обжаренный лук и тушим примерно минут 40. Картофель обжариваем, добавляем к мясу и, подлив немножко воды, тушим все еще примерно 10 минут. Тесто делаем такое же, как в прошлом варианте, но, раскатав его в корж и смазав маслом, тонкой полоской посредине выкладываем пропущенный через чеснокодавилку чесночок. Кладем розочки по периметру казана, накрываем его крышкой и укутываем полотенцем. Тушим еще минут 40 (в итоге розочки получаются приготовленными «на пару»). Нудли номер два- к вашим услугам!

Снято очень вовремя

Города, как и люди, обладают разной степенью фотогеничности и киногеничности. Одесса словно нарочно создана для кинопленки. Давно замечено, что даже самый обычный пейзаж, оставляющий человеческий глаз равнодушным, снятый в Одессе, в фильме смотрится совсем по-другому - волнительно, ярко, удивительно. Что уж говорить о завораживающих картинах порта - хитросплетенье парусов, кранов, рельс, пирсов, растущих прямо из моря зданий...- все это и без всяких изощрений производит ошеломляющее впечатление на человека, а уж запечатленное на пленку с нужных ракурсов - и подавно обладает поразительным воздействием. Потому нет ничего удивительного в том, что Одесса всегда привлекала кинопроизводителей.

Города, как и люди, обладают разной степенью фотогеничности и киногеничности. Одесса словно нарочно создана для кинопленки. Давно замечено, что даже самый обычный пейзаж, оставляющий человеческий глаз равнодушным, снятый в Одессе, смотрится в фильме совсем подругому - волнительно, ярко, удивительно.

Начнем с того, что кинематограф еще за год до братьев Люмьер, по некоторым сведениям, изобрел одесский механик-самоучка Иосиф Андреевич Тимченко. О патенте он тогда не подумал, потому в историю кинематограф и вошел как французское изобретение. Но развитию киноиндустрии в Одессе это ничуть не мешало. В 1912 году одесситы уже смотрели свой первый художественный фильм - криминальную драму «Одесские катакомбы». Первое из образовавшихся киноателье («Мирограф», основанный в 1907 году) вместе с рожденной в 1917 году «Фабрикой кинематографических картин» стали в 1919 году базой для знаменитой Одесской киностудии. Именно сюда «заболевший кинематографом» Александр Петрович Довженко пришел в 1926 году, чтобы снимать свои первые картины и заявить об Одесской киностудии как о полноценном участнике процесса рождения советского кино.



Александр Петрович Довженко

Никогда не получавший никакого профильного образования, Довженко был просто талантливым художником и много повидавшим в жизни человеком, мечтающим делать настоящее кино. Поначалу он просто написал сценарий детского фильма «Вася-реформатор» и отправил его на Одесскую киностудию. Тогда одесситы не прониклись темой и приняли фильм к

производству только после настойчивых рекомендаций московских друзей Александра Петровича. В разгар работы над фильмом одесский режиссер отошел от дел, и Довженко пришлось экстренно вылететь в Одессу, чтобы спасать свой сценарий. С этого все и началось. Александр Петрович остался в Одессе на должности режиссера. В «Васе-реформаторе» Довженко совершил массу ошибок. Череда технических ляпов и организационных промахов привела к тому, что оператор вынужден был сам заканчивать работу. Но Александр Петрович - сын неграмотных родителей, сумевший и получить образование, и прославиться как революционный оратор, и стать художником, и поучаствовать в войнах, и пережить плен (во время которого, кстати, Довженко для острастки расстреляли холостыми патронами),- был не таков, чтобы сдаваться после первых неудач. Уверенно и азартно он шел к своей цели, снова и снова экспериментируя и продвигаясь вперед. К 1928 году, сняв свой первый знаменитый фильм «Звенигора», в котором удивительным образом сплетались сатира, революционный пафос и настоящая лирика, Довженко имел уже собственную теорию кинопроизводства. Кадр-плакат, кадр-скетч - вот какова была основная идея будущего классика кинорежиссуры. Неудачных с художественной точки зрения работ у Довженко с тех пор не было. Начались неудачи совсем другого характера. Талантливым режиссером и искренним приверженцем дела революции заинтересовался лично товарищ Сталин. В переписке вождь выражал симпатии ранним работам Довженко и требовал развития в том же направлении. В самом начале политических репрессий на интеллигенцию Сталин переводит Довженко в Москву, «под опеку», якобы, чтобы режиссер нечаянно не стал той самой «щепкой», которая может полететь во время «рубки леса».

> Снять вовремя - важный навык не только в кинопроизводстве, но и в кулинарии. В создании правильной манной каши, являющейся в Одессе также самым быстрым в приготовлении гарниром, это умение, например, составляет 70 % успеха.

Совместить искренность в работе и «дружбу» со Сталиным было практически невозможно. Один за другим прекрасные сценарии Александра Петровича (в том числе очень сильная патриотическая биографическая киноповесть «Украина в огне») подвергаются разгромной критике Сталина. При этом снимаемые политически выверенные картины, созданные буквально под диктовку вождя, хоть и безупречные с технической и художественной точки зрения, все же, по мнению самого

режиссера, недостаточно глубоки по своим мыслям. Довженко начинает жаловаться на «темную полосу жизни». Доходило до смешного: так, после множества переделок и идеологических правок был наконец закончен документальный фильм «Прощай, Америка!», снятый по мотивам повести политической перебежчицы из США в СССР Анабеллы Бюкар. Кажется, Довженко наконец удалось совместить линию госзаказа с личными симпатиями. Но тут пришло распоряжение прекратить работу: Бюкар сбежала обратно в США, лишив фильм какого-либо будущего. В происходящем Довженко винил, конечно, не лично Сталина, а бюрократов, его окружающих. Свои чувства режиссер выплескивал на родном украинском языке в дневниковых записях: «Я не член Коммунистической партии. Написана и анкета, и биография, а подать в фабричную ячейку некому. Я не видел там чистых рук», или: «Я умру в Москве, так и не увидев Украины! Перед смертью попрошу Сталина, чтобы... из груди моей вынули сердце и закопали его в родную землю...» Как же тоскует он в последние годы по родной Украине и по милой сердцу Одесской кинофабрике, где никто не стоял над душой, и пьянящая свобода самовыражения помогала делать шедевры! И в то же время как радуется, что успел вовремя снять те самые, честные и прекрасные первые фильмы...

Снять вовремя - важный навык не только в кинопроизводстве, но и в кулинарии. В создании правильной манной каши, являющейся в Одессе также самым быстрым в приготовлении гарниром, это умение, например, составляет 70 % успеха. Итак, ***«Манная каша по-одесски».***

Вам понадобится (на 4 порции):
1 чашка манной крупы,
2 чашки кипятка
70 г сливочного масла,
2 чайных ложки соли
зелень - по вкусу

Приготовление:

Это самый быстрый, но от этого ничуть не менее вкусный гарнир в мире. Сковородку протрем досуха и немного накалим. Теперь слегка обжарим на ней крупу. Сняв сковородку с огня, добавим в манку масло, соль и зелень. Теперь вольем туда кипяток, еще раз перемешаем, поставим на небольшой огонь, накрыв крышкой, и через пять минут соленая манная каша будет готова. Для хорошего настроения блюдо рекомендуется украсить зеленью также и сверху.

Вертута и вертама

«Пока под красных песнопений звуки / Мы не забыли вальсов голубых, / Пока не загрубели наши руки, / целуйте их...» - пророчила коренная одесситка Вера Инбер , встречая роковой 1919 год. Тогда в Одессе было особенно много настоящих поэтов. Холодно, голодно, страшно - а они веселятся, шутят, на ужин потребляют стихи и философские сентенции. Спят по пару часов в сутки и только тогда, когда сон уже больше похож на обморок, будто стремятся нажиться и наговориться впрок. Будто знают, что вскоре многих из них заставят замолчать, «голубые вальсы» и впрямь будут вытеснены «красными песнопениями», а руки и души прекрасных дам огрубеют до неузнаваемости.

Как и у многих, с 1919 года, с приходом большевиков в Одессу, у Веры Инбер, по сути, началась новая жизнь. Будучи двоюродной сестрой одного из лидеров революции (она была кузиной Троцкого), Вера не решилась на эмиграцию. Какое-то время колебалась, даже съездила в Константинополь... Но нет. Уезжала из Одессы замужней дамой, вернулась - одинокой. Муж остался на чужбине, а Вера Михайловна в последний момент отказалась бежать от воспетой братом революции и на каждом углу слушать обвинения в его адрес. В СССР ей пришлось несладко. Мелкобуржуазное прошлое (отец Инбер владел издательством, мать была директором еврейской гимназии) и уже сложившийся имидж куртуазной декадентской поэтессы с вычурными строчками, вроде: «У маленького Джонни/Горячие ладони/И губы, как миндаль...» - делали Веру чужаком. Пришлось давить в себе «пережитки», «перековываться», переезжать в Москву, чтобы бодро шагать в ногу с рьяными пролетарскими поэтами. А тут еще Троцкого объявили врагом народа... Покатились первые головы «троцкистов»... Родственникам оставалось только ждать своего часа или, как Вера Михайловна, делать все, чтобы откреститься от собственных корней. Она начинала как улыбчивая девочка-поэтесса, «рыжая гражданочка, с перьями в пенале», в стихах которой, по словам Ильи Эренбурга, «забавно сочетались очаровательный парижский гамен[1] и приторно жеманная провинциальная барышня». А стала в итоге «литературной комиссаршей, пишущей под диктовку потребностей партии». В каждой шутке есть доля шутки, потому эпиграмма поэта Архангельского: «У Инбер - детское сопрано, уютный жест. Но эта хрупкая Диана и тигра съест», - говорит о многом. И если бы не прекрасные стихи для детей («Ночь идет на

мягких лапах,/ Дышит, как медведь./ Мальчик создан, чтобы плакать,/ Мама - чтобы петь...»), да отдаленные намеки в дневниковых записях («Какое одиночество! Какие мгновенные вспышки света и тепла от встречного сердца! И потом опять ничего»), мы никогда не догадались бы, что это второе, «партийное», лицо Веры Инбер было маской. Эта маска получала регалии от правительства и участвовала в травлях «непролетарских» писателей. Эта маска заставляла даже садовника говорить о чете нанимателей с пренебрежением: «Сам Верынбер - хороший мужик. Душевный. Но Верынберша, жена его... не дай Боже!» Но эта маска спасла Вере Инбер жизнь...

Вера Михайловна Инбер

Как справедливо заметил кто-то из критиков: «Первые двадцать лет Инбер жила, а потом - выживала». И жила она - почти все время, за исключением нескольких лет работы в Западной Европе - именно в Одессе. Гордая походка, острый язык, невероятное любопытство и удивительное умение интересно описывать все увиденное с ранней юности создали Вере

репутацию существа дерзкого, но изумительного. Сама Вера Михайловна вспоминает так: «В 15 лет я писала: Упьемьтесь же этой единственной жизнью, Потому что она коротка. Дальше призывала к роковым переживаниям, буйным пирам и наслаждениям, так что мои родители даже встревожились».

> Гордая походка, острый язык, невероятное любопытство и удивительное умение интересно описывать все увиденное с ранней юности создали Вере репутацию существа дерзкого, но изумительного.

К великой радости родителей, девочка по плохому пути не пошла, решила учиться на историка, благопристойно вышла замуж и уехала в Европу.... А потом начались стихи. В 1912 году, с выходом первого сборника, пришел успех. Книгу хвалили Блок и Эренбург. Инбер сравнивали с Ахматовой, цитировали наравне с Цветаевой... С 1914 года Вера Инбер вернулась в Россию и жила в Одессе. Можно даже сказать - царила. Знакомство с Парижем не прошло даром. Вера научилась премудростям моды и веселому кокетству. Одесские барышни не без иронии звали ее «парижской штучкой», но с готовностью копировали фасоны ее шляп и следовали ее советам в своих по последней моде многочисленных «роковых любовях». В революционные годы муж Веры Михайловны входил в руководство литературного объединения, или попросту «литературки». Современники вспоминали: «Дом Инберов был своего рода филиалом «Литературки». И там всегда бывали Толстые, Волошин и другие приезжие гости. Там царила Вера Инбер, которая читала за ужином свои очень женственные стихи». В то время Веру Михайловну еще любили. Одновременно она успевала растить маленькую дочь, помогать мужу в организационных делах объединения, читать стихи на поэтических вечерах и даже давать в местные газеты изящные статьи о моде: «Если слова созданы для того, чтобы скрывать свои мысли, то платья существуют для того, чтобы показывать свою душу. По крайней мере, ту сторону души, которую хочешь показать»...

> Памятуя об известном «Фигаро тут, Фигаро там», знакомые в шутку дразнили Веру «Вертутой-Вертамой».

Она бывала во всех концах Одессы одновременно, со всеми была знакома, для каждого имела доброе слово и улыбку... Памятуя об известном «Фигаро тут, Фигаро там», знакомые в шутку дразнили Веру «Вертутой-Вертамой», а встретив в Москве через много лет «Верынбера», не могли поверить, что перед ними

тот же самый человек...

Именно той, одесской, Вере Инбер хочется посвятить кулинарную часть главы. Знакомьтесь, неповторимая ***«Одесская яблочная вертута»*** .

Вам понадобится:

1/2 стакана растительного масла
1 стакан кипятка
1 щепотка соли
3 стакана муки
яблоки, сахар, творог - для начинки

Приготовление:

Муку тщательно перемешаем с солью и растительным маслом, затем, потихоньку вливая кипяток, будем месить тесто до тех пор, пока оно не перестанет прилипать к рукам. Теперь раскатаем тесто на тонкие прямоугольники размером с тетрадный лист каждый. Отдельно приготовим начинку: яблоки

протушим с сахаром и смешаем с творогом. Небольшую колбаску из начинки выложим на расстоянии примерно 1 см от края каждого из листов теста. Еще часть начинки размажем тонким слоем по поверхности каждого листа. Теперь скатаем получившуюся заготовку пирога в рулеты, начиная от края с колбаской начинки. Свободные края рулетов хорошенько защиплем, чтобы начинка «не убежала». Запекать пирог нужно в разогретой духовке до коричневатого цвета теста.

Заяц по-одесски

«Ошибка природы!» - говорит настоящий одессит при упоминании о Фаине Раневской . И поясняет, подождав, пока удивление не нарисует на вашем лице «квадратные глаза»: «Ошибка природы, что она родилась не в Одессе! Фанечка Фельдман - и вдруг Таганрог! Как вам это нравится?! Вы послушайте, как она говорит за жизнь! Посмотрите, как пыхает взглядом!

А как она сыграла мадам Стороженко в «Волнах Черного моря»?! Это же стопроцентная одесситка!»

> Хрестоматийной стала фраза одной билетерши: «Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеоз!» Фаина Георгиевна платила городу взаимностью.

В Одессе знаменитую актрису действительно обожают и считают «своей». Хрестоматийной стала фраза одной билетерши: «Когда Раневская идет по городу, вся Одесса делает ей апофеоз!» Фаина Георгиевна платила городу взаимностью, после каждой поездки с теплотой и неподражаемой самоиронией пересказывая эпизоды очередной своей одесской эпопеи:

«Пышная одесситка бежала за мной три квартала. Заглядывала то спереди, то сбоку... В конце концов решительно перегородила дорогу и спросила:

- Скажите, ВЫ - это ОНА?

Что мне оставалось делать? Не обманывать же!

- Да! Я - это она! - уверенно ответила я, после чего, вполне удовлетворенные собой и друг другом, мы спокойно разошлись каждая по своим делам».

«Догнал меня как-то в Одессе поклонник. С трепетом взял за локоть, извинился, залепетал, мол, всю жизнь мечтал о встрече. Потом вдруг вспомнил, что не назвал себя, и радостно сообщил:

- Позвольте представиться, я - Зяма Иосифович Бройтман!

- А я - нет! - вырвалось у меня.

Продолжать общение в мои планы не входило, но в ответ на мою реплику он так заразительно рассмеялся, что пришлось срочно таять. Юмор - верный путь к сердцу умной женщины, правда? Дальнейший диалог нам обоим пришелся по душе».

«Одесса катастрофически модный город. В Москве можно выйти на улицу одетой как бог даст. Никто не обратит внимания.

В Одессе мои ситцевые платья вызывают повальное недоумение - это обсуждают в парикмахерских, в зубных амбулаториях, в трамвае, в частных домах. Всех огорчает моя чудовищная «скупость» - ибо в бедность никто не верит».

«- Я не заболела, я просто так выгляжу! - сказала я, предупреждая расспросы, и друзья, как истинные одесситы, тут же переключились на обсуждение других моих недостатков».

Фаина Георгиевна Раневская

Кроме подобных брутальных сцен у Раневской с Одессой имеются и менее очевидные, зато почти мистические связи. Стоит взглянуть хотя бы на историю псевдонима Фаины Георгиевны. «Дочь небогатого нефтепромышленника» (так Раневская назвала себя во время одной из попыток написать автобиографию) с детства мечтала стать актрисой. Ради театра в ранней юности она

покинула полный достатка родительский дом и пустилась в странствия по малоизвестным театральным труппам. «Я сменила множество театров! -вспоминала Фаина Георгиевна позже. - Искала чистое искусство. Сейчас уже нашла - в Третьяковской галерее. Нынче я живу оседло, а в молодости беспрерывно куда-то переезжала». Изредка и в тайне от отца любящая мать переводила едва сводящей концы с концами Фаине хоть какие-то средства. В один из таких случаев актриса стояла на пороге банка и пересчитывала полученные деньги. Внезапно ветер вырвал их из ее рук и понес вдаль. Не двигаясь и удивленно провожая взглядом купюры, актриса растерянно воскликнула:

- Как красиво они летят! - Так реагировать допустимо только Раневской из «Вишневого сада»!-фыркнул сопровождавший Фаину приятель и кинулся догонять разлетающуюся на глазах надежду на обед.

С тех пор Фаня Фельдман стала Раневской. Напомним, что, по наиболее распространенному мнению, героиню эту Чехов написал с одесситки.

> В Одессе Раневская приобрела рекомендации, благодаря которым, вернувшись в Крым, устроилась на работу в труппу, позже ставшую первым в Крыму советским театром.

Еще одним примером роли Одессы в судьбе Фаины Георгиевны можно считать начало ее карьеры в качестве советской актрисы. В смутное послереволюционное время сотрясаемая гражданской войной и неразберихой, страна не могла предложить служителям Мельпомены ничего, кроме голода и страха. Стоит заметить, что близкая подруга Раневской - костюмерша Тата - была одесситкой. Когда очередной прокатчик, привезший труппу в Крым, сбежал со всеми деньгами, Фаина Георгиевна вместе со своей наставницей Павлой Вульф и ее маленькой дочкой решили принять приглашение Таты и поехать к ее родственникам в Одессу. Там бурлила светская жизнь. Окутанный волной бегущих от большевиков аристократов город еще нуждался в театральных представлениях. Кроме того, здесь Раневская научилась торговаться на базаре и обменивать анекдоты на продукты. Также тут она постигла «священное искусство ездить "зайцем"» в чудом тогда еще функционирующем трамвае. Вместе с гроздьями мальчишек актриса висела на поручне снаружи вагона и старательно делала жалостливое лицо. Кондуктор, обычно смахивающий хулиганов с трамвая, словно мух, терял волю и позволял «зайцам» спокойно болтаться вокруг вагона. И самое главное - именно тогда и именно в Одессе

Раневская приобрела рекомендации, благодаря которым, вернувшись в Крым, устроилась на работу в труппу, позже ставшую первым в Крыму советским театром. Так «дочь нефтепромышленника» превратилась в советскую актрису, со временем ставшую всеобщим кумиром.

Ее любили все - от колхозниц до вождей. Кто знает, может, не катайся когда-то Фаина Георгиевна «зайцем» в одесском трамвае, не знал бы мир теперь незабываемую мачеху из старой «Золушки», не повторял бы на все лады: «Красота - страшная сила», и не было бы знакомо каждому коронное: «Муля, не нервируй меня!»

Кстати, о «зайцах». Охотничьи угодья края славились отменной дичью, и потому заяц всегда был частью одесской кухни. Встречайте! Неповторимый, ароматный и нежный ***«Заяц в красном вине»*** .

Вам понадобится:
1 заяц
3 столовых ложки оливкового масла
соль, перец - по вкусу
4 зубчика чеснока
1 бутылка красного сухого вина

1 луковица
1 лавровый лист
4 ягоды можжевельника
1 веточка петрушки
1 веточка тимьяна
чернослив - по вкусу

Приготовление:

Все части зайца, которые собираемся есть, промываем, режем на небольшие кусочки и оставляем отмокать в холодной воде на несколько часов. Тем временем в отдельную посуду наливаем вино (три четверти бутылки) и добавляем лавровый лист, порезанный крупными кусками лук, тимьян, чернослив и можжевельник. Посолим-попречим на свое усмотрение. Доводим смесь до кипения, снимаем с плиты и укладываем в образовавшийся маринад кусочки зайчатины. Если жидкость не покрывает мясо, можно добавить немного кипятка. Когда остынет, ставим мясо в холодильник и достаем только на следующий день (мариноваться оно должно не меньше 12 часов). Теперь выловим кусочки зайчатины, протрем их насухо бумажными салфетками, нашпигуем чесноком, хорошенько смажем маслом и выложим в форму для запекания. Поставим в духовку под гриль для образования на мясе аппетитной корочки. Затем польем оставшимся вином, смешанным с маринадом, в котором настаивался заяц, закроем форму и оставим в духовке запекаться до готовности. Минут через 15-20 мясо можно вынимать и подавать к столу.

Место встречи изменить нельзя

«Если вы чуть-чуть художник и поэт, Вас поймут в Одессе с полуслова», - пел Владимир Высоцкий в своей ироничной «Песенке о старой Одессе». Шутки шутками, но с Одессой у Владимира Семеновича и правда было удивительное взаимопонимание. В отличие от Москвы, бдительно следящей за малейшими отклонениями от норм коммунистической морали, менее поднадзорная Одесса была куда более лояльна. На Одесской киностудии снимались самые знаковые фильмы с Высоцким, здесь жили и работали многие друзья артиста (не обязательно актеры, у Владимира Семеновича, например, было несколько близких друзей среди капитанов морского порта), отсюда начинались самые романтичные круизы Влади и Высоцкого, когда пара окончательно решила быть вместе… Кроме того, в Одессе можно было дать полулегальный концерт, не согласовывая предварительно программу ни в каких партийных организациях. Так, например, Владимир Семенович выступал в зале загадочного «Специального конструкторского бюро специальных станков». Из уст в уста люди передавали сообщения о предстоящем мероприятии и, затаив дыхание, слушали те самые, знакомые по магнитофонным записям, но запрещенные к трансляции в СМИ песни.

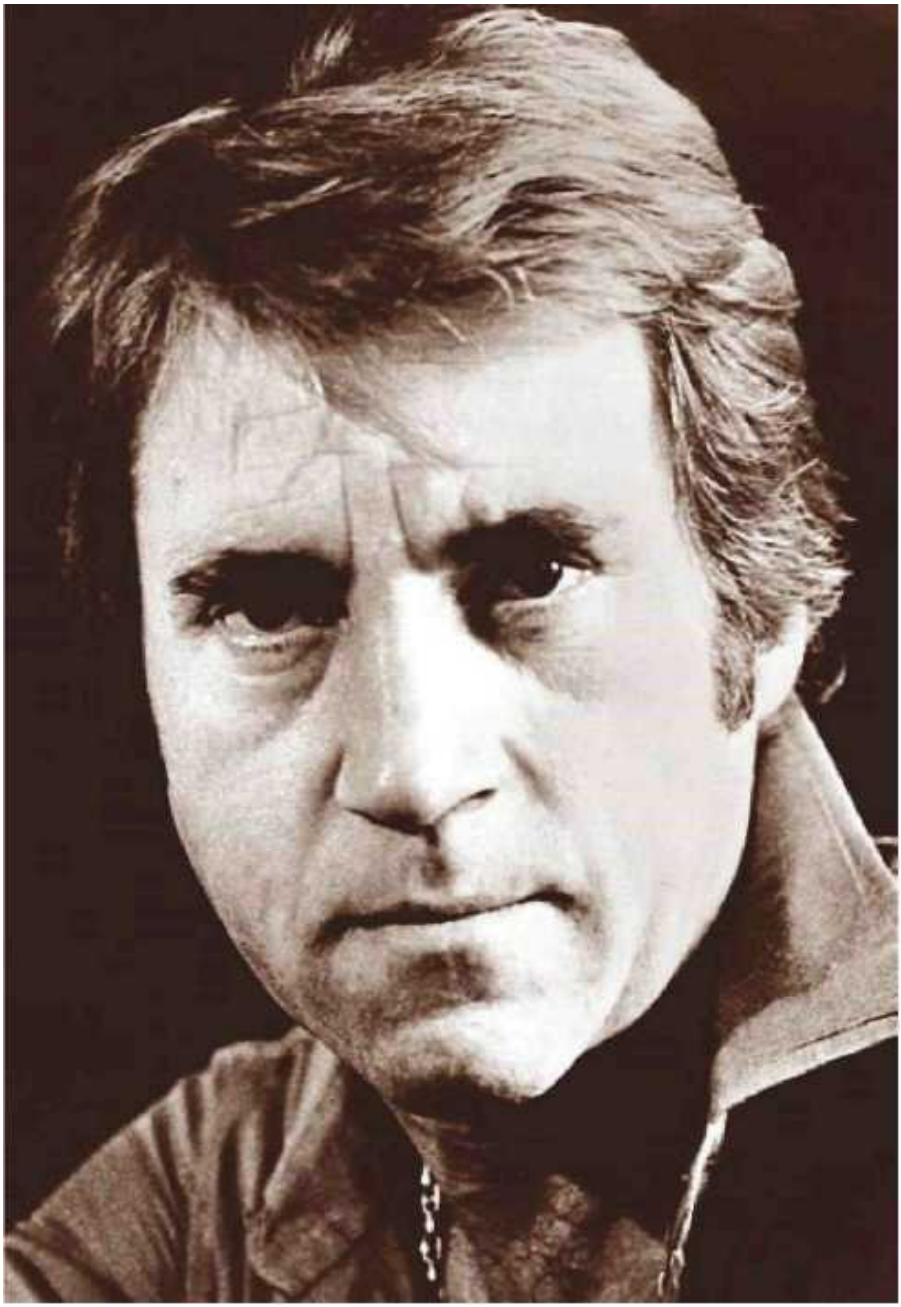
> В отличие от Москвы, бдительно следящей за малейшими отклонениями от норм коммунистической морали, Одесса была куда более лояльна и менее поднадзорна.

Кроме этого, Одесса помнит и пару громких уличных выступлений Высоцкого:

«Во время съемок «Интервенции» в Одессе мы жили в гостинице «Красная», напротив филармонии. Как-то июльским вечером - был день моего рождения - сидим, пьём-гуляем, а в филармонии шёл концерт кого-то из наших маэстро, чуть ли не Ойстраха, - вспоминает кинорежиссер Геннадий Полока. - Весь цвет Одессы, все отцы города, теневики, подпольные миллионеры съехались… Концерт закончился, публика стала выходить на улицу, шум-гам, такси, троллейбусы подъезжают… А Володя сидит на подоконнике и поёт для нас. И на улице наступила тишина. Выглядываем в окно: перед филармонией стоит тысячная толпа, транспорт остановился, все слушают Высоцкого.

Оркестранты вышли во фраках, тоже стоят, слушают. А когда Высоцкий закончил петь, сказал «всё», толпа зааплодировала...»

Позже эта история обросла фантазиями и новыми подробностями. Кто-то из очевидцев говорил, что, оставив друзей, Владимир Семенович повернулся к публике и, свесив ноги на улицу, пропел так до четырех утра. Кто-то - что народу все прибывало, случилась давка, и люди разбили витрину в соседнем магазине, но приехавшая милиция никого не задержала, потому что тоже стала слушать Высоцкого... Одесские эпизоды жизни Владимира Семеновича вообще превратились уже в легенды и представляют собой кладезь для журналистов. Существует полный интересных сюжетов цикл радиопередач «Высоцкий в гостях у одесситов», во Франции снят прекрасный документальный фильм «Владимир Высоцкий глазами одесситов», опубликованы целые исследования на тему «Одесский репертуар в песнях Высоцкого».



Владимир Семенович Высоцкий

В этих работах раскрываются интересные стороны характера. «Невысокий и тонкий» Владимир Семенович, не задумываясь, кинулся в драку, «то ли раскидав, то ли напугав до смерти» трех здоровых бугаев, устроивших потасовку и повалivших на асфальт одного отставшего от компании актера. Правда, после бегства нападающих оказалось, что актер не столько повержен, сколько

мирно спит на земле. Кстати, Высоцкий очень трогательно относился к коллегам и их работе. По воспоминаниям участников съемок фильма «Интервенция», он мог сорваться и прилететь в Одессу из Москвы даже на съемки тех эпизодов, в которых не участвовал, - просто чтобы подбодрить коллег, просто чтобы поддержать нужное настроение. А еще он очень не любил привлекать внимание к своей персоне. К своему творчеству - да, к себе - нет. Когда-то, отдыхая в палатке на берегу моря под Одессой, тележурналист Ким Каневский встретил компанию знакомых, палаточный лагерь которых был неподалеку. Среди них оказалось два новых, не известных Каневскому человека. Только под конец вечера журналисту шепнули, что это «тот самый Высоцкий» и сын Марины Влади - Пьер. В жизни Владимир Семенович держался очень скромно, о себе вообще не говорил и явно был благодарен новым знакомым за корректное неузнавание. Кроме воспоминаний очевидцев, об отношениях Владимира Семеновича и Одессы явно говорят его песни. «В который раз лечу Москва - Одесса» - написана с натуры прямо в аэропорту. Правда, набросок песни появился за несколько месяцев до этого в Белоруссии, звучал, как: «Лечу я Минск-Одесса - пособила стюардесса, / Изящная, как весь гражданский флот» и был посвящен ситуации, когда из-за отсутствия билетов приятели Владимира Семеновича, которым срочно нужно было попасть в Одессу, вынуждены были «колдовать» над маршрутом и добираться из Москвы через Минск.

> Кроме собственных песен, Высоцкий еще и прекрасно исполнял чужие одесские песенки, а также писал стилизации в стиле «одесских куплетов» или «одесского блатняка».

Кроме собственных песен, Высоцкий еще и прекрасно исполнял чужие одесские песенки, а также писал стилизации в стиле «одесских куплетов» или «одесского блатняка». В знаменитой песне налетчиков из фильма «Интервенция» два первых куплета написаны Высоцким, а два вторых - это ходивший по Одессе с незапамятных времен фольклор. Во всех фильмах, снятых на Одесской киностудии, Владимир Семенович выступал не только актером, но и советчиком, сопереживателем, соавтором всего происходящего. Он работал с друзьями, создавал культовые образы (вроде своей последней работы в «Место встречи изменить нельзя»), постоянно приводил Марину Влади в гости к кому-то экстраинтересному, и, по свидетельствам многих знакомых, «одесский период его жизни был самым счастливым»...

Кстати, о местах встречи, которые нельзя изменить. В Одессе к таким относится множество ресторанов, которые становятся любимыми на многие годы после первой же встречи. Каждому нравится свой, каждому - по совокупности причин, в том числе, из-за коронного блюда шеф-повара. Одним из таких «тайных рецептов» быстрых закусок с нами любезно поделились. Итак, ***«Секретный рецепт от шеф-повара».***

Вам понадобится:
1 банка (10 колец) консервированного ананаса
150 г консервированных креветок
200 г твердого сыра
100 г плавленого сыра
3-4 зубчика чеснока
1 столовая ложка майонеза
соль, перец - по вкусу

Приготовление:
Сливаем из ананаса жидкость. Часть колец разрезаем пополам, а потом вдоль. Украшаем ими блюдо по периметру. Остальные ананасы и креветки нарезаем на равные кусочки. В

отдельной посуде перемешиваем креветки, порезанные ананасы, тертый плавленый сыр, измельченный чеснок и майонез. Получившуюся смесь выкладываем в центр блюда. Засыпаем все, кроме боковых колец ананаса, тертым сыром и обрабатываем кухонной газовой горелкой, чтобы сыр расплавился, а салат не нагрелся.

«Прошу к столу- вскипело!»

Мы говорим «одесский юмор» - подразумеваем Жванецкий. Он говорит что угодно (подразумевать при этом может тоже что-то весьма отвлеченное), но получается «одесский юмор». Два эти понятия перетекают одно в другое и, хотя хронологический порядок - вещь упрямая, все же иногда не понятно, кто из них кого породил.

> «Я вообще только про Одессу и могу писать. Я же ею фонтанирую, струится из меня Одесса. В каждой моей строчке - этот город и эти люди...»

Друзья говорят о Михаиле Михайловиче Жвапецком , что «у него не просто юмор, это философия. Шекспир в юморе. Каждая строчка - афоризм», и «он такой же гений, как Салтыков-Щедрин или Гоголь. Совершено поразительно то, что он пишет». Поклонники всерьез рекомендуют использовать цитаты из Жванецкого в тестах на IQ, дабы судить по реакции об интеллектуальном уровне испытуемого. В Одессе его именем назван целый бульвар, и 60 % опрошенных на улицах людей считают его самым известным одесситом. Сам Михаил Михайлович, словно оправдываясь, постоянно подчеркивает, что не виноват в своем таланте нисколечко, и что все вопросы к городу Одессе: «Я вообще только про Одессу и могу писать. Я же ею фонтанирую, струится из меня Одесса. В каждой моей строчке - этот город и эти люди...»

Михаил Михайлович родился в Одессе 6 марта 1934 года. Мама - врач, папа - врач, сын, пытаясь обходить медицину десятой дорогой, закончил после школы Одесский институт инженеров морского флота, честно работал по специальности, но, в конце концов, сделался юмористом и оказался главным в стране врачевателем душ. «Юмор - это редкое состояние талантливого человека и талантливого времени, когда ты весел и умен одновременно. И ты весело открываешь законы, по которым ходят люди...» -говорит Михаил Михайлович. Однако услышав его хоть раз, невозможно не поставить под сомнение «редкостность» описанного состояния. Даже самые грустные его высказывания - «Проклятье - они придумывают, а нам доставать» (про запад и СССР), или «Никто не понимает, и мастерство уходит в ночь» (о профессионализме на эстраде), или «Что наша жизнь: не привыкнешь - подохнешь, не подохнешь -привыкнешь», -

заставляют нас иронично хмыкать, собираться и, не позволяя себе раскисать, двигаться дальше. Даже смешно, что такой общепризнанный нынче антидепрессант, как Жванецкий, долгое время работал, словно пушка, стреляющая по воробьям, инженером по подъемно-транспортным механизмам на ПРОДМАШЕ. «Восемь лет погрузки-выгрузки, - вспоминает Жванецкий, - разъездов на автопогрузчике, сидения в пароходе, в трюме, в угле, когда видны только глаза и зубы. Там я мужал...»

Михаил Михайлович Жванецкий

Кроме этого важного занятия, Михаил Михайлович еще пописывал иногда сценарии номеров для любительского театра. Там-то талантливого автора и настигла судьба в лице Аркадия Райкина, пригласившего Жванецкого в Ленинградский театр миниатюр на должность заведующего литературной частью.

Тексты, вышедшие из-под его пера, сделали знаменитыми множество артистов. Но и сам он воспроизводит свои вещи ничуть не менее блестяще. Знаменитый портфель Жванецкого, его манера читать с листа, его характерный взгляд и потрясающие импровизации в диалогах со зрителем - все это уже стало легендой и эталоном правильного интеллектуального юмора.

Разумеется, не все в карьере Жванецкого складывалось гладко. Юморист в стране с тоталитарным режимом - профессия рискованная по определению. Невозможно сосчитать, сколько шуток было вычеркнуто перед публикациями, сколько спектаклей оказались запрещенными за пару дней до премьеры, сколько миниатюр - забракованными из политических соображений. Но Михаил Михайлович не сдавался. Жил так, как пишет: «Вы пробовали когда-нибудь зашвырнуть комара? Далеко-далеко. Он не летит. Нет, он летит, но по-своему. И плюет на вас. И поэтому надо быть очень легким и независимым». Жванецкий был любимцем публики СССР, остался верен и нужен зрителям всех возрастов и в смутные постперестроечные, и в безумные докризисные, и в потребительские нынешние годы. Над его словами смеются, но при этом передают их друг другу, как высшую мудрость. Он умудряется быть и «гуру в юморе» и «гуру с юмором» одновременно, затрагивая в своих диалогах самые тонкие и самые актуальные темы.

> «Для постороннего уха - в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости. Писателей в Одессе много, потому что ничего не надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать».

И, хотя иногда Михаил Михайлович и вздыхает по поводу того, что «та Одесса давно уже уехала» или говорит, мол, «оптимистов не осталось. Только я», тем не менее, обязательно каждый год приезжает в родной город. И не только с концертами или «на отдохнуть», но и чтобы «подзарядиться» новыми интересными наблюдениями за «одесситами, с которых можно писать вечно». Ведь именно одесситы «разговаривают руками», и потому «одесситка, руки которой заняты ребенком, не может ничего объяснить». Ведь одесситы «не подозревают, что они шутят, и не надо им говорить, не то они станут этим зарабатывать. У них выпадут волосы, вместо того, чтоб говорить, они будут прислушиваться, записывать, а потом читать по бумажке». Ведь, в конце концов: «Для постороннего уха - в Одессе непрерывно острят, но это не юмор, это такое состояние от жары и крикливости. Писателей в Одессе много, потому что ничего не

надо сочинять. Чтоб написать рассказ, надо открыть окно и записывать».

Иногда, чтобы спокойно поработать, Жванецкий бывает в Одессе инкогнито, но, судя по получающимся в итоге вещам, живет он тут всегда с открытым сердцем и распахнутыми окнами.

В творчестве Михаила Михайловича много прекрасных кулинарных мотивов. Он блестяще варит сбитень, утверждает, что «лучше обед без аппетита, чем аппетит без обеда», а его знаменитое «Прошу к столу, вскипело!» давно уже стало самостоятельным афоризмом. Что ж, именно о блюде, которое подают на стол сразу, как только закипит, мы сейчас и поговорим. Ароматнейший ***«Деликатесный суп из шампиньонов»*** к вашим услугам!

Вам понадобится:
500 г шампиньонов
500 г картофеля
2 морковки
пучок лука-порея

200 г твердого сыра
100 г плавленого сыра
зелень, соль, специи - по вкусу

Приготовление:

Для начала подготовим ингредиенты. Картофель очистим и порежем на мелкие кусочки. Очистив морковку, натрем ее на терке. Лук и грибы тоже почистим, хорошенько промоем и мелко нашинкуем. Положив все грибы и овощи в кастрюлю, посолим их, добавим специи и, залив небольшим количеством воды, проварим до готовности. После этого измельчим с помощью блендера или давилки для пюре и снова поставим на огонь. Нарезав твердый сыр на мелкие кусочки, растворим его в горячем супе. Когда суп снова закипит, немедленно снимем его с огня, добавим тертый плавленый сырок, украсим зеленью и сразу же разольем по тарелкам.

Раки. Вчера, сегодня, вечно

Говорят, одесситы - прирожденные артисты юмористического жанра. Дескать, выпусти их на сцену, попроси прочесть любой текст - зал будет покорен. Отчасти мнение это утвердилось с легкой руки Аркадия Райкина, который шутил: мол, будучи в Одессе в 1961-м, решил проверить эту особенность горожан в деле, наобум зазвав в свой театр пару-тройку человек «попробовать». Пробы эти открыли миру Жванецкого, Карцева и Ильченко, на совести которых насчитывается теперь немало случаев доведения зрителя до колик в животах и коллективных смеховых истерик. О том, что было бы, выбирай Райкин более осознанно, даже подумать страшно...

На самом деле Аркадий Исаакович, конечно, заинтересовался именно этими артистами неспроста. Кроме природных данных, ребята отличались потрясающей работоспособностью и желанием расти. Даже сейчас, став знаменитостью планетарного масштаба, Роман Андреевич Карцев не перестает ратовать за профессионализм и необходимость работы над собой. Говорят, как-то к Карцеву подошел один известный современной публике по «Аншлагу» юморист.

«Спасибо! - говорит. - Я так рад вас смотреть! Я на вас вырос!»

«Удивляет только, что ж ты дальше-то не растешь?» - честно вздохнул Роман Андреевич.

В интервью он часто говорит: «Вот Райкин, когда играл спектакль несколько лет подряд, он непрерывно его улучшал, что-то менял, что-то выбрасывал. Но держал фасон. А сейчас, даже когда появляется хороший юморист, через три-пять передач он начинает работать на потребу... И я даже это готов пережить. Но дети, которые, к сожалению, все это смотрят, когда вырастут, будут понимать только такой юмор... Это печально... Считаю, что в школе с первого класса надо преподавать уроки хорошего юмора. Надо детям читать стихи Хармса, чтобы они их разыгрывали».

> «Юмор в Одессе не пропадал никогда. Ни в холода, ни во время войны, ни после войны. Одесский язык тональный. Он требует точной интонации, и еще никогда не знаешь, чем закончится разговор».

Сам он всегда делает высокопрофессиональные программы, старается работать с грамотным режиссером и хорошими

авторами. Чехов, Зощенко, Жванецкий... Кто бы мог подумать, что их произведения можно сделать еще ярче с помощью актерской трактовки? Впрочем, как признается Карцев, с Михаилом Жванецким работается не всегда гладко: «У нас с ним отношения непростые. Особенно у него ко мне. Я стихийный человек, часто импровизировал. Он за это нападает жутко. Но Миша - уникальный человек, никого рядом с ним поставить не могу».

Разумеется, иногда Роман Андреевич пишет тексты сам. Приятно, что многие его миниатюры как раз про Одессу:

«Юмор в Одессе не пропадал никогда. Ни в холода, ни во время войны, ни после войны. Одесский язык тональный. Он требует точной интонации, и еще никогда не знаешь, чем закончится разговор». Во время «Юморины» ко мне подошел мальчик лет восьми:

- Дядя Рома, я вас первый раз вижу живым!

Я:

- Ну и как впечатление?

Он:

- Я думал, что вы хуже»,

или:

«Два одессита могут стоять, разговаривать. Третий, незнакомый, подойдет, встанет рядом, слушает долго, потом говорит:

- Ой, не морочьте голову! - и уйдет».

«Два одессита могут стоять, разговаривать. Третий, незнакомый, подойдет, встанет рядом, слушает долго, потом говорит: - Ой, не морочьте голову! - и уйдет».

Эти оттеночки города передаются Карцевым с большой любовью и с истинным пониманием. В Одессе Роман Андреевич родился и вырос. Тут ходил в школу, а летом целыми днями «катался за мячом по двору», играя в свой обожаемый футбол. «Начинали играть утром и заканчивали перед сном. Игры прекращались, и мы припадали к крану с водой. А кран такой большой, с длинной ручкой. К нему большущая очередь стояла, ну, как за колбасой в конце 80-х»... Именно в Одессе, устроившись после школы работать наладчиком на швейную фабрику, Карцев параллельно начал выступать в самодеятельном драмкружке (этот кружок, много позже, заканчивая уже актерский факультет ГИТИСа, Роман Андреевич назовет своим первым университетом). Именно в Одессе Романа заметили создавшие любительский театр «Парнас-2» Жванецкий и Ильченко. Именно из Одессы всех их позвал работать в свой ленинградский театр Райкин. И, между

прочим, именно в Одессу артисты вернулись через 5 лет, мечтая о самостоятельности. И понеслось...

«В Одессе тогда была холера. Прекрасное было время: улицы чистые, никого нет. Все сидят в обсервации. И только мы втроем ходим: я, Миша Жванецкий, Витя Ильченко. Веселые. Потому что делаем первую свою программу после ухода от Райкина»

Роман Андреевич Карцев

Программу эту, чтобы «никто не думал, что Одесса погибла», к счастью, даже не стали отсматривать в обкоме партии. Сразу сказали: «Езжайте на гастроли!» И, хотя труппу сначала возили с выступлениями по каким-то колхозам, где скептически настроенные бабушки стыдили Жванецкого: «Что ж ты, слова не

мог выучить?», а организаторы говорили: «Хорошо у нас идут лилипуты и цыгане. А вы, ребята, артисты слабые...», в конце концов, все вышло замечательно: выступление показали по телевизору, и на следующий день артисты проснулись знаменитыми.

Кстати, даже переехав в столицу, Карцев все равно остался предан Одессе: «В Москве я по-прежнему отношу себя к категории «понаехали тут»... Хотя уже 30 лет как «понаехал». Но Одесса - это все! Море, воздух, солнце...» И город платит ему взаимностью, встречая с распростертыми объятиями, присваивая звание «почетного одессита и юмориста» и неустанно забрасывая каверзными вопросами в интервью:

«- Признайтесь, верите вы в то, что большие раки в Одессе снова будут по пять рублей?

- Да-а, «Раки»... До сих пор все просят повторить эту миниатюру. Но я говорю: «Нет, ребята, цены изменились». Хорошо, хоть раки остались прежние!»

Что ж, тем самым, оставшимся прежними ракам и посвящается наше кулинарное приложение к главе. Встречайте, ***«Раки по-одесски»*** !

Вам понадобится:

3 кг раков

5 столовых ложек соли

2 столовых ложки сметаны
1 столовая ложка аджики
2 лимона
небольшой пучок петрушки
большой пучок укропа
5 лавровых листиков
20 горошин черного перца

Приготовление:

Живых раков, прежде всего, нужно промыть: запустить их в сосуд большого объема, залить холодной водой и, пополоскав минут 30, сменить воду. Повторить процедуру рекомендуется 2-3 раза. Теперь приступим, собственно, к приготовлению. Нальем в большую кастрюлю воду, добавим два лимона, предварительно разрезав каждый из них на три части. Туда же бросим петрушку, укроп, лаврушку и перец. Доведя воду до кипения, добавим туда сметану и аджику, после чего выключим огонь и дадим настояться минут 20. Теперь снова вскипятим воду, опустим раков в воду головой вниз и, дождавшись, пока вода снова закипит, поварим их минут 15-20. Блюдо готово! Осталось украсить его листьями салата или дольками лимона.

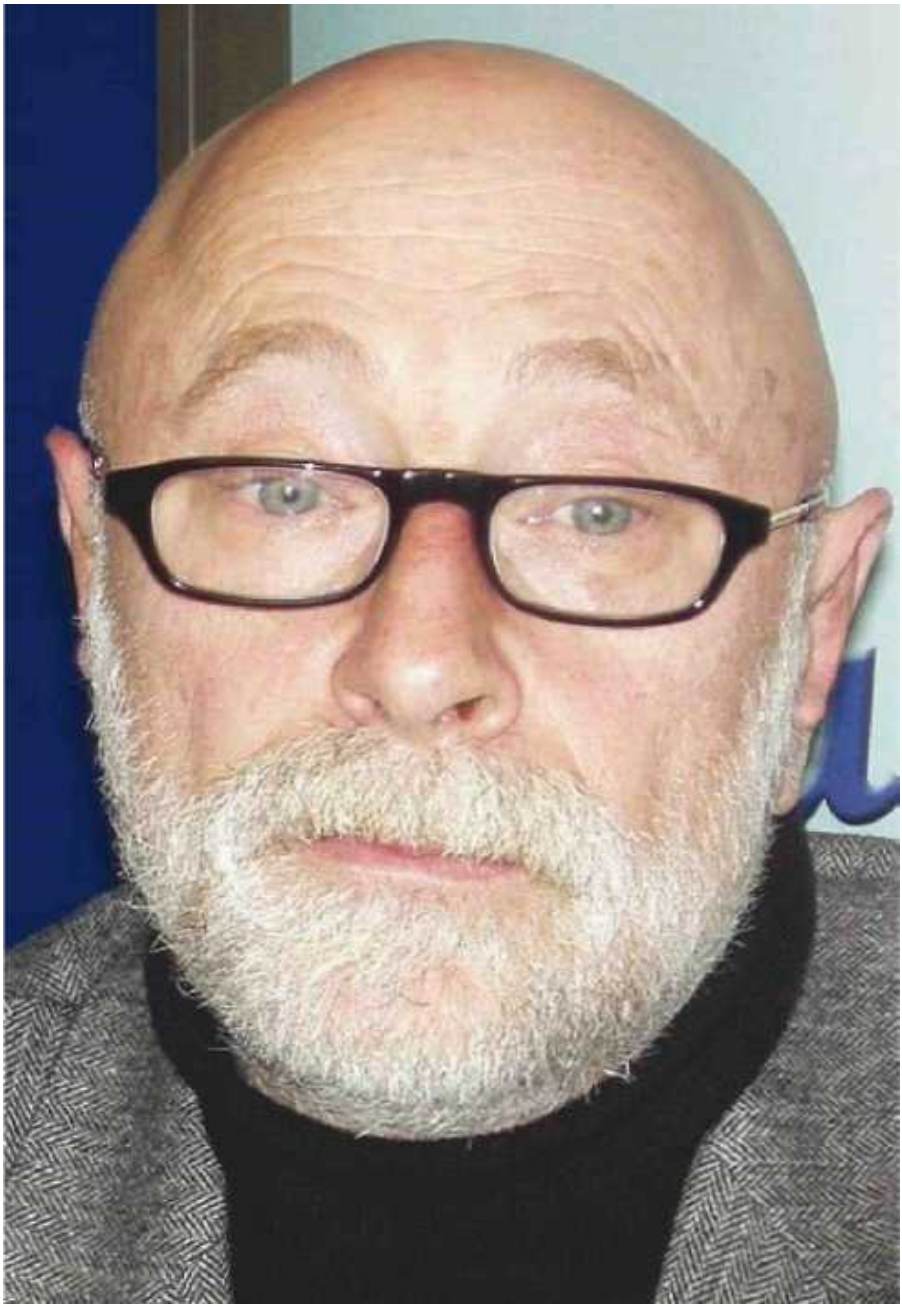
Остёр, прекрасен и любим

Как известно, к детям в Одессе совершенно особое отношение. И дело даже не в том, что «худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра». А скорее, в том, что «в детей вкладывают все надежды. Раньше на крошечное болезненное существо вешали скрипку, теперь вешают коньки, шахматы и морской бинокль. И хотя он не больше сифона с газированной водой, он уже бьет ножкой в такт и такой задумчивый, что его уже можно женить». Поэтому совершенно не удивительно, что один из самых любимых детских писателей современности, автор культовых «Вредных советов» и «Котенка по имени Гав», чудесный телеведущий и главный советчик всех личностей школьного возраста - Григорий Остер - родился именно в Одессе.

> «Худой ребенок считается больным. Его будут кормить все, как слона в зоопарке, пока у него не появятся женские бедра».

Произошло это торжественное событие 27 ноября 1947 года, и, судя по воспоминаниям близких, с тех пор и по сей день Григорий хулиганит не переставая. Даже первое слово у него было матерным! «Согласно семейному преданию. Обычно я засыпал под мамину колыбельную: «Ветра спрашивает мать, где изволил пропадать...», а в тот раз маму отвлекли домашние, она спела только: «Ветра спрашивает...» - и замолчала. Я приподнял голову, огляделся через решетки своей детской кроватки и четко произнес свое первое слово: «Мать»...

И хотя совсем еще малышом Григория увезли из Одессы, он все равно сохранил все атрибуты настоящего одессита: отменный юмор, прекрасное владение языком, искренний интерес к детскому мировоззрению и, конечно, любовь к родному городу: «Я действительно родился в Одессе, хотя вырос в Ялте, куда меня еще маленьким привезла мама - а папа, Бенцион Остер, продолжал служить в Одессе военным моряком. Одесса осталась у меня в крови, я всем знакомым в детстве грозно говорил: "У меня папа-Беня!"»



Григорий Бенционович Остер

После службы в армии Григорий Бенционович поступил в московский литинститут им. Горького. Принято считать, что хорошие детские писатели появляются в стране из-за излишней суровости цензуры. Дескать, писать серьезные и искренние вещи об окружающем мире запрещают, потому талантливые литераторы начинают работать для детей - на стезе, где можно

одновременно и не врать, и печататься. «Спасибо партии и правительству за цензуру в Советском Союзе, а значит, за Чуковского, Маршака, Заходера», - говорит Григорий Остер и в то же время собственной творческой биографией показывает, что и детский писатель может попасть в опалу. После первой публикации «Вредных советов» в прессе тут же появились возмущенные статьи критиков. А когда Остеру впервые удалось прочесть отрывки из книги по радио, пришло два мешка писем: «один - от дедушек и бабушек (мол, вырвем с корнем вон с плодородного поля нашей литературы зарвавшегося писателишку Остера), другой - от благодарных детей. Одна девочка написала совершенно гениально: «Ребенка надо обязательно учить юмору, иначе он вырастет и будет, как клоун, а нам нужны серьезные люди». И хотя всем здравомыслящим людям ясно, что задачки о том, «сколько штанов хорошо обученный пожарный успеет надеть за 40 секунд», повышают любовь к математике, а нормальным детям никогда не придет в голову «в папины ботинки вылить мамины духи», все равно какое-то время Григория Остера пытались запрещать. Впрочем, писатель относился к происходящему с должной иронией. Кроме того, все запреты только способствовали популярности Остера: его чудесные произведения издавались самиздатом, пересказывались наизусть на кухонных посиделках и всерьез обсуждались прогрессивными мамашами, как прорыв в педагогике. Между прочим, не зря.

Как отец пятерых детей, Григорий Бенционович прекрасно разбирается в детской психологии (то есть в том, как надо учить, чтобы ребенок лучше усваивал), а как интеллигентнейший и умный человек, отлично ориентируется в самых разных научных областях (то есть знает, чему нужно учить). Кстати, своих детей Григорий Бенционович в школу не пустил - обучал их дома, приглашая репетиторов. По признанию Остера, они с женой вообще ставили над своими детьми множество «ужасных опытов», утешая друг друга тем, что «если что, у нас есть еще запасные дети». Каких опытов? Ну, конечно, литературных! Дети всегда были первыми слушателями и критиками большинства работ отца. Многие строчки из знаменитых нынче на весь мир стихов подсказали Остеру именно они, например: «В горчицу булку накроши и чайной ложкой съешь, и будешь знать, как горек хлеб твоих учителей» - сначала начиналось с фразы «в солонку», но дочка немедленно исправила строку. При этом, правда, в ответ на вопрос о том, что делать родителям, дабы чада не садились им на шею, «героический папа» смеется, говорит, что так не бывает, и дает важный совет: «Уважаемые родители! Укрепляйте мышцы шеи!»

Все запреты только способствовали популярности Остера: его чудесные произведения издавались «самиздатом», пересказывались наизусть на кухонных посиделках и всерьез обсуждались прогрессивными мамашами как прорыв в педагогике.

Удивительно, но у человека с фамилией Остер имеется литературный псевдоним - Остёр. Оказывается, получилось это случайно. Еще во времена работы Григория Бенционовича в детском журнале «Веселые картинки» редактор над фамилией автора то ли случайно, то ли осознанно поставил «те самые роковые две точки». Идея всем очень понравилась, и «избавиться» от случайного псевдонима у автора до сих пор не получилось. Ну и правильно! Псевдоним должен быть говорящим, символичным и честным, а работы Остера и впрямь представляют собой образец остроумия.

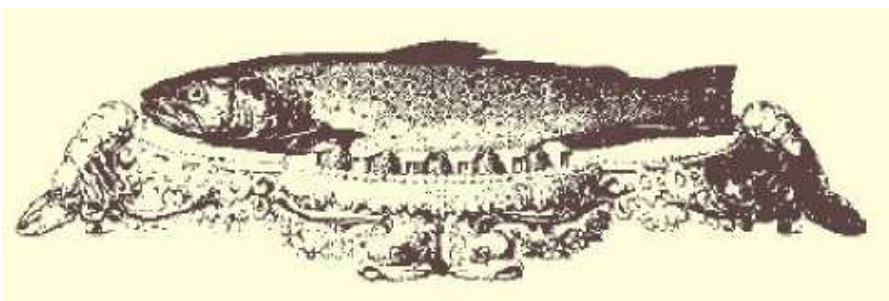
Кулинарным приложением к рассказу о человеке с таким псевдонимом, конечно, должно быть какое-то острое блюдо. Причем, как последнее в этой книге, блюдо должно быть особенно любимо и прекрасно. Что ж, мощным завершающим аккордом грянет знаменитая ***«Икра из синих по-одесски».***

Вам понадобится:

2 баклажана
1 болгарский сладкий перец
2 помидора
1 луковица
соль, перец черный молотый, зелень кинзы - по вкусу
2 столовых ложки растительного масла

Приготовление:

Возьмем зубочистку или острый нож и в каждом баклажане сделаем по 5-6 проколов. Теперь положим баклажаны вместе с перцем на противень и поставим в духовку. Печь их будем минут 40 под грилем, периодически переворачивая. Потом, слегка остудив, снимем с овощей кожицу, а у перца еще и вытащим семена. Острым ножом измельчим мякоть. Отдельно очистив помидоры от шкурки (для этого их надо обдать кипятком), а лук от шелухи, натрем их на мелкой терке. Измельчим зелень. Смешаем все ингредиенты, посолим, поперчим и добавим подсолнечное масло. Перед употреблением икра должна настояться в холодильнике хотя бы 8 часов.



Надані в книзі рецепти мало того, що зовсім не складні і при тому чудові, так ще й зібрані автором аж ніяк не випадково. Кожен супроводжується своєю літературною історією, пов'язаною з відомими особистостями, які жили або просто бували в Одесі, а ще й з одеськими легендами, байками, оповіданнями та оповіданнячками.

notes

Примечания

1

сорванец *(франц.)*